

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2024 – 4

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

Аватков В.А. – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Аликберов А.К.* – д-р ист. наук, Институт Востоковедения РАН, *Бондаренко Д.М.* – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, Институт Африки РАН, *Братерский М.В.* – д-р полит. наук, НИУ ВШЭ, *Гордон А.В.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам главного редактора, *Кораяев Т.К.* – канд. ист. наук, МГУ, *Кузнецов И.И.* – д-р полит. наук, МГУ, *Н.Ю. Лапина* – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Леонова О.Г.* – д-р полит. наук, МГУ, *Мирзеханов В.С.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор, *Михель Д.В.* – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/rva/2024.04.00
ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

Гордон А.В. Иммигрантская молодежь Франции против . «Марш беров» 1983 г.	5
--	---

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Чалышев А.Ю. Конец франка КФА?	28
Алексян Л.М. Турецко-алжирские отношения: новые тен- денции	41

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Сидорова С.Е. Приключения мятежного раджи: побег, погоня, детронизация (политический кризис в Нагпурском кня- жестве, 1817–1818)	52
Михель И.В. Особенности урбанизации в Китае. Рец. на кн.: Сюэфэй Жэнь. Урбанизация по-китайски. Санкт-Петер- бург: Academic Studies Press, 2023	84
Мозиас П.М. Промышленная политика Китая: на перекрестке мнений	92
Демидов К.Б. Критика глобалистского неолиберализма южно- корейским экономистом Ха-Джун Чангом	130
Максимов А.А. Отличительные черты географического описа- ния провинции Овари в «Овари мэйсе дзуэ»	146

CONTENTS

CIVILIZATIONS. STATES. CULTURES

Gordon A.V. French Youth of Immigrant Origin in the Fight Against Discrimination. March of Beurs. 1983	5
---	---

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Chalyshev A.Yu. End of the CFA Frank?	28
Aleksanyan L.M. Turkey-Algeria Relations: New Trends.....	41

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Sidorova S.E. Adventures of a Rebellious Raja: Escape, Chase, Dethronement (Political Crisis in the Nagpur Principality, 1817–1818)	52
Mikhel I.V. Specific Features of Urbanization in China. Book Review. Xuefei Ren. Urban China. Sankt-Petersburg: Academic Studies Press, 2023	84
Mozias P.M. The Chinese Industrial Policy Debate	92
Demidov K.B. South Korean Economist Chang Ha-Joon about Neo-Liberal Globalism	130
Maximov A.A. Features of the Geographical Description of Owari Province in “Owari Meisho Zue”	146

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

ГОРДОН А.В.* ИММИГРАНТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ФРАНЦИИ ПРОТИВ ДИСКРИМИНАЦИИ. «МАРШ БЁРОВ» 1983 г.

Аннотация. Иммиграция, резко нараставшая в период экономического подъема Франции (1946–1973), с воссоединением семей вылилась в образование диаспор, самой многочисленной из которых сделалась арабо-магрибинская с преобладанием выходцев из Алжира. С началом экономического кризиса и деиндустриализацией во французском обществе ухудшалось отношение к иммиграции, в первую очередь – к алжирской, актуализующей своим присутствием неизжитую травму колониального господства (Французский Алжир). На этом фоне развивался кризис политики интеграции. Кварталы многоквартирных жилмассивов, заселявшиеся иммигрантами, превращались в резервуар безработицы, средоточие бедности, пространство отчуждения. Оторвавшиеся от исторической родины, подвергшиеся частичной ассимиляции, но не ставшие полноценными членами французского общества, молодые жители таких кварталов вырабатывали особую субкультуру, отправным пунктом которой становилось нарушение принятых в обществе норм. Логикой подобной девиантности они вступали в регулярные столкновения с полицией, жестокость которой нередко приводила к массовым протестным выступлениям. Наиболее крупные из них состоялись в 1981–1983, 2005 и 2023 гг. Особенно первого в квартале Мингет Лионской агломерации была трансформация насильственных акций в марш из Марселя в Па-

* Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

риж, ставший магистральной вехой в формировании молодежной культуры протеста.

Ключевые слова: иммиграция; дискриминация; постколониализм; политика интеграции; кварталы крупных жилмассивов; алжирская молодежь Франции; марш беров; Мингеты; Кристиан Делорм,; Туми Джайджа.

GORDON A.V. French Youth of Immigrant Origin in the Fight Against Discrimination. March of Beurs. 1983.

Abstract. Immigration, which increased sharply during the period of France's economic boom (1946–1973), upon family reunification resulted in the formation of diasporas, the largest of which was the Arab-Maghreb diaspora with a predominance of people from Algeria. With the onset of the economic crisis and “deindustrialization” in French society, there was a deterioration of attitudes towards immigration, especially towards Algerian immigration actualizing with its presence the unresolved trauma of colonial domination (“French Algeria”). Against this background, a crisis of integration policy developed. The blocks of apartment inhabited by immigrants turned into a reservoir of unemployment, a center of poverty and marginalization. Separated from their historical homelands, partially assimilated but not fully integrated into French society, the young inhabitants of such neighborhoods developed a specific culture of protest, the starting point of which was the disruption of public order. By the logic of such deviancy, they clashed regularly with the police, whose brutality often led to mass protests. The largest of these took place in 1981–1983, 2005 and 2023. The first one in the neighborhood of Minguettes neighborhood of the Lyon agglomeration is specific due to its transformation of violent actions into a non-violent march from Marseille to Paris, which became a major milestone in the protest culture of young people of immigrant origin.

Keywords: immigration; discrimination; postcolonialism; politics of integration; neighborhoods of blocks of apartment; Algerian youth of France; March of Beurs; Minguettes; Christian Delorme; Toumi Djaidja.

Для цитирования: Гордон А.В. Иммигрантская молодежь Франции против дискриминации. «Марш беров» 1983 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоко-

ведение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 5–27. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.01

Выдающимся событием в политической истории Пятой республики явился Марш за равенство иммигрантской молодежи, начавшийся в Марселе в октябре 1983 г. и триумфально завершившийся 100-тысячной манифестацией на площади Бастилии в Париже 3 декабря. Марш широко и большей частью сочувственно освещался во французской прессе. Восемь участников были приняты в Елисейском дворце Ф. Миттераном, пообещавшим удовлетворить требования протестовавших. Наиболее заметную роль сыграли молодые люди алжирского происхождения, и потому Марш за равенство получил в прессе второе название «марш бёров», как арабская молодежь называла друг друга на *верлане*, сленге парижских окраин. «Бёрами» окрестили второе поколение иммигрантов. Триумфальная встреча в столице видится исследователям «символом социального признания второго поколения» иммигрантов, что выразилось в получении ими гражданства [13, p. 809].

Немаловажно широкое политическое значение акта. Французская общественность расценила манифестацию в аспекте расистской угрозы, отчетливо выраженной и в актах насилия, и в политическом продвижении ультраправых сил, и в заявлениях основателя «Национального фронта» Жан-Мари Ле Пена. С этим связано еще одно название «Марш за равенство и против расизма». Уникальной была роль Церкви. И католическое духовенство, и протестантские организации во имя универсальных христианских ценностей оказали поддержку Маршу, и это придало ему моральный и духовный смысл «призыва к братству» [27].

Явившись, по выражению журналистки Нади Энни-Муле, «основополагающим актом в истории французского народа иммигрантского происхождения» [25], Марш за равенство для мигрантской молодежи имел значение исторического опыта в борьбе против дискриминации. В глазах следующего (третьего) поколения, тех самых подростков, что стали участниками мощного протестного выступления осенью 2005 г. [5], выходцы из иммиграции оказались французами лишь юридически, сделавшись *Français de papier* [13, p. 827] – с бумагами о гражданстве и... «французами на бумаге». «Вы говорите, устройте марш (подобно «бёрам». – *А.Г.*); но это ничего не дает. У нынешних поколений

есть бумаги (о гражданстве), однако они не такие, как другие французы», – говорил корреспонденту «Ле Монд» 40-летний житель Клиши-су-Буа, парижского пригорода, ставшего центром выступлений 2005 г. [28, р. 445].

Значительная часть французского общества не признает иммигрантов согражданами, что не может не воздействовать на сознание молодежи, закрепляя в нем манихейскую картину мира, разделенного между «мы» и «они», и роковым образом напоминая колониальную ситуацию, как та раскрывалась в «Проклятьем заклеянных» Франца Фанона [4]. «Мы не излечились от нашей колониальной истории», – признает спустя 30 лет вдохновитель Марша о. Кристиан Делорм, названный в прессе «кюре Мингет». При этом священник указывал на отношения полиции с молодежью, воспроизводящие времена колониализма [18].

Если попытаться одним словом выразить смысл молодежных выступлений, сотрясающих время от времени окраины французских городов, то это дискриминация. Дискриминация, от которой страдает и с которой борется своими протестами молодежь иммигрантского, преимущественно арабо-магрибинского, а также афро-негритянского происхождения, проявляется различным способом. Понятно уже по этническому происхождению протестующей молодежи, наиболее болезненная форма – это расизм, который соединяется с сегрегацией иммигрантских кварталов и воплощается в принижении их жителей.

«Ни этническое происхождение, ни классовое положение не являются решающими факторами... протестного поведения; решают... расизм и дискриминация», – писал выдающийся французский исследователь иммигрантских кварталов Дидье Лапейрони, выделяя в анализе различных подходов «теорию изоляции», где главной причиной протестных выступлений молодежи указывается реакция на сегрегацию иммигрантских кварталов, их маргинальность и отчуждение французским обществом. Разделяя этот подход, следует, вслед за Лапейрони, отдать должное двум другим, обозначенным им. Это этнокультурная теория, делающая упор на специфику различных этнических общин, и структурная, выделяющая социально-экономические аспекты положения иммигрантской молодежи [27, р. 289].

История Франции знала и классический расизм антропологического толка¹; однако в условиях политкорректности возоблада­ л так называемый культурный расизм, идея фундаментальной чуждости афро-азиатских иммигрантов французской культуре. Идея тоже далеко не новая. В 1930-х годах серьезную поддержку в политических кругах Франции получила позиция демографа и правоведа Жоржа Моко. Призванный в 1938 г. работать в ведомство по вопросам иммиграции (*sous-secrétariat d'État à l'immigration*), он вразрез с господствующим политическим курсом доказывал «не-ассимилируемость» выходцев из колоний, *поскольку* их нравы противоречат «глубинным основаниям (*l'orientation profonde*) западной цивилизации» [30]. Из таких предпосылок следовало два политических вывода: либо недопущение массовой иммиграции, либо тотальная ассимиляция. Поскольку массовой иммиграции допустить не удалось, остается побудить иммигрантов к ассимиляции или ее навязать. Причем в ультраправом политическом диапазоне вопрос уже ставится о жизни или смерти самой европейской цивилизации [7; 9].

В полный голос² об этом заявил основатель «Национального фронта» Ж.-М. Ле Пен. Для ветерана Иностранного легиона борьба с иммиграцией сделалась продолжением колониальных войн, в которых он участвовал. Это «нашествие», заявлял Ле Пен, и оно угрожает «потерей идентичности французского народа... его медленной колонизацией со стороны народов, которые не имеют с ним ни общей истории, ни культуры, ни религии». Когда «чуждых элементов» становится слишком много, они не поддаются ассимиляции, и наступает цивилизационный коллапс, ибо соседство с ними подрывает внутренние силы цивилизации, «жизненный ди-

¹ Достаточно сослаться на опыты специалиста по социальной гигиене Рене Мартъяля, который на основании состава крови выводил в 1930-х годах формулу биохимической несовместимости коренных французов с иммигрантами (см.: [38, p. 82–85]).

² Во франковедческой литературе распространено убеждение, что вплоть чуть ли не до смертоносных терактов 2015 г. со стороны боевиков ИГИЛ (признанной в РФ террористической организацией), во французском публичном пространстве господствовал режим политкорректности, т.е. умолчания об острейших проблемах иммиграции. Учитывая поступательное восхождение в политической сфере с 1970-х годов Национального фронта, поставившего эти проблемы в центр своей агитации, такое убеждение никак нельзя считать корректным.

нализм», что обрекает ее на гибель, пророчествовал основатель «Национального фронта» [8, с. 117].

Расовая дискриминация иммигрантов воспроизвела дихотомию колониального общества: его разделение на пространства «своих» и «чужаков» (Мы–Они). Подобно противопоставлению «европейского города» «туземному», в современной Франции является контраст между центром и окраинами. И хотя в данном случае бросаются в глаза антропологические особенности насельников различных миров, эта постколониальная ситуация вписывается в вековую историю урбанизации индустриальных обществ с выводом за пределы собственно городского пространства вредных и загрязняющих производств, а с ними удаления всевозможного неблагополучия – экономического, санитарного, криминального. Имущим слоям общества, властям и, в первую очередь, силам правопорядка это отчужденное от городской цивилизации пространство внушало угрозу. Естественно именно в полицейской среде еще на заре промышленной революции сформировалась концепция «опасных классов», сосредоточенных в этом пространстве [20].

Пространственно-территориальное отчуждение в современную эпоху наложилось на расовую, этнокультурную, классовую дискриминацию, сделавшись важнейшим идентификатором иммиграционного населения. Иммигранты – это те, кто живет в особых кварталах городов и пригородов. Французский истеблишмент присвоил таким пространствам категорию «зон». Причем сделано это было в контексте благоприятной для последних «политики города (*la politique de la ville*)», программной целью которой провозглашалась «борьба с территориальным неравенством» [6]. Подразумевалось смягчение «социальной и пространственной фрагментации» агломераций. А конечной целью мыслилось «решение проблем неблагополучных кварталов (*quartiers en difficulté*)» [35]. Такая политика, стоившая многие миллиарды евро¹ и ставшая самым масштабным мероприятием подобного рода в Европе, может рассматриваться, думаю, как способ решения проблемы иммиграции на путях интеграции.

Однако у «политики города» оказались свои уязвимые места. В сущности, то был комплекс разнообразных мероприятий,

¹ К 2006 г. было потрачено более 15 млрд евро [16].

проводившийся различными ведомствами и фондами, которые учреждались отдельными правительственными актами начиная с 70-х годов прошлого века, тогда как первое «министерство города» (с тех пор многократно менявшее свое название) возникло лишь в декабре 1990 г. (после серии бунтов в агломерациях Лиона, Парижа, Марселя).

Кварталы отчуждения. Неожиданным образом «политика города» усилила раздробление городского пространства, обернувшись закреплением социально-пространственной сегрегации, даже если считать ее «позитивной дискриминацией». «Политика города» на поверку оказалась «зонированием», выделением особых городских территорий, становившихся объектом этой политики. Симптоматично, что начало пришлось на время становления Пятой республики. 31 декабря 1958 г. де Голлем в качестве председателя Совета министров был подписан декрет о «приоритетных территориях урбанизации (*zone à urbaniser par priorité – ZUP*). За десятилетие (1959–1969) было создано 197 территорий ZUP с жилфондом в 2,2 млн квартир [19]. В 1967 г. ZUP сменили ZAC «территории концентрированного благоустройства (*zones d'aménagement concerté*)»; в 1996 г. были учреждены *zones urbaines sensibles*, числом в 750.

Названия локаций, их численность менялись, а смыслом оставалось выделение городских территорий, которым требовалось особое внимание властей. При этом объекты благоустройства драматически превращались в средоточие бедности и социального недовольства, а нередко – в очаги протестных выступлений. Порой этот процесс напоминал взрыв, как случилось в одном из первых ZUP – районе Мингет в Лионской агломерации.

Отправной точкой «политики города» были инвестиции в жилищную сферу: решение жилищной проблемы для многих слоев населения в тот момент, действительно, сделалось остройшей проблемой. Огромные жилмассивы («*grands ensembles*») на многие сотни квартир (от 1000) и многие тысячи жильцов с развитой инфраструктурой, включавшей магазины, кафе, образовательные учреждения, спортплощадки (все в «шаговой доступности»), которые сооружались в пригородах агломераций в 1950–1960-х, были последним словом тогдашней урбанистики. Пресловутые «*tours et barres*», дома-башни в 30–40 этажей и дома-пластины, длиной

свыше 100 м, по свидетельству очевидцев, были гораздо комфортней знаменитых 5-этажек, строившихся тогда в СССР и вполне на уровне нынешних российских «человеяников». Обитателям барачков и бидонвелей или выходцам из сельской местности они представлялись сущим раем. К 1975 г. по стране было возведено около 350 таких комплексов, из них 150 – в Парижском регионе.

Однако не прошло и нескольких десятилетий, как система крупных жилкомплексов (КЖ) деградировала. В 1977 г. премьер-министр в правительстве Жискара д'Эстена Раймон Бар¹ в письме префектам бил тревогу о «физической и социальной деградации» КЖ, которая угрожает превращению этих кварталов в «гетто». Нужно отремонтировать здания и реанимировать «всю систему, которая обеспечивает социальную жизнь» в кварталах [31].

Случилась фатальная макросоциальная метаморфоза в локальном масштабе. По задумке устроителей, КЖ должны были стать образцом решения социальных проблем в духе коллективизма, объединяя представителей различных слоев общества, коренных французов и иммигрантов узами, скажем, домового общности. В принципе, как считают специалисты по коммуникациям, есть количественный предел для локальной общности, и тысячные скопления людей в жилмассивах не могут сложиться в общину, члены которой связаны межличностными отношениями. Слабость общинных связей обернулась складыванием негативного коллективизма в виде обособлявшихся молодежных группировок.

Из интервью заместителя мэра лионского пригорода Венисьё о районе КЖ Мингет: «Разные культуры встретились в особенно сложном контексте. Именно образ жизни ежедневно становился источником раздражения». Коренные французы не могли привыкнуть к быту многодетных семей иммигрантов. Возмущало и небрежное отношение тех к общественному пространству [1]. Решающую роль в деградации общественной среды сыграло ненадлежащее содержание, в котором повинны не только комму-

¹ Бар считался лучшим экономистом на правительственном посту и проводил политику жесткой экономии правительственных расходов, в том числе на социальную сферу. Тем симптоматичней его обращение к «политике города». Затем, тоже симптоматично, он стал мэром Лиона (1996–2001).

нальные службы HLM¹, но и поведение жильцов, среди которых все больше стали преобладать иммигранты и бедные французы.

Люди, добившиеся определенного достатка, норовили обзавестись собственным жильем. Жилкомплексы становились обиталищем людей, которым не под силу было платить за коммунальные услуги, отчего бюджет HLM оказывался крайне дефицитным. Значимым было преобладание людей невысокого культурного уровня, которые не только не платили за коммунальные услуги, но и не заботились о содержании мест общего пользования, включая лестничные площадки и пр. В условиях социальной и культурной деградации кварталов все большей проблемой оказывалась молодежная девиантность.

В рамках «политики города» власти ответили на вызов программой реновации, с 1980-х годов начался выборочный снос КЖ, которые в рамках все той же структуры HLM заменялись индивидуализированным жильем. Увы, такая «реновация» никак не могла решить макросоциальную проблему. КЖ строились для крупных индустриальных производств. Грянула деиндустриализация, заводы начали реконструироваться и закрываться, их рабочие в массе становились безработными. Так, проблема бедности жителей КЖ стала, в первую очередь, проблемой безработицы, безысходность которой формировала «культуру бедности», фокусированную на порочном круге отчуждения от общества.

Красноречивой иллюстрацией драмы КЖ явились события в районе Мингеты (Les Minguettes) в начале 1980-х годов. Район был среди первых объектов «приоритетной урбанизации» и считался ее образцом. Город Венисьё (Vénissieux) Лионской агломерации, частью которого сделался район, возник на месте сельского бурга, подобно многим парижским пригородам в эпоху промышленной революции конца XIX – начала XX в. Здесь были построены заводы Берлие, ставшие впоследствии частью корпорации Рено. Для размещения работников в 1960-х годах были сооружены жилмассивы башенного типа, образовавшие район Мингеты. На занятой виноградниками и свободной от городской застройки территории в 200 га на живописном плато у подножия Альп планировалось вы-

¹ HLM (Habitations à loyer modéré), букв. дома с умеренной квартирной платой, вид социального жилья. КЖ, как правило, входили в корпорацию HLM, и абсолютное большинство жильцов были квартиросъемщиками.

строить целый «город процветания» на 40 тыс. жителей. Один за другим были возведены кварталы КЖ: Демократия (полностью снесен в 1994 г.), Ла Дарнез, Лео Лагранж, Монмуссо Моншод, Армстронг, Пирамиды. Сферой обслуживания сделались один крупный торговый центр и три небольших на периферии; окружающая дома территория подверглась озеленению и благоустройству, были разбиты спортивные и игровые площадки, выстроены учебные заведения в «шаговой доступности» [2, с. 61].

Три фактора полностью изменили социологию Мингет, констатирует урбанист Н.В. Балухина, посетившая Мингеты: законы 1975 г., которые побудили средний класс покупать дома в соседних коммунах; политика воссоединения семьи, обусловившая рост численности иммигрантов; экономический кризис, породивший массовую безработицу [1]. Благодаря законодательству, поощрившему приобретение частного жилья в соседних коммунах, 10 тыс. жителей покинули Венисьё в 1975–1982 гг., уточняет лионский историк Катрин Панасье. «Так, средние классы в массовом порядке дезертировали» из кварталов коммунального жилья. В Мингетах оказались пустующими сотни квартир, четверть жилого фонда [33].

Это нанесло не только экономический ущерб системе КЖ, но и обернулось социально-демографической катастрофой. Средние классы, прежде активно вовлеченные в социальную жизнь района и гарантировавшие ему стабильность, устремляются подальше от таких кварталов. Освободившуюся жилплощадь преимущественно занимают иммигранты, и к началу 1980-х годов они составляют более четверти всего населения. Район ни в какой мере не стал этническим гетто, большинство жителей были французы, а среди иммигрантов – носители более 30 языков.

Вполне очевидно другое: Мингеты сделались районом социального бедствия. Толчком социально-экономического кризиса явились массовые увольнения на заводе Рено, где в 1978 г. были уволены 5000 работников, в большинстве, разумеется, то были неквалифицированные рабочие-иммигранты, масса которых сосредоточивалась в злополучном районе. Уровень безработицы в Мингетах достиг 30%, при том что в целом по коммуне Венисьё 14% [17].

Рождение бёров. Таков был общий фон событий, разыгравшихся в начале 1980-х и основной движущей силой которых сделалась иммигрантская молодежь алжирского происхождения. То

были «бёры», арабская молодежь второго поколения выходцев из Магриба. И появление термина, и особенно эволюция его употребления глубоко символичны. На *верлане*, разговорном жаргоне парижских пригородов, «бёр», исходно «араб», означал, грубо говоря, «своего». Затем такая самоидентификация сделалась определением целого поколения выходцев из иммиграции, родившихся во Франции в 1960-х годах¹. При этом, как утверждает социолог из Свободного университета Брюсселя Абделаали Хаджат, термин стал символизировать разрыв данного поколения с поколением родителей: «“Бёры” уже не арабы и не «полностью иммигранты», они «французы особого свойства (Français à part entière)» [23].

Между тем психологической драмой для этого поколения арабской молодежи и проблемой для исследователей ее протестных выступлений оказались характер и пределы подобной ассимиляции [6]. «Тех, кто скрывает свои лица перед телевизионными камерами, зовут Абдель, Карим, Фарид или Тууфик. Они здесь родились, – пишет Панасье, – здесь выросли, учились здесь; но у них чувство, что все сделано для того, чтобы они не чувствовали здесь у себя дома. Запугивание, преследование, надзор, идентификация по внешности (facies)² – маркеры отчуждения на фоне растущей безработицы» [33].

Подлинной социально-исторической трагедией для поколения молодежи 1980-х сделался кризис политики интеграции в отношении иммигрантов, которую проводила Пятая республика со времен де Голля. Возобладал тренд Отторжения. Даже если он не был последовательным и перемежался фазами смягчения при левых правительствах, именно отторжение иммигрантов значительной частью французского общества, думается, оказалось решающим фактором в формировании ментальности поколения «бёров».

Зловещим прологом явились расистские выступления («flambée raciste») в Марселе летом 1973 г. с человеческими жертвами и мощнейшим выплеском антиарабских страстей. Газета

¹ «Мы родились в 1955–1960 гг., в 1980-х нам 20–25 лет, – говорили о себе участники событий в Мингетах. Мы все более и более заметны в общественном пространстве французских городов. Мы определили своим присутствием кварталы HLM» [33].

² Установление личности по внешности (procédure de contrôle d'identité fondée sur l'apparence de la personne contrôlée).

«Нуфель обсерватор» задалась вопросом «Можно ли жить с арабами?», и оказалось: две трети (65%) французов, участвовавших в опросе, в этом сомневаются [21]. В провокационных целях ультраправая пропаганда во время марсельских событий напоминала о террористической акции палестинской организации «Черный сентябрь» на Мюнхенской олимпиаде 1972 г. Так французскому обществу внушалась связь между иммиграцией и терроризмом.

«При президентстве Валери Жискара д'Эстена¹, – пишет историк Иван Гастот из Университета Ниццы, – образ трудового мигранта был серьезно дискредитирован (*effectivement dégréciée*)... Экономический кризис² моделировал новое отношение к иностранцам, сфокусированное на отторжении (*Rejet*)» [22]. Такая тенденция выявилась во французском общественном мнении, когда оно столкнулось с неблагоприятными последствиями существования многочисленного приезжего населения, которое послевоенное восстановление и потребности экономического развития привлекли «во время Тридцати Славных лет»³.

С наступлением трудных времен иммиграция стала рассматриваться «бесполезной», а иностранный рабочий «нежеланным» гостем, который «может отправляться восвояси». «Поощрение иммиграции со стороны правительства и патроната иссякло» [22]. Немалую роль в «стигматизации» рабочего-иммигранта сыграли забастовочные выступления, кои состоялись в 1973 г. в автомобильной промышленности, начавшей технологическую перестройку. Стачками были затронуты заводы Талбот в Пуасси, Рено в Булонь-Биянкур, Ситроен в Оне-су-Буа. Премьер-министр Пьер Моруа не задумался свалить разразившийся экономический кризис на иммигрантов и подрывную деятельность неких политикорелигиозных сил. «Основные нынешние трудности, – заявил он, –

¹ 1974–1981 гг.

² Начался с «нефтяного шока» 1973 г., ставшего следствием бойкота поставок нефти в Европу арабскими странами в ответ на поддержку Израиля. Правительство Жискара д'Эстена форсировало развитие атомной энергетики. Но резко выросли инфляция и десятикратно (с 200 т. до 2 млн) – безработица.

³ 1946–1973 – период резкого экономического роста и значительного подъема уровня жизни населения. Отмечался в большинстве европейских стран. Во Франции получил название по аналогии с «тремя славными» днями Июльской революции 1830 г., покончившей с правлением династии Бурбонов.

вызваны рабочими-иммигрантами, чьи проблемы я знаю, но которые, можно сказать, возбуждаются религиозными и политическими группами, чьи мотивы имеют мало общего с социальной реальностью Франции» [25].

Затяжной характер кризиса побудил пересмотреть некоторые цивилизационные принципы: дискриминация в отношении иммигрантов показалась оправданной. Критики заговорили, что, приняв ограничительные меры в отношении иностранцев, Франция утратила «репутацию страны Прав человека и убежища гонимых» [22]. Впрочем, курс на ограничение иммиграции оказался непоследовательным. С одной стороны, велась борьба с нелегальной миграцией вплоть до выдворения нелегалов, с другой – именно при Жискар д’Эстене на гуманитарных основаниях было легализовано воссоединение семей.

Заметим, политические наследники де Голля, власти Пятой республики рьяно боролись за чистоту образа родины Прав человека и категорически отвергали инсинуации с расистским привкусом. В разгар Марсельских событий 1973 г. президент Жорж Помпиду дал две специальные пресс-конференции, на одной из которых предостерег французов от «ловушки расизма», а на другой подчеркнул, что Франция является «глубоко антирасистской» и нет никаких оснований обвинять ее в уступках расизму (разъяснение адресовалось главным образом властям арабских стран) [12, р. 58].

Тем не менее упомянутая тенденция Отторжения подспудно эволюционировала до той степени дискриминации, что могла восприниматься именно в расистском виде. Для положения иммигрантов и формирования второго поколения выходцев из Магриба она имела не только социально-экономические, но и – с учетом долговременной перспективы – еще, быть может, более серьезные культурно-психологические последствия. Розыск нелегалов, случаи депортации, отказ местных властей от предоставления социального жилья создавали крайне неблагоприятный морально-политический климат.

Оскорбительным было воспринято решение властей о выдворении совершивших правонарушения в страну происхождения предков. Особенно возмущала эта репрессивная мера именно молодежь, которая уже считала своей страной, как они говорили,

Францию, а не «родину родителей». Для них подобная мера становилась, как они говорили, «двойным наказанием» [34]. Получалось, что правоохранительная система Французской республики вменяет молодежи в преступление алжирское происхождение. Между тем спецификой Мингет была значительная прослойка среди жителей участников Алжирской войны, как из рядов ФНО (Фронта национального освобождения), так и *харки* (*harki*). Судьба последних, воевавших на стороне Франции и брошенных после признания независимости в Алжире на расправу националистам, была особенно вопиющей [3]. В обоих случаях и дети бойцов ФНО, и дети *харки* страдали за своих отцов, в то же время сохраняя живую память о «той» войне [33].

К началу событий репатрианты из Алжира не были исключительной иммигрантской общностью; но молодежь алжирского происхождения наиболее отчетливо оказалась вовлеченной в тот процесс политизации, который Хаджат назвал «постколониальной мобилизацией». По его убеждению, именно они начали раньше других осознавать несправедливость своего положения как отражение колониальной порабощенности, в которой пребывали их предки [24]¹. То же самое, разумеется, хотя и в меньшей мере, можно отнести к выходцам из других стран Магриба, которых также немало было в Мингетах. О значении колониального прошлого отчетливо свидетельствует, например, биография участника Марша Абделаиза Чаамби (Abdelaziz Chaambi), родом из Туниса, политическое формирование которого началось на родине в борьбе за ее независимость, а завершилось убийством в Шамбери его брата, павшего от руки расиста в 1979 г.²

Хотя среди участников Марша лишь половина были этнические алжирцы и в движении участвовали представители различных иммигрантских общин, включая европейцев, в частности португальцев, именно «дискриминация в отношении алжирцев и

¹ «Постколониальный» или антиколониалистский смысл книги Хаджата еще отчетливей подчеркнут в ее английском переводе, где заглавие воспроизводит название книги Франца Фанона «Проклятием заклеянные» (Fanon F. The Wretched of the Earth): Abdellali Hajjat. The Wretched of France: The 1983 March for Equality and against Racism.

² Entretien avec Abdelaziz Chaambi. Le 2 avril 2018 avec Haouès Seniguer // Confluences Méditerranée S. – 2018. – N°106. – P. 165–179.

негативные представления, жертвами которых они становились, сделались движущей силой в мобилизации молодежи», – убеждена историк Мюриель Коэн (Университет Париж-1 Сорбонна) [15].

Формирование второго иммигрантского поколения («бёров») выразилось в девиантности, которая с тех пор становилась специфической молодежной субкультурой иммигрантских кварталов. В основе можно различить борьбу за часть городского пространства, за территорию кварталов КЖ в пригородах. Девиантность включала различные смыслы: от бытового хулиганства до социального протеста, при том что эмоциональная составляющая и формы проявления этой субкультуры мало чем различались. В обоих случаях проявлялось стремление к самовыражению посредством насильственных действий, граничащих с вандализмом.

Первое горячее лето в Мингетах. Спецификой Мингет был конфликт молодежи с коммунистической мэрией Венисьё. Заботясь об интересах кадрового французского пролетариата, здесь, как и по всему региону Рона-Альпы, муниципальные власти из рядов ФКП с середины 1970-х годов старались сократить приток иммигрантов, в частности препятствуя получению ими дешевого социального жилья в пригородах. Коммунисты в ту пору, замечает журналистка Хлоя Лепринс, не понимали серьезность проблем иммиграции, считая ее временной, и не выражали сочувствия к судьбе иммигрантов-рабочих, оказавшихся безработными в результате деиндустриализации [29]. По свидетельству Коэн, бунтарство иммигрантской молодежи в Мингетах началось именно с борьбы против коммунистической мэрии и подчиненной ей полиции, с борьбы за контроль над локальным городским пространством [15].

В июле 1981 г. завязалось действие, ретроспективно получившее во французских СМИ название «первого горячего лета в Мингетах», продолжавшееся все лето и распространившееся на другие кварталы Лионской агломерации. Молодые люди поджигали автомобили, вступали в стычки с полицией. К концу сентября сгорело более 200 машин [33]. События были по тем временам достаточно редкими и привлекли внимание прессы.

23 июля 1981 г. корреспондент французского радио сообщал о «минибунте», в котором 150 молодых людей, в основном магрибинского происхождения, вступили в схватку с полицейскими.

«Отнюдь не в парижских пригородах произошли первые крупномасштабные бунты (émeutes), началось с пригородов Лиона, – вспоминали на французском радио. – Серьезные столкновения были в 1979 г. в Вольс-ан-Велене (Vaulx-en-Velin)¹, еще более серьезные произошли два года спустя в Мингетах... Здесь “изобрели” сожжение автомобилей» [37], что сделалось отличительной чертой выступлений молодежи иммигрантских кварталов во Франции. А французы слышали тогда о «кризисе пригородов».

От бунта к манифестации. Второе «горячее лето в Мингетах» случилось два года спустя; но на этот раз внешняя обстановка резко изменилась: к власти в Париже пришли левые в лице президента Франсуа Миттерана (лидер Соцпартии), поддержку оказали католические и протестантские священники. При посредничестве церкви завязался диалог с правительством, начавшийся еще весной 1981 г., когда победивший на президентских выборах Миттеран телеграммой заверил местных активистов, участников голодовки, а это были протестантский пастор Жан Костиль, кюре Кристиан Делорм и эмигрант из Алжира Хамид Букрума, что депортации молодых правонарушителей на родину предков не будет. Это стало предзнаменованием морально-политического сдвига.

У протестующей молодежи появились влиятельные союзники, что и предопределило изменение форм протеста. 21 марта 1983 г. в квартале Монмуссо сотни молодых жителей и их матерей собрались, чтобы протестовать против действий полиции, после чего устроили марш и сидячую демонстрацию перед мэрией и комиссариатом полиции Венисьё. Были созданы и активизировались местные общественные организации: SOS Avenir Minguettes, протестантская Cimade de Lyon [23].

¹ Город в 50 тыс. жителей Лионской агломерации. В центре событий был квартал КЖ Mas de Taureau, названный по местной достопримечательности – языческому «тавроболическому алтарю», изображающему бычью голову. Вошедший в программу ZUP квартал, спустя десятилетие после событий 1979 г. вновь оказался очагом выступлений мигрантской молодежи. 6 октября 1990 г. погиб местный юноша, упавший с мотоцикла, когда его с приятелями заблокировала полицейская машина из-за нарушения ПДД (на троих была одна каска). Беспорядки продолжались пять дней, начавшись с ограбления и поджога торгового центра, возле которого произошел несчастный случай. Убытки составили 80 млн евро.

Между тем и в 1983 г., казалось, повторялся сценарий «первого горячего лета»: поджоги, стычки с полицией, в ходе одной из которых 19 июня полицейской пулей был тяжело ранен руководитель ассоциации SOS Avenir Minguettes Туми Джайджа. Стремясь не допустить повторения событий 1981 г., власти в течение 1982 г. проводили «профилактическую работу», удаляя из неблагополучных кварталов молодых людей, оказавшихся на полицейском учете. Одновременно принимались и конструктивные меры. В декабре 1981 г. по горячим следам правительство учредило Национальную комиссию социального развития кварталов, чтобы предупредить «превращение неблагополучных кварталов в гетто». Большое значение придавалось школьному образованию в них: были выделены «приоритетные территории для развития образования (zones d'éducation prioritaire)»¹.

Репрессивные меры в «неблагополучных кварталах» подерживались общественным мнением, в котором все больше доминировали чувства ксенофобии расистского толка в отношении иммигрантов, что выразилось в усилении влияния «Национального фронта» и успехе ультраправых на муниципальных выборах 1983 г. Однако активизация ультраправых, тем более что их пропаганда обретала отчетливо расистские обертона, вызвала настороженность в значительной части французского общества. В ноябре 1983 г. трое новобранцев Иностранного легиона закололи и выбросили из вагона идущего поезда юношу-алжирца [36]. Этот акт в ряду аналогичных анатиарабских нападений вызвал особенно сильный резонанс. Репортажи в «Антен 2», «Монд», «Либерасьён» били тревогу: «Расизм у ворот»². «Прогрессивная общественность», как принято говорить в таких случаях, отчетливо склонилась на сторону иммигрантской молодежи, что создавало благоприятные возможности для антирасистской акции в общепольском масштабе.

Идея марша через всю страну пришла в голову о. Кристиану Делорму, кюре прихода близ Лиона, под впечатлением фильма о марше против налога на соль под руководством Махатмы Ганди в

¹ <https://www.leshumanites-media.com/post/il-y-a-40-ans-naissance-des-%C3%A9meutes-urbaines>

² Перифраз латинского выражения о смертельной угрозе для страны, которая возникла, когда карфагенский полководец оказался у ворот Рима: «Hannibal ante portas (Ганнибал у ворот)».

1930 г. Делорма, прозванного впоследствии «кюре Мингет», привлекла идея ненасилия, в которой он прочувствовал сплав духовного почина с политическим действием. В своих выступлениях о. Делорм проповедовал, что арабы смогут последовать примеру индийцев. Молодой (33-летний) выдающегося роста (192 см.) и красноречия, священник скоро приобрел популярность среди жителей пригорода, тем более что личность Ганди была окружена ореолом борца за независимость.

Делорм внушил идею марша Туми Джайджа. 19-летний лидер SOS Avenir Minguettes, чудом выживший после тяжелого ранения, был исключительно авторитетен среди иммигрантской молодежи пригорода. И остается личностью незаурядной. Сын *харки*, бежавшего с семьей из Алжира сразу после провозглашения независимости и после долгих мытарств обретшего пристанище в Мингетах, Туми не поддался чувству мести и влиянию исламистской агитации, оставшись верным усвоенному в 1980-х годах принципу единства «всего народа Франции» [26]. В его восприятии внушенная Делормом идея обрела ассоциацию с маршем за гражданские права во главе с Мартином Лютером Кингом в США. Пример этого движения, вдохновлявшегося пафосом ненасилия в противовес сделавшей ставку на террористические акции организации «Черные пантеры», оказался чрезвычайно актуальным для судеб движения иммигрантской молодежи во Франции.

Марш за равенство. 15 октября 1983 г. 17 молодых энтузиастов, девять из которых были жителями Мингет, начали поход от марсельского пригорода¹ на Париж. При прохождении Лиона число участников достигло 1000. На плакатах было написано: «Марш за равенство. Марсель 15 октября – Париж 3 декабря». Предполагалось пересечь «глубинную Францию» и, как говорили сами участники, устроить «свидание Франции с собой как страной многообразия, страной иммиграции», в оценке социолога Ахмеда Бубекера [29].

¹ Марсель как отправной пункт был избран, видимо, в силу территориальной близости к Мингетам и в память расистских акций 1973 г. Могла, предполагая, сыграть роль память о событиях 1792 г., когда из Марселя направился в Париж отряд волонтеров, активно участвовавших в свержении монархии во время восстания 10 августа. По преданию они пели «Походную песню» Руже де Лилия, ставшую национальным гимном («Марсельеза»).

В самом названии «марш за равенство» исключалось обо-
соболение иммигрантов. Характерно, что активисты молодежных
иммигрантских организаций вначале отнеслись к идее Марша с
подозрением, усмотрев в нем «манипулирование со стороны кю-
ре» [23]. Примечательно, что не была акцентирована тема расизма,
хотя участники немало говорили об этом, особенно после убийства
Хабиба Гримзи легионерами. Напротив, подчеркивает корреспон-
дентка французского радио Хлоя Лепринс, звучал призыв к един-
ству: участниками Марша стали юноши и девушки, алжирцы и
португальцы, мусульмане и христиане. Термины «второе поколе-
ние» и «марш береов» были вброшены прессой, сами участники
Марша дистанцировались от них. В общем те, кого назовут «бёра-
ми», хотели, пишет Лепринс, чтобы «их услышали, приняли всерь-
ез, чтобы к ним относились как к гражданам» [29].

По пути в столицу участники Марша прошли через полусот-
ню городов и городков, приветствуемые иммигрантским населе-
нием, общественными организациями (Fasti, Mrap, etc.), католиче-
скими приходами и протестантскими общинами. В столице они
стали участниками 100-тысячной демонстрации. Марш имми-
грантской молодежи был замечен, став «первой общенациональ-
ной манифестацией такого рода во Франции» [11].

Завершением был Елисейский дворец, прием лидеров прези-
дентом, обещание президента отменить депортацию и предпри-
нять другие улучшения в положении иммигрантов. И все?! Многие
во Франции, особенно в иммиграционной среде, считают, что для
молодежи, для иммигрантских кварталов, для выходцев из Алжи-
ра, в частности, ничего не изменилось. Эйфория вскоре исчезла.
Поскольку участники Марша грезили о пришествии нового мира
без дискриминации, надежда резко сменилась «разочарованием
целого поколения», отмечают репортеры «Франс 24» спустя 40 лет
[39]. И не только одного поколения.

Вы добились гражданских прав, но мы не стали полноправ-
ными гражданами страны, говорила старшим братьям из второго,
«поколения бёров», молодежь следующего, третьего поколения
выходцев из иммиграции, зажегших пламя протеста над пари-
жскими пригородами осенью 2005 г. Вместе с тем участников Мар-
ша продолжают чтить как героев, восхищаться ими, восторгаться

тем, что они свершили. Память о Марше живет среди жителей Мингет [14].

Напрашивается вывод: Марш 1983 г. стал школой политического участия для молодежи иммигрантского происхождения, один из уроков которой сводился к неизбежности насильственных действий для заявления своих прав. Марш сделался не только «вектором политической социализации» поколения «бёров», но и, как утверждает Хаджат, «исторической точкой отсчета (reference historique)» для всех последующих поколений французской молодежи иммигрантского происхождения [23].

Послесловие из Мингет. В 2017 г. журналистка Инес Бельгасем посетила квартал Ла Дарнез и на углу бульвара Ленин (наследие коммунистического управления Венисьё) побеседовала с молодыми людьми арабского происхождения. Квартал подвергся «реновации». На месте взорванных сорокаэтажных башен были выстроены «нормальные» 16-этажные дома. «Огромный квартал выглядит замечательно. Башни сияют безупречной белизной. Инфраструктура и детские площадки обновлены». Собеседник журналистки соглашается: «Они прекрасны, наши башни, верно. Перестроить заново недолго. Но это только фасад. Здесь ничего не изменилось. Это Газа». Перечисляя акты полицейского насилия, он и его сверстники преисполнены скрытого негодования. Здесь уже никто не борется с ним. Зачем? Они в своем праве. Полиция распоряжается жизнью квартала. Она вездесуща: «Полицейских видишь чаще, чем отца с матерью». Собеседник выработал свою тактику, чтобы избежать допросов: нужно «опустить глаза к земле и сделать отсутствующий вид». И это в Мингетах, где, как замечает Джида Таздаит (Djida Tazdaït), активистка борьбы за гражданские права, первая женщина алжирского происхождения депутат Европейского парламента (1989–1994), «целое поколение активистов сформировалось в протесте против полицейского произвола». Но с 1983 г. «развитие остановилось», констатирует Абделаиз Чаамби, продолживший борьбу с дискриминацией после Марша. Нынешняя молодежь настроена пессимистично, как собеседник Бельгасем: «Ничего не изменилось после 1983, и после 2005; не думаю, что изменится... Здесь больше не мечтают» [14].

Список литературы

1. Балухина Н.В. Пессимистичный сценарий для российской многоэтажки. – URL: <https://ardexpert.ru/article/16389>
2. Балухина Н.В., Долгов А.В., Гибадулина А.Р. Три кейса: французский опыт восстановления модернистских жилых кварталов // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. – 2020. – № 1. – С. 60–66.
3. Бибикова О.П. Харки – незаживающая рана алжирского народа // Россия и мусульманский мир. – 2022. – № 3. – С. 101–111.
4. Гордон А.В. Проблемы национально –освободительной борьбы в творчестве Франца Фанона. – Москва: Наука, 1977. – 240 с.
5. Гордон А.В. Постколониальный синдром во Франции: протестные выступления арабо-африканской молодежи пригородов (осень 2005 г.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 1. – С. 5–29.
6. Деминцева Е.Б. Быть «арабом» во Франции. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 192 с.
7. Лапина Н.Ю. «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 11. – С. 97–104.
8. Новоженова И.С. Франция: Национальный Фронт и проблемы иммиграции // Актуальные проблемы Европы. – 2012. – № 3. – С. 97–122.
9. Сафонова Н.В. Радикализации мусульман во Франции: медийный и академический дискурс в XXI в. // Востоковедение: история и методология. – 2021 – № 2 – С. 38–44.
10. Adolphe J.–M. Il y a 40 ans, naissance des «émeutes urbaines». – 2021. – 9 juillet. – URL: <https://www.leshumanites-media.com/post/il-y-a-40-ans-naissance-des-%C3%A9meutes-urbaines>
11. Barthe E. Marche des beurs: 40 ans après, que reste-t-il de la marche pour l'égalité? – 2023. – 18.10. – URL: <https://france3-regions.francetvinfo.fr/auvergne-rhone-alpes/rhone-lyon/marche-des-beurs-40-ans-apres-que-reste-t-il-de-la-marche-pour-l-egalite-2858021.html>
12. (Les) Batailles de Marseille. Immigration, violences et conflits XIXe–XXe siècles / St. Mourlane, C. Regnard, dir. – Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 2013. – 188 p. – Du sommaire: Gastaut Y. Marseille, 1973. Une ville sous tension, sur fond de chasse à l'«Arabe». – P. 49–59.
13. Beaud S., Masclet O. Des «marcheurs» de 1983 aux «émeutiers» de 2005. Deux générations sociales d'enfants d'immigrés // Annales. Histoire, Sciences Sociales. – 2006. – A. 61, N 4. – P. 809–843.
14. Belgacem I. Aux Minguettes, plus personne ne marche contre les violences policières. – URL: <https://www.streetpress.com/sujet/1489083227-lyon-minguettes-marche-violences-police>

15. Cohen M. La Marche pour l'égalité et contre le racisme: le "Mai 68 des immigrés"? // Métropolitiques. – 2013 – 2 décembre. – URL: <http://www.metropolitiques.eu/La-Marche-pour-l-egaliteet-contre.html>
16. Delarue J.-M. La politique de la ville // Migrations et Société. – 2008. – Vol. 3/4, N°117/118. – P. 77–93.
17. l'Été 1982 dans la région lyonnaise: l'État tente de mater les banlieues. Publié le 18 août 2022. – URL: <https://rebellyon.info/Ete-1982-dans-la-region-lyonnaise-l-Etat-17492>
18. Favereau E. Christian Delorme, le «curé de Minguettes». Nous ne sommes pas gueris de notre histoire coloniale // Liberation. – 2023. – 10.12. – URL: <https://www.liberation.fr/societe/police-justice/christian-delorme-le-cure-de-minguettes-nous-ne-sommes-pas-gueris-de-notre-histoire-coloniale->
19. Fourcaut A. Décret n° 58–1464 relatif aux zones à urbaniser en priorité. – URL: <https://francearchives.gouv.fr/commemo/recueil–2008/39542>
20. Frégier H.A. Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes, et des moyens de les rendre meilleures. Vol. 1–2. – Paris, 1840. – Vol. 1. – 435 p.; vol. 2. – 527 p.
21. Gastaut Y. La flambée raciste de 1973 en France // Revue Européenne des Migrations Internationales. – 1993. – A. 9, N 2. – P. 61–75.
22. Gastaut Y. Français et immigrés à l'épreuve de la crise (1973–1995) // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. – 2004. – N. 4 (84). – P. 107–118.
23. Hajjat A. Retour sur la Marche pour l'égalité et contre le racisme. – Hommes et Migrations, 2013. – N 1304. – P. 151–155.
24. Hajjat A. La Marche pour l'égalité et contre le racisme. – Paris: Éditions Amsterdam, 2013. – 264 p.
25. Henni-Moulai N. *A Diverse Community: A Portrait of France's Muslims*. – Fondation pour l'innovation politique, 2016. – URL: <https://www.fondapol.org/en/study/nadia-henni-moulai-a-diverse-community-a-portrait-of-frances-muslims/>
26. Houari S. Toumi Djaïdja, le passe – muraille des Minguettes // Jeune Afrique. – 2017. – 13 janvier. – URL: <https://www.jeuneafrique.com/mag/390637/societe/toumi-djaidja-passe-muraille-minguettes/>
27. Lapeyronnie D. Assimilation, mobilisation et action collective chez les jeunes de la seconde génération de l'immigration maghrébine // Revue française de sociologie. – 1987. – Vol. 28, N 2. – P. 287–318.
28. Lapeyronnie D. Révolte primitive dans les banlieues françaises. Essai sur les émeutes de l'automne 2005 // Déviance et Société. – 2006. – Vol. 30, N 4. – P. 431–448.
29. Leprince Ch. Comment ce qu'on a appelé "la Marche des Beurs", en 1983, n'a pas tout de suite marché contre le racisme. – 2023.– 15 octobre. – URL: <https://www.radiofrance.fr/franceculture/comment-ce-qu-on-a-appelle-la-marche-des-beurs-en-1983-n-a-pas-tout-de-suite-marche-contre-le-racisme-2422951>
30. Meyran R., Noiriel G. Quelles politiques pour l'immigration? // Sciences Humaines. – 2007. – N 184. – P. 8–13.

***Иммигрантская молодежь Франции против дискриминации.
«Марш беров» 1983 г.***

31. Nussbaum A. Politique de la ville: quarante ans d'échecs // Le Monde. – 2015. – 5 février. – URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/02/05/politique-de-la-ville-quarante-ans-d-echechs_4569855_4355770.html
32. “On ne veut pas la Lune, on veut juste vivre”: que reste-t-il de la Marche des Beurs, il y a 40 ans? // Gazette française. – 2023. – 28 novembre. – URL: <http://www.millenaire3.com/Quand-la-crise-des-BANLIEUES-suscite-conscience-d.861.0.html>
33. Panassier C. Les Minguettes, un marqueur national de la politique de la Ville: retour sur les années 1980 et zoom sur la Marche pour l'égalité / Millénaire: le centre ressources prospectives du Grand Lyon. – 2008. – Décembre. – 45 p. – URL: <http://www.millenaire3.com/Quand-la-crise-des-BANLIEUES-suscite-conscience-d.861.0.html>
34. Père Delorme et Toumi Djaidja, organisateurs de la «Marche des Beurs» en 1983. – URL: <https://enseignants.lumni.fr/fiche-media/00000005908/pere-delorme-et-toumi-djaidja-organisateur-de-la-marche-des-beurs-en-1983.html>
35. Politique de la ville en France. – URL: <https://geoconfluences.ens-lyon.fr/glossaire/ville-politique-de-la-ville#>
36. Régnaud C. Le meurtre du Bordeaux-Vintimille // Hommes et migrations. – 2016. – N 1313. – P. 73–79.
37. Snégaroff T. Les premières grandes émeutes urbaines ont lieu en juillet 1981 aux Minguettes à Vénissieux, près de Lyon. L'occasion de se pencher sur le traitement médiatique de ce type d'actualité. Radio France. – 2017. – 13.02. – URL: https://www.francetvinfo.fr/replay-radio/histoires-d-info/histoires-d-info-comment-parlait-on-des-violences-urbaines-il-y-a-35-ans_2052425.html
38. Weil P. Qu'est qu'un Français? Histoire de la nationalité française depuis la Révolution. – Paris: Grasset et Fasquelle, 2002. – 651 p.
39. Yahiaoui K, Walsh J. France, 1983: que reste-il de la “Marche des Beurs”? – 2023. – 24.11. – URL: <https://www.france24.com/fr/%C3%A9missions/reporters/20231124-on-ne-veut-pas-la-lune-on-veut-juste-vivre-que-reste-il-de-la-marche-des-beurs-il-y-a-40-ans>

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

ЧАЛЫШЕВ А.Ю.* КОНЕЦ ФРАНКА КФА?

Аннотация. Франк КФА был создан Францией после окончания Второй мировой войны для установления экономического контроля над своими колониями. Но зона франка КФА продолжила свое существование даже после распада колониальной системы. Долгое время франк обеспечивал стабильность экономик африканских стран и сохранял косвенный контроль Франции в регионе. По причине отсутствия долгосрочного экономического роста и сохранения прямой зависимости от Франции, критика франка КФА в последнее десятилетие заметно усилилась, и стали открываться перспективы для создания независимой экономической системы среди бывших французских колоний, в особенности после выдвижения проекта о новой валюте эко, которая должна заменить франк КФА. Проект встретил ряд препятствий в связи с разногласиями африканских стран и тяжелым экономическим контекстом, вызванным пандемией COVID-19. Тем не менее своей актуальности проект не потерял и находится на повестке. В статье будет рассмотрено положение дел на сегодняшний день в целях ответа на вопрос, станет ли проект эко концом для франка КФА и началом развития независимых экономик стран зоны франка КФА.

Ключевые слова: валютный союз; франк КФА; эко; ЭКОВАС.

CHALYSHEV A. Yu. End of the CFA Franc?

Abstract. The CFA franc was created by France after the end of World War II to establish economic control over its colonies. But the CFA franc zone continued to exist even after the collapse of the

* © Чалышев Артемий Юрьевич – аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

colonial system. For a long time, the franc ensured the stability of the economies of African countries, and retained France's indirect control in the region. Due to the lack of long-term economic growth and continued direct dependence on France, criticism of the CFA franc has increased markedly in the last decade, and the prospects for an independent economic system among the former French colonies began to open up, especially after the launch of a new Eco currency project to replace the franc CFA. The project has met a number of obstacles due to the disagreements of African countries and the difficult economic context caused by the COVID pandemic. Nevertheless, the project has not lost its relevance and is on the agenda. The article will examine the state of affairs to date in order to answer the question of whether the Eco project will be the end for the CFA franc and the beginning of the development of independent economies of the countries of the CFA franc zone.

Keywords: monetary union, CFA franc, eco, ECOWAS

Для цитирования: Чалышев А.Ю. Конец франка КФА? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 28–40. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.02

Введение

Декретом французского правительства от 26 декабря 1945 г. на территории французских владений в Западной и Экваториальной Африке был введен франк КФА в качестве денежной единицы. Изначально аббревиатура КФА (фр. CFA) расшифровывалась как «Французские колонии в Африке» (фр. *Colonies Françaises d'Afrique*), и хотя даже сегодня аббревиатура КФА остается прежней, расшифровка поменялась. После обретения африканскими странами независимости, прежняя формулировка, очевидно, стала недопустимой, поэтому во второй половине 60-х годов XX в. она стала расшифровываться как «Африканское финансовое сообщество» (фр. *Communauté financière africaine*) для восьми стран Западной Африки и «Финансовое сотрудничество в Африке» (фр. *Coopération financière en Afrique Centrale*) для шести стран Центральной Африки.

Тем самым эта колониальная валюта была создана из-за необходимости Франции способствовать экономической интеграции

между колониями, которые находились под ее управлением. Это позволяло контролировать ресурсы, экономические структуры и политические системы колоний. Франк КФА выпускался Центральной кассой Франции за рубежом. Франк КФА составлял 1,7 столичного франка. Этот разрыв в пользу африканских стран объясняется дисбалансом государственных финансов Франции после войны. В 1948 г. после переоценки этот паритет был установлен на уровне двух французских франков. Таким образом, франк КФА привязывается к франку, а затем к евро. До 2019 г. Франция при этом гарантировала фиксированный паритет на условии, что эти страны депонируют 50% своих валютных резервов во Французское казначейство на платном счете. Эта договоренность являлась услугой за услугу для французской «гарантии» конвертируемости. Соглашения предусматривали, что валютные резервы должны превышать количество денег в обращении с разницей в 20%. До падения цен на нефть коэффициент покрытия денежной массы (отношение валютных резервов к деньгам в обращении) постоянно приближался к 100%, теоретически подразумевая, что африканцы могут обойтись без французской «гарантии». Тем самым, от этой договоренности страны отказались в Абуджийском соглашении. Последним столпом франка КФА является принцип свободного перемещения капитала в зоне франка [1]. Также во Франции печатаются банкноты во франках КФА [2].

Критика финансовой зависимости

Таким образом, франк КФА создал систему сильной зависимости стран Западной и Центральной Африки от Франции и политики Европейского центрального банка. Государства Африки фактически вынуждены разделять денежно-кредитную и бюджетную дисциплину стран Европейского союза, несмотря на то что они не находятся на одинаковом уровне развития и не испытывают одинаковых потребностей в ресурсах и расходах [3]. Это служит одним из основных источников критики от африканских (и не только) экономистов и интеллектуалов.

Сенегальский экономист по вопросам развития, Ндонго Самба Силла, приводит ряд аргументов, критикуя франк КФА [1]. В первую очередь осуждение касалось отсутствия денежно-кре-

дитного суверенитета. Франция де-факто имела право вето в советах директоров двух центральных банков в зоне франка КФА. После реформы Центрального банка государств Западной Африки в 2010 г. проведение денежно-кредитной политики было поручено Комитету по денежно-кредитной политике, где французское казначейство сохранило право голоса [4]. Такая ситуация сохранялась до Абуджийских соглашений 2019 г., учитывая фиксированный обменный курс между франком КФА и евро; денежно-кредитная и курсовая политика стран зоны франка также диктуется Европейским центральным банком, чья монетарная ортодоксия влечет за собой антиинфляционный уклон, пагубный для роста. Из-за привязки франка КФА к евро Центральный банк государств Западной Африки ставит своей основной целью целевой показатель инфляции в 2%. Произвольное ограничение государственных расходов сужает пространство для маневра государств и их способность удовлетворять потребности все более молодого и многочисленного населения. По словам тоголезского экономиста Како Нубукпо, такая политика может показаться слишком ограничительной для западноафриканских экономик, которым потребуются рост ВВП на 7%, чтобы вдвое сократить бедность своего населения, который предлагает оптимальный уровень инфляции в 8% вместо 2% для этих экономик [3].

Также вопрос касается и экономического воздействия франка КФА, который рассматривается как неоколониальный механизм. Валюта и выстроенная система воспринимаются многими как символ колониальной эпохи [5]. Согласно этой точке зрения, франк КФА является препятствием для индустриализации и структурных преобразований, не способствуя ни стимулированию торговой интеграции между странами-пользователями, ни увеличению банковского кредитования их экономик. Соотношение кредита к ВВП составляет около 25% для зоны ЗАЭВС и 13% для зоны ЦАЭВС, но в среднем 60%+ для стран Африки к югу от Сахары и 100%+ для Южной Африки и т.д.¹ Также, по словам Ндонго Самба Силла, франк КФА способствует массовому оттоку капитала, а членство в зоне франка является синонимом бедности и

¹ Domestic credit to private sector (% of GDP) / The World Bank. Data. – 2020. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FS.AST.PRVT.GD.ZS> (accessed 08.01.2024).

неполной занятости [1]. В действительности об этом может свидетельствовать то, что 11 из 15 приверженцев франка относятся к категории наименее развитых стран¹.

Более того, обсуждается, что членство в зоне франка препятствует продвижению демократии. Утверждается, что для поддержания франка КФА Франция без колебаний отказалась от глав государств, которые испытывали искушение выйти из системы. Большинство из них были отстранены от должности или убиты в пользу более сговорчивых лидеров, которые цепляются за власть, несмотря ни на что, как показали страны ЦАЭВС и Того. В таких условиях невозможно экономическое развитие, равно как и создание политической системы, отвечающей интересам большинства граждан.

Валюта «ЭКО» как альтернатива франку КФА

Идея создания отдельной новой валюты возникла еще в июне 1983 г. На встрече глав государств ЭКОВАС в Конакри, впервые была выдвинута идея валютного союза для решения проблем с платежами в этом районе. Четыре года спустя, в Абудже, была принята программа валютного сотрудничества, которая должна была привести к созданию единой валюты. К декабрю 1999 г. проект единой валюты заходит в тупик, после чего лидеры ЭКОВАС выбирают двухскоростной подход, объединяя страны, не входящие в зону франка КФА (Гамбия, Гана, Гвинея, Либерия, Нигерия, Сьерра-Леоне), во вторую валютную зону, Западноафриканскую. С задачей создания общего центрального банка и валюты до последующего слияния с ЗАЭВС. В 2009 г. проходит принятие новой дорожной карты для программы ЭКОВАС по единой валюте с двумя основными сроками:

- 2015 г. для единой валюты государств, не входящих в ЗАЭВС;
- 2020 г. для единой валюты ЭКОВАС, объединяющей две зоны.

В 2015 г., принимая в расчет неудачу в создании общей валюты Западноафриканской валютной зоны, лидеры ЭКОВАС воз-

¹ Least developed countries: UN classification / The World Bank. Data. – 2020. – URL: <https://data.worldbank.org/country/XL> (accessed 08.01.2024).

вращаются к стратегии постепенного подхода. Ставится основная задача: создать единую валюту в 2020 г. для стран, отвечающих основным критериям конвергенции. Также Ндонго Самба Силла подчеркивает, что в это время начинает активно развиваться общественное недовольство франком КФА. В качестве примера он приводит тот факт, что в октябре 2016 г. группа африканских и европейских экономистов опубликовала книгу под названием «Освободите Африку от денежного рабства: кто получает прибыль от франка КФА?». Дата публикации была выбрана не случайно; это совпало со встречей министров финансов зоны франка, управляющих центральных банков и региональных учреждений. После общественных дебатов, вызванных книгой, люди начинают высказываться [1]. Начинает развиваться общественные движения, выступающие против франка КФА. Так, например, в 2017 г. тысячи демонстрантов вышли на улицы в нескольких франкоязычных африканских городах, призвав Панафриканское движение за чрезвычайные ситуации сказать «нет» франку КФА, валюте, которая, как они утверждают, «препятствует развитию» и удерживает страны в нищете [6].

Наконец, 29 июня 2019 г. на саммите в Абудже государства – члены Экономической комиссии для Африки договорились о создании новой валюты эконо вместо франка КФА [7]. По достигнутым соглашениям, как упоминалось выше, Франция выходила из-под управления ЗАЭВС, т.е. в Совете директоров больше не будет французских представителей, и Центральному банку западноафриканских государств больше не приходилось депонировать половину своих валютных резервов в Государственное казначейство Франции. Также создавался механизм диалога и мониторинга рисков. Абуджийское соглашение предусматривает макроэкономические критерии конвергенции, необходимые условия для вступления в эконо-зону. Три условия имеют первостепенное значение, а именно: поддержание годового уровня инфляции на уровне не более 5%, снижение бюджетного дефицита до порогового уровня ниже 3% ВВП и поддержание государственного долга на уровне ниже 70% ВВП. Условия второго ранга заключаются в поддержании валовых валютных резервов на уровне импорта не менее шести месяцев, а финансирование дефицита Центральным банком должно составлять менее 10% налоговых поступлений.

Эти решения были дополнены Абиджанским соглашением от 21 декабря 2019 г. между ЗАЭВС и Францией¹. Таким образом, Франция одобрила решения саммита в Абудже, а представители ЗАЭВС и Франции вместе определили связи между евро и эко. В итоге был установлен фиксированный паритет с евро для обеспечения стабильности эко и сохранена неограниченная конвертируемость между евро и эко, что должно помогать поддерживать доверие к новой валюте и предотвращать спекулятивные атаки. Это новое соглашение о валютном сотрудничестве подвергается критике, поскольку оно представляет собой в основном символические изменения и в конечном итоге решает мало проблем, поскольку сохраняется паритет с евро. Но, считается, что это лишь переходный этап.

Но уже вскоре проект встречает ряд препятствий. В начале 2020 г. Нигерия выставляет пять обязательных условий для принятия эко, в частности отказ от привязки курса эко к евро. Как выделяет Александр Жамбиков, на восемь стран зоны франка КФА приходится только 21% ВВП и 32% населения ЭКОВАС, в то время как доля Нигерии в ВВП и в населении Сообщества составляет 66% и 55%, соответственно. Поэтому Нигерия в одиночку могла бы играть роль лидера в создании эко [8]. Более того, соблюдение критериев конвергенции в 2020 г. стало более трудным, чем когда-либо, поскольку кризис, связанный с COVID-19, ухудшил состояние государственных счетов. Нигерия, крупный экспортер нефти, особенно пострадала от падения цен на нефть, но страны – члены ЗАЭВС также столкнулись с ростом бюджетного дефицита (с 2.4% ВВП в 2019 г. до 5,5% ВВП в 2020 г.) и уровня инфляции (с –0,7% в 2019 до 2,2% в 2020 г.)². Кризис, вызванный COVID-19, парализовал этот проект и сроки проведения денежно-кредитной реформы: переход к эко, запланированный на июль 2020 г., не состоялся.

Также, учитывая, что торговля обычно рассматривается как основа региональной интеграции, доля внутрирегиональной торговли в рамках ЗАЭВС структурно невелика и составляет около

¹ Cooperation Monetaire entre la France et L'UEMOA: Le FCFA devient l'ECO en 2020. Portail officiel du gouvernement de Cote d'Ivoire. – 2019. – URL: https://www.gouv.ci/_actualite-article.php?d=1&recordID=10752&p=9 (accessed 08.01.2024).

² Indicateurs de SFD. BCEAO Statistiques. Crédit et Microfinance. – 2020. – URL: <https://www.bceao.int/fr/documents/credit-et-microfinance> (accessed 08.01.2024).

16% [4]. Низкая диверсификация экономики в субрегиональном масштабе затрудняет развитие торговых потоков между западно-африканскими странами, блокируя процесс региональной интеграции. Это связано с тем, что специализации в регионе не дополняют друг друга: по большей части это специализации на сырье, особенно на необработанной сельскохозяйственной продукции. Более того, экономические структуры региона неоднородны. В случае асимметричных шоков страны зоны не имеют возможности сгладить эти потрясения: мобильность рабочей силы остается очень низкой, экономики, являющиеся олигополистами, имеют низкую ценовую гибкость, норма сбережений низкая, региональный финансовый рынок неглубок, и, наконец, структурные фонды слабы. В этих условиях сложно проводить макроэкономическую и структурную политику конвергенции [4].

В таких условиях экономист Како Нубукпо, являющийся комиссаром ЗАЭВС, рассматривает несколько возможных сценариев, способствующих принятию эко западноафриканскими государствами. Помимо первого рассмотренного выше сценария, он предлагает еще три: создание гибкого валютного режима, основанного на критериях реальной конвергенции; создание системы двух валют – эко-найра и эко-КФА, где эко-найра бы в большей степени контролировалась бы Нигерией, которая проявляла неуверенность в проекте эко; принятие валюты эко как общей, а не единой – эко может быть принят некоторыми странами в качестве национальной валюты, в то время как другие страны, которые не могут присоединиться к эко, привязываются к этой валюте посредством соглашений об обменном курсе, определяющих паритет [9].

Таким образом, впереди еще много вопросов, которые необходимо решить. Учитывая разногласия, введение новой валюты, которая охватит все страны ЭКОВАС, в ближайшие годы маловероятно. Впрочем, даже в случае успеха проекта и введения общей валюты во всех 15 государствах-членах эко едва ли станет панацеей от всех социально-экономических проблем Западной Африки.

Преимущества франка КФА

Несмотря на то что Франция не препятствовала и даже напрямую участвовала в разработке проекта новой валюты, бывшая

метрополия придерживается позиции, что франк КФА является «африканской валютой», существующей только для поддержки африканцев, которые сохраняют свой суверенитет. Более того, некоторые главы государств, такие как Алассан Уаттара в Кот-д'Ивуаре и Маки Салл в Сенегале, высказывались в пользу той же линии. Маки Салл описывал франк КФА как «валюту, которую стоит сохранить»¹. Уаттара подчеркивал, что франк КФА – это их валюта, это валюта стран, которые свободно ее выбрали с момента обретения независимости в 60-х годах. «Она прочная, ее ценят, ею хорошо управляют»².

Для сторонников франка КФА логика валюты заключается не в неокOLONIALИЗМЕ, а в валютном сотрудничестве. Слаборазвитость стран зоны франка объясняется факторами, не зависящими от их денежно-кредитной и валютной политики, в частности, их политической нестабильностью и плохой экономической политикой их лидеров. Франк КФА характеризуется как надежная и стабильная валюта, что является значительным преимуществом, учитывая опыт большинства африканских стран, выпускающих валюту.

В период обретения независимости ряд стран стали совершать переход на национальные валюты. Так в 1962 г. Мали создала свою собственную валюту без точного паритета, что привело к краху малийской экономики. Страна быстро столкнулась с серьезными экономическими трудностями и в конечном итоге вернулась в зону франка в 1984 г. Этот опыт показал опасность перехода к новой валюте без привязки к сильной валюте. В конечном итоге это послужило укреплению сплоченности стран – членов зоны франка, они увидели, что денежная свобода может быть прежде всего «свободой обанкротиться».

Таким образом, привязка франка КФА к евро делает невозможной резкую девальвацию КФА и гарантирует валютную стабильность страны [11]. Кроме того, система позволяет осуществ-

¹ Macky Sall: «Le franc CFA est une bonne monnaie à garder» / Seneweb. – 2016. – URL: https://www.seneweb.com/news/Economie/macky-sall-laquo-le-franc-cfa-est-une-bo_n_202453.html?__cf_chl_tk=1mhrNyFajGoklsu1iOiMqMyYzSS_.7lim4haZ11viXA-1674297204-0-gaNycGzNCaU (accessed 08.01.2024).

² Côte d'Ivoire: Ouattara défend le franc CFA, «une monnaie solide». Jeune Afrique. – 2019. – URL: <https://www.jeuneafrique.com/736198/politique/cote-divoire-ouattara-defend-le-franc-cfa-une-monnaie-solide/> (accessed 08.01.2024).

лять свободные и бесплатные переводы капитала внутри валютной зоны [12]. Эти факторы играют ключевую роль для планомерного развития как экономической, так и политической и социальной сфер африканских стран. Более того, учитывая желание перемен и более активного экономического роста африканских стран, в качестве альтернативы радикальной смене валюты без привязки к евро, эксперты рассматривают реформы зоны франка. Так, 28 сентября 2022 г. в рамках инициативы Brookings Africa Growth Initiative состоялось обсуждение новой книги «Зона франка КФА: экономическое развитие и восстановление после COVID» автора Али Зафары [13]. В своей книге Зафар исследует историю и сложную политэкономии зоны, а также роли тройки ключевых игроков – франкоязычных правительств зоны франка КФА, Франции и Международного валютного фонда – в текущей ситуации, а также предлагает реформу обменного курса и макроэкономической архитектуры как для Западной, так и для Центральной Африки. Участники дискуссии рассмотрели варианты политики для стран франка КФА в это сложное время, включая эффективные меры реагирования на недавние макроэкономические потрясения, варианты обменного курса и дорожную карту по обновлению основ налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики для этих стран для решения проблем развития [13].

Вывод

Подводя итог, следует подчеркнуть, что понятие монетарной стабильности, часто приводимое в качестве доказательства жизнеспособности франка КФА, не имеет никакой ценности, если оно не связано с общей экономической динамикой региона. Более того, показатели демонстрируют, что зона франка КФА является одной из самых бедных в мире: более половины стран, входящих в зону, являются наименее развитыми. Ндонго Самба Силла объясняет в интервью: «Реальный доход на душу населения в Кот-д'Ивуаре в настоящее время на 34% ниже своего пика в конце 1970-х годов. Реальный доход на душу населения в Сенегале сегодня почти на том же уровне, что и в 1960 г. Средний габонец сегодня вдвое богаче, чем он был 40 лет назад! Если франк КФА не может объяснить всех низостей стран, которые с ними происходят, факт оста-

ется фактом: он был валютой для худших, а не для лучших» [14]. С этой точки зрения сохранение такой «стабильности» нельзя назвать позитивным аспектом.

Таким образом, создание новой валюты, казалось бы, могло стать решением экономического застоя в странах региона. Но помимо того, что проект встретил ряд проблем в процессе реализации, он претерпел и изменения. В частности, в вопросе привязки валюты к евро. Привязка к евро, сильной валюте, негативно сказывалась на ценовой конкурентоспособности местных производств из-за структурно завышенных обменных курсов. Но при этом и сохраняла «стабильность», обезопасившую экономики африканских стран. Тем самым сохранение такой привязки не может обещать радикальных изменений в макроэкономической ситуации в регионе. Сильная валюта действует как экспортный налог и субсидия на импорт, что затрудняет достижение баланса в торговом балансе. В случае зоны КФА сильная валюта наказывает экспорт сырья, которое менее конкурентоспособно на международном рынке. В качестве примера сегодня, когда какао-бобы импортируются в Европу без обработки, они не облагаются налогом, но если Кот-д'Ивуар, ведущий мировой производитель какао-бобов, планирует экспортировать плитку шоколада в Европу, будет взиматься налог в размере 30%. Таким образом, африканские экономики, по сути, являются сателлитами западных стран. Это означает, что когда мы говорим «африканский экспорт», мы забываем, что на самом деле это европейские поставки для Европы. Поэтому Европа не будет облагать налогом свои поставки, поскольку именно за счет этих закупок она получит свою добавленную стоимость. Введение новой валюты не может решить этого вопроса. Подлинная независимость Африки может быть достигнута, если отмена колониальной валюты КФА будет сопровождаться пересмотром контрактов о коммерческом сотрудничестве, правил добычи полезных ископаемых, освобождением от политики жесткой экономии, проводимой Международным валютным фондом, закрытием иностранных военных баз, отказом от патерналистских отношений с западными державами и жестким контролем за коррупцией.

Но в этом сложном процессе по изменению макроэкономической системы региона, проект новой независимой африканской валюты можно считать первым смелым шагом к развитию. Дейст-

вительно, переход от франка КФА к эко открывает новую эру экономического и валютного сотрудничества в Западной Африке. Преимущества этой эволюции многочисленны, как обсуждалось выше, и требуют поддержки этого важного проекта. Тем не менее проблемы, стоящие перед реализацией этой инициативы, требуют осторожности, но и смелости. Контекст COVID-19 оказал серьезное влияние на экономику Западной Африки, и даже, возможно, привел к изменению политических приоритетов в регионе. Правительства западноафриканских государств переместили фокус на внутриполитические вопросы, проблему здравоохранения и восстановления своих экономик, отодвигая экономическое и валютное сотрудничество. Поэтому неудивительно, что принятие эко в качестве единой валюты в Западной Африке было отложено до 2027 г. [15]. Учитывая сложность проекта, лидерам региона необходимо будет воспользоваться этой возможностью и переосмыслить проект Эко. Первым шагом могло бы стать переопределение критериев конвергенции, изменение дорожной карты создания эко и решительные политические действия ключевых игроков для преодоления политико-экономического аспекта этого проекта. Эко может стать основным строительным блоком новой эры развития африканских государств, что позволит позиционировать страны Западной Африки и континент в целом как новый полюс роста, ведущую мировую экономику. Главное, чтобы новая эко не стала лишь переименованием старого франка КФА.

Список литературы

1. Ndongo S. The CFA Franc: French Monetary Imperialism in Africa. Africa at the London School of Economics and Political Science. – 2017. – URL: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2017/07/12/the-cfa-franc-french-monetary-imperialism-in-africa/> (accessed 08.01.2024).
2. Cantener A. Comprendre le franc CFA en quatre questions / RFI. – 2017. – URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20170830-comprendre-le-franc-cfa-quatre-questions> (accessed 08.01.2024).
3. Jardin A. Du franc CFA à l'Eco: une nouvelle monnaie pour l'Afrique de l'Ouest // Easynomics. – 2022. – URL: <https://easynomics.fr/2022/01/23/du-franc-cfa-a-leco-une-nouvelle-monnaie-pour-lafrique-de-louest/> (accessed 08.01.2024).
4. Moreira P. From CFA to ECO: Opportunities and Challenges of Economic and Monetary Cooperation in West Africa / Policy Center for the New South. – 2021. –

- URL: <https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2021-10/PP-16-21-PINTO-2.pdf> (accessed 08.01.2024).
5. Berthemet T. Macron et Ouattara enterrent le franc CFA // *Le Figaro*. – 2019. – URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-eco/accord-entre-l-uemoa-et-la-france-pour-remplacer-le-franc-cfa-par-l-eco-20191221> (accessed 08.01.2024).
 6. Athman R. Widening protests against the CFA franc rage on // *Africanews*. – 2017. – URL: <https://www.africanews.com/2017/09/18/protests-against-the-cfa-rage-on/> (accessed 08.01.2024).
 7. Sossou I. CEDEAO: Communiqué final de la 55e session des chefs d'Etat et de Gouvernement // *Benin Web TV*. – 2019. – URL: <https://archives.beninwebtv.com/2019/07/cedeau-communique-final-de-la-55e-session-des-chefs-detat-et-de-gouvernement/> (accessed 08.01.2024).
 8. Жамбиков А. ЭКОВАС и введение единой валюты в Западной Африке: проблемы и перспективы // *Азия и Африка сегодня*. – 2020. – № 3. – С. 54–58.
 9. Gathii J. Symposium on the CFA Franc Reform in West Africa: What Options for the Transition from the CFA Franc to the Eco? // *Afronomicslaw*. – 2022. – URL: <https://www.afronomicslaw.org/category/analysis/symposium-cfa-franc-reform-west-africa-what-options-transition-cfa-franc-eco> (accessed 09.01.2024).
 10. Chaffard G. Le Mali donne un exemple de réalisme // *Le Monde diplomatique*. – 1967. – URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/1967/02/CHAFFARD/27652> (accessed 09.01.2024).
 11. Bensimon C. La fin du franc CFA annoncée par Emmanuel Macron et Alassane Ouattara // *Le Monde*. – 2019. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/12/21/la-mort-du-franc-cfa-annoncee-par-emmanuel-macron-et-alassane-ouattara_6023752_3212.html (accessed 08.01.2024).
 12. Auffret S. Confusions autour d'un «impôt colonial» et du franc CFA» // *Le Monde*. – 2017. – URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2017/02/22/confusions-autour-d-un-impot-colonial-et-du-franc-cfa_5083833_4355770.html (accessed 08.01.2024).
 13. Zafar A. The CFA franc zone: Economic development and the post-COVID recovery // *Brookings*. – 2022. – URL: <https://www.brookings.edu/events/the-cfa-franc-zone-economic-development-and-the-post-covid-recovery/> (accessed 08.01.2024).
 14. Moussaoui R. L'attachement français au franc CFA dénote un atavisme colonial // *L'Humanité*. – 2017. – URL: <https://www.humanite.fr/monde/entretiens/lattache-ment-francais-au-franc-cfa-denote-un-atavisme-colonial-645450> (accessed 08.01.2024).
 15. Bahgat F. West African bloc aims to launch single currency // *Deutsche Welle*. – 2021. – URL: <https://www.dw.com/en/ecowas-west-african-bloc-aims-to-launch-single-currency-in-2027/a-57970299> (accessed 08.01.2024).

АЛЕКСАНИЯ Л.М.* ТУРЕЦКО-АЛЖИРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Алжир является одним из основных направлений африканского вектора внешней политики Турецкой Республики. Это североафриканское государство рассматривается Турцией в качестве источника углеводородных ресурсов и рынка с большим потенциалом. Кроме экономических выгод, Турция учитывает также политические дивиденды за счет углубления отношений с этим государством. Дело в том, что Алжир в силу своего геополитического расположения играет роль ворот в Африку южнее Сахары, выступает в качестве одной из важных площадок для укрепления турецкого влияния на Африканском континенте и способствует повышению значимости Турции в мировой политике. В силу этих факторов, Анкара активно развивает отношения с Алжиром в различных сферах политики и экономики, культурные связи.

Статья посвящена особенностям турецко-алжирских отношений на современном этапе. Особое внимание уделено экономической политике Турции в отношении Алжира, а также сотрудничеству в сфере безопасности. Выявляются основы политико-дипломатических отношений между двумя государствами. Автором сделан вывод о том, что турецко-алжирские отношения находятся на этапе трансформации, приобретая стратегический характер.

Ключевые слова: Турция; Алжир; Африка; экономика; безопасность.

ALEKSANYAN L.M. Turkey-Algeria Relations: New Trends

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. Algeria is one of the main directions of Turkey's foreign policy toward Africa. This African state is considered by Turkey as a source of hydrocarbon resources and a market with great potential. In addition to economic benefits, Turkey also takes into account political dividends by deepening relations with this state. Algeria, due to its geopolitical position, plays the role of a gateway to the Maghreb region and the rest of Africa, acts as one of the important platforms for strengthening Turkish influence on the African continent and contributes to increasing the importance of Turkey in world politics. Due to these factors, Ankara is actively developing its relations with this African state in the areas of economics, culture, diplomacy and security.

This article is devoted to the study of the features of Turkish-Algerian relations. Particular attention is paid to Turkey's economic policy towards Algeria. Emphasis is placed on the study of bilateral cooperation in the field of security. The fundamentals of political and diplomatic relations between the two states are also emphasized. The author concludes that Turkish-Algerian relations are in a stage of transformation, acquiring a strategic character.

Keywords: Turkey; Algeria; Africa; economy; security.

Для цитирования: Алексанян Л.М. Турецко-алжирские отношения: новые тенденции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 41–51. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.03

Политико-дипломатический аспект турецко-алжирских отношений

После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (2002) турецкая политика в отношении Алжира стала отличаться особенной активностью. Турецкое руководство начало выстраивание дружественных и долгосрочных отношений с этим государством. Важным событием стал визит в Алжир президента Р.Т. Эрдогана в 2006 г., в ходе которого было подписано «Соглашение о дружбе и сотрудничестве», обеспечивающее правовую базу двусторонних отношений [18]. За этим событием последовали периодические визиты лидеров двух государств, определявшие стабильное развитие турецко-алжирских отношений. Значимость

Алжира во внешней политике Турции обусловили такие факторы: геополитическое положение государства как ворот в Магриб и Африку южнее Сахары, его роль в борьбе с исламским терроризмом, а также геоэкономические интересы Анкары, связанные с получением доступа к углеводородным ресурсам Алжира и его многообещающему рынку товаров и инвестиций. Для руководства Алжира, в свою очередь, было важно выстраивание тесных отношений с Турцией для диверсификации экономических связей и внешней политики страны.

Заинтересованность Турции в обеспечении своего присутствия в Алжире увеличилась особенно с 2013 г., когда после свержения президента Египта Мухаммеда Мурси отношения Турции с Египтом ухудшились. На фоне этих процессов Алжир стал важным звеном для Анкары в плане обеспечения своих стратегических позиций в Северной Африке. Это государство превратилось в привлекательного партнера для Турции по противодействию влиянию Франции в Сахеле. В фокусе двустороннего взаимодействия разработка общей позиции по Ливии, поддержка правительства в Триполи [27].

Схожесть позиций Турции и Алжира по ряду вопросов международной и региональной повестки, в свою очередь, стала стимулом кристаллизации достигнутых успехов в двусторонних отношениях и дальнейшего сближения двух государств. Этому процессу был посвящён визит Эрдогана в Алжир в 2014 г. В ходе этого визита президента сопровождали заместитель премьер-министра, министр иностранных дел, министр продовольствия, сельского хозяйства и животноводства, министр национальной обороны, депутаты, бизнесмены [17]. Многочисленность турецкой делегации и статус ее членов свидетельствовали о намерениях Анкары углублять двусторонние отношения с Алжиром. В 2018 г. Эрдоган своё турне по африканским государствам начал с Алжира, в ходе его было подписано семь соглашений в сфере энергетики, туризма, культуры, сельского хозяйства и дипломатии [27].

С 2020 г. турецко-алжирские отношения перешли на качественно новый уровень. С одной стороны, это было связано с внешнеполитической стратегией Турции, направленной на реализацию геоэкономических интересов и усиление своих позиций в Северной Африке, с другой стороны – с перезагрузкой внешней полити-

ки Алжира после победы А. Теббуна на президентских выборах в декабре 2019 г. [4]. А. Теббун начал курс активной внешней политики, форсируя развитие двусторонних и многосторонних отношений. Такой подход политического руководства Алжира отвечал интересам Турции, и не случайно уже в январе 2020 г. Р.Т. Эрдоган поспешил с рабочим визитом в Алжир и подписал со своим алжирским коллегой совместную декларацию о создании Совета сотрудничества высокого уровня Турция–Алжир, а также заключил множество соглашений о сотрудничестве. Таким образом, турецкое руководство начало процесс консолидации своих позиций в Алжире для разрешения внешнеэкономических задач и получения политической поддержки со стороны Алжира в региональных вопросах, и особенно в Ливии. Алжирские СМИ единодушно расценили визит Эрдогана как важный шаг на пути к укреплению экономического сотрудничества и координации позиций двух государств по ливийскому вопросу [9]. Сам Эрдоган в ходе своего визита заявил, что Алжир – братская и дружественная страна – также является стратегическим партнером Турции в Северной Африке [12].

Президент Алжира Теббун в ходе своего официального визита в Турцию в 2022 г. высоко оценил переговоры со своим турецким коллегой, подчеркнув стратегический характер турецко-алжирских отношений [8]. Алжирский лидер заявил, что позиции Турции и Алжира по урегулированию кризиса в Ливии фундаментально совпадают. Визит Теббуна в Турцию ознаменовался подписанием декларации первого заседания Совета Сотрудничества высокого уровня, а также ряда соглашений о сотрудничестве и меморандумов о взаимопонимании в самых разных областях. Президент Алжира совершил свой второй визит в Турцию в июле 2023 г. в сопровождении министров иностранных дел, торговли, обороны, финансов, энергетики, промышленности, технологий, здравоохранения, окружающей среды и образования [2]. Расширенный состав делегации алжирского лидера указывал на заинтересованность Алжира в укреплении и углублении двустороннего сотрудничества с Турцией.

Важным событием в турецко-алжирских двусторонних отношениях стал государственный визит Эрдогана в Алжир в ноябре 2023 г., целью которого было участие во втором заседании Совета

Сотрудничества. Для того, чтобы отразить уровень двусторонних отношений, стороны переименовали Совет в «Совет стратегического сотрудничества высокого уровня» с добавлением слова «стратегический» [22]. По словам Эрдогана это решение символизирует уровень отношений, которого достигли два государства, а также их общее стратегическое видение [13]. Во время этой встречи также было подписано 13 соглашений и меморандумов взаимопонимания по развитию двустороннего сотрудничества в сферах экономики, культуры, образования, здравоохранения, космических исследований и т.д. [24]. «Министры торговли двух стран выступили с совместным заявлением о намерении подписать межправительственное соглашение о преференциальной торговле» [6].

На фоне изменившихся геополитических и геоэкономических условий, в условиях региональных и мировых кризисов, Турция и Алжир особое внимание уделяют развитию двусторонних отношений в сфере безопасности. Заинтересованность турецкого руководства в сотрудничестве с Алжиром в данной сфере объясняется намерениями Турции нарастить присутствие в Северной Африке с целью реализации своих экономических интересов. Кроме указанных факторов, стимулом активной политики Турции является военное сотрудничество, включающее продажу оружия. Алжир стал первым международным заказчиком турецких беспилотников TAI Aksungur в 2022 г. [27]. Алжир заинтересован не только в покупке турецкой военной техники, но и в доступе к военнотехническим технологиям Турции. Неслучайно, что одним из важных направлений двустороннего сотрудничества между Турцией и Алжиром является военная промышленность, в сфере которой подписан ряд соглашений. Турецкая военно-промышленная компания Aselsan, которая занимается разработкой и производством высокопроизводительных электрооптических систем, является одной из компаний, подписавших ряд договоров с Алжиром [15, p. 52].

Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу во время своего визита в Алжир в декабре 2022 г. выступил с предложением о расширении военного сотрудничества между двумя странами. Это предложение главы внешнеполитического ведомства Турции получило поддержку со стороны алжирского руководства. Турция и Алжир «стремятся расширить военное сотрудни-

чество таким образом, чтобы укрепить оборонный потенциал Алжира, особенно с учетом значительного развития турецкой военной промышленности, а именно беспилотных летальных аппаратов» [2], бронетехники, электрооптических сенсорных систем, систем наблюдения, машин разминирования и винтовок [26].

Важным компонентом турецко-алжирского сотрудничества в сфере безопасности является также обучение сотрудников службы безопасности Алжира. Эти программы обучения ориентированы на различные подразделения аппарата безопасности, включая армию, жандармерию, береговую охрану и полицию [26]. Кроме этих проектов, Анкара также реализует программы по обучению алжирских чиновников в Турецком национальном университете обороны [15, р. 48].

В продвижении турецких военных технологий и военной доктрины в мире решающую роль играют также миссии военных атташе Турции. Алжир является одной из 72 стран [15, р. 53], где находятся турецкие военные атташе.

Экономическая политика Турции в отношении Алжира

Одной из важнейших составляющих алжирского направления внешней политики Турции является экономическое сотрудничество. Анкара рассматривает экономику в качестве одного из эффективных инструментов для продвижения геополитических и геоэкономических интересов страны и укрепления своих позиций в Алжире. В ресурсном обеспечении экономического развития ключевую роль играет энергетика, которая является приоритетной сферой сотрудничества Алжира и Турции. Алжир обладает запасами природного газа в размере 4,34 трлн куб. м, занимая 2-е место в Африке и 11-е место в мире и концентрируя 2,2% мировых запасов [5]. Благодаря этим запасам Алжир является 6-м крупнейшим экспортером трубопроводного газа в мире, обеспечивающим 4,8% мировой торговли (2020) [5] и первым в мире государством – экспортером сжиженного природного газа (СПГ), обеспечивающим 3,4% мировой торговли (2019). Алжир также богат запасами нефти, объем которых, по данным 2019 г., составлял 1,54 млрд т [7]. Благодаря этим запасам и активной политике Анкары Алжир превратился в четвертого по величине поставщика природного га-

за в Турцию после России, Ирана и Азербайджана [18]. Около 90% экспорта Алжира в Турцию составляют энергетические материалы, включая СПГ, СНГ, сырую нефть и природный газ. В 2023 г. крупные нефтегазовые компании Турции и Алжира Botaş и Sonatrach подписали соглашение о продлении срока действия двусторонних договоренностей об импорте СПГ Турцией (срок истекает в 2024 г.) еще на три года (4,4 млрд куб. м ежегодно) [8].

Кроме торговли углеводородами, важным аспектом турецко-алжирского энергетического сотрудничества является также инвестиционная политика Анкары в сфере энергетики Алжира. В октябре 2021 г. министр энергетики Алжира Мохаммед Аркаб заявил, что Алжир совместно с Турцией начинает реализацию нового проекта, общей финансовой стоимостью 1,4 млрд долл., 66% акций которого принадлежат турецкой компании Ronasans Holding, 34% – алжирской компании Sonatrach. Проект нацелен на производство полипропиленового пластика, который будет использоваться в нескольких отраслях, включая автомобили и текстильную промышленность [19, р. 40]. В 2022 г. Турция и Алжир договорились о создании совместной компании по разведке нефти и природного газа, которая будет реализовывать свою деятельность как в Алжире, так и в сопредельных государствах [23].

В последние годы перспективным направлением энергетического сотрудничества между Турцией и Алжиром стала сфера возобновляемой энергии. Этому способствует стремление правительства Алжира в плане перехода к эпохе зеленой экономики. Территория Алжира характеризуется огромными ресурсами возобновляемой энергии, что создает хорошие условия для инвестиционной политики Турции. В марте 2024 г. турецкая компания Özgün İnşaat подписала с Алжиром соглашение о сотрудничестве, согласно которому компания получила право на реализацию проектов солнечной электростанции в Лагуате мощностью 362 МВт и Геррары мощностью 82 МВт [16]. В рамках этих проектов турецкая компания выполнит также строительные работы. Эрдоган в ходе своего визита в Алжир в 2023 г. заявил, что Турция и Алжир стремятся развивать и расширять двустороннее сотрудничество в сфере возобновляемой энергии [22].

Благодаря активности Турции и восприимчивости алжирского руководства двусторонние торгово-экономические отношения

перешли на достаточно высокий уровень. За последнее десятилетие Алжир превратился в одного из крупнейших торгово-экономических партнеров Турции в Африке. Алжир является самым крупным торговым партнером Турции на Черном континенте, а Турция занимает 6-е место среди крупнейших партнеров Алжира [10]. По данным министра торговли Алжира, стоимостный объем товарооборота между Турцией и Алжиром в 2023 г. составил 6,3 млрд долл. [20], показав 18,8% рост по сравнению с показателями 2022 г. По статистическим данным, предоставленным ООН, в период с 2017 по 2022 г. стоимостный объем экспорта Турции в Алжир вырос с 380 млн долл. до 2,07 млрд долл., обеспечив пятикратный рост [21]. Основными товарными позициями для турецкого экспорта являются техника, ядерные реакторы, котлы, строительные материалы, автомобильные транспортные средства и запчасти, железо и сталь, текстильная продукция, эфирные масла, одежда. Как уже было отмечено, основным направлением алжирского экспорта в Турцию являются энергоносители. По оценкам руководителей двух государств, в ближайшие годы объем товарооборота между Турцией и Алжиром достигнет 10 млрд долл. [25].

Инвестиционная политика является одним из самых эффективных инструментов экономической дипломатии Турции в отношении Алжира. По некоторым расчетам, прямые инвестиции Турции в данное африканское государство достигают 7 млрд долл. [14, p. 169]. Алжир является третьей страной по количеству зарегистрированных в ней турецких компаний (порядка 1400) [6]. Турция, будучи одним из крупнейших иностранных инвесторов в Алжире, обеспечила алжирцев рабочими местами в размере 35 000. Турция в основном инвестирует в развитие промышленности, инфраструктуры, строительства и энергетический сектор [1, с. 73]. Проекты строительных компаний, осуществленные в Алжире и Ливии, составляют две трети от общего числа африканских проектов [1, с. 73]. «Турция стремится, чтобы ее компании сыграли ведущую роль в реализации планов Алжира по укреплению своей инфраструктуры с бюджетом в 150 млрд долл.» [2]. Турецкие компании участвуют в широком спектре программ в Алжире, включая строительство недорогих жилых комплексов, больниц, плотин, автомагистралей, туннелей и портов. Турецкая компания Yarı Merkezi занимается реализацией железнодорожных проектов в

Алжире. В ближайшее время турецкая компания Tosyali запустит в Оране завод стоимостью 1,7 млрд долл. по производству листовой стали, которую предусматривается экспортировать в Европу, США и Турцию [3]. Перспективным считается проект по производству молочной продукции и пшеницы в Адраре на общую сумму 20 млн долл. [11]. В целом, сообщается о наличии 377 турецких инвестиционных проектов на территории Алжира. Таким образом, можно утверждать, что Турция старается расширять свое участие в реализации стратегических проектов Алжира для обеспечения своего контроля над жизненно важными отраслями экономики этой страны.

Список литературы

1. Алексанян Л.М. Политика Турции в Африке на современном этапе (политический, экономический, гуманитарный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 2. – С. 67–80.
2. Алжир и Турция стремятся расширить сотрудничество во всех сферах // EurAsia Daily. – 2023. – 24.07. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/07/24/alzhir-i-turciya-stremyatsya-rasshirit-sotrudnichestvo-vo-vseh-sferah> (дата обращения: 1.05.2024).
3. Балмасов С. Саммит Турция – Африка и роль Алжира в планах развития отношений Анкары с африканскими странами // Институт Ближнего Востока. – 2021. – 22.12. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=82182> (дата обращения: 13.05.2024).
4. Василенко А. Международные организации во внешней политике Алжира // РСМД. – 2023. – 25.01. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-organizatsii-vo-vneshney-politike-alzhira/> (дата обращения: 4.05.2024).
5. Газовая промышленность Алжира // ЦДУ ТЭК. – 2022. – 01.02. – URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/3/980/ (дата обращения: 14.05.2024).
6. Колесникова М. Турецкий полумесяц над Магрибом // Международная жизнь. – 2023. – 20.12. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43835> (дата обращения: 03.05.2024).
7. Нефтяная и нефтеперерабатывающая промышленность Алжира // ЦДУ ТЭК. – 2020. – 11.18. – URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/818/ (дата обращения: 14.05.2024).
8. Турция планирует продолжать покупать у Алжира 4,4 млрд куб. м СПГ ежегодно // ТАСС. – 2023. – 21.11. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/14641627> (дата обращения: 1.05.2024).

9. Algeria's newspapers: Turkey's Erdogan's visit boosts relations and peace in Libya // Middle East Monitor. – 2020. – 28.01. – URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20200128-algerias-newspapers-turkeys-erdogans-visit-boosts-relations-and-peace-in-libya/> (дата обращения: 4.05.2024).
10. Bilgrami M. Turkey and Algeria: Rekindling historic closeness // CeSPI. Brief. – 2021. – N 23. – URL: https://www.cespi.it/sites/default/files/osservatori/allegati/brief_23_-_turkey_algeria_rekindle_historic_closeness.pdf (дата обращения 12.05.2024).
11. Chikhaoui A. Algeria-Turkey: consolidating the strategic partnership // Near East South Asia. Center for Strategic Studies. – 2023. – 26.12. – URL: <https://nesa-center.org/algeria-turkey-consolidating-the-strategic-partnership/> (дата обращения: 1.05.2024).
12. Erdoğan: “Cezayir, Türkiye'nin kuzey Afrika'daki stratejik ortaklarından biri” // DEİK. – URL: <https://www.deik.org.tr/basin-aciklamalari-erdogan-cezayir-turkiye-nin-kuzey-afrika-daki-stratejik-ortaklarindan-biri> (дата обращения: 4.05.2024).
13. Erdoğan Cezayir'de: Savaş suçu teşkil eden İsrail saldırılarını kabul etmiyoruz // Rudaw. – 2023. – 21.11. – URL: <https://www.rudaw.net/turkish/world/211120233> (дата обращения: 1.05.2024).
14. İnaç H., Hadji A. Diplomacy of the Turkey-Algerian Relations Between the Recent History and the challenges of the Future // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2023. – N 78. – P. 163–172.
15. Kitio A. The Rising Security Cooperation of Turkey in Africa: An Assessment From The Military Perspective // Journal of Rising powers and Global Governance. – 2020. – Vol. 1, Issue 2. – P. 43–59.
16. Özgün İnşaat Supports Algeria's Energy Journey with Two Different Solar Power Plant Projects // Özgün İnşaat. – 2024. – 14.03. – URL: <https://www.ozguntr.com/en/news/ozgun-insaat-supports-algerias-energy-journey-with-two-different-solar-power-plant-projects> (дата обращения: 11.05.2024).
17. President Erdoğan pays an official visit to Algeria // Daily Sabah. – 2014. – 19.11. – URL: <https://www.dailysabah.com/mideast/2014/11/19/president-erdogan-pays-an-official-visit-to-algeria> (дата обращения: 6.05.2024).
18. Relations between Türkiye-Algeria // Republic of Türkiye: Ministry of foreign affairs. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkiye%E2%80%933algeria.en.mfa> (дата обращения: 1.05.2024).
19. Toumi A. How Algeria-Turkey Ambitious Strategic Rapprochement Will Effect France's Sahel Policy // Insight Turkey. – 2021. – Vol. 23, N 4. – P. 39–50.
20. Trade Volume Between Algeria and Turkey Reaches \$ 6,3 Billion in 2023 // The Southern African Times. – 2024. – 25.01. – URL: <https://southernafricantimes.com/trade-volume-between-algeria-and-turkey-reaches-6-3-billion-in-2023/> (дата обращения: 13.05.2024).
21. Turkey Exports to Algeria // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/exports/algeria> (дата обращения: 13.05.2024).
22. Turkey and Algeria have centuries-old ties of friendship and brotherhood // Presidency of the Republic of Türkiye. – 2023. – 21.11. – URL: <https://www.tccb.>

- gov.tr/en/news/542/150255/-turkiye-and-algeria-have-centuries-old-ties-of-friendship-and-brotherhood- (дата обращения: 1.05.2024).
23. Türkiye and Algeria to start joint oil and gas exploration company // AA. – 2022. – 11.11. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkiye-and-algeria-to-start-joint-oil-and-gas-exploration-company/2735416> (дата обращения: 1.05.2024).
24. Türkiye, Algeria sign 13 deals to boost bilateral cooperation // Xinhua. – 2023. – 22.11. – URL: <https://english.news.cn/africa/20231122/d48c519c2fdb440686ccd1ed3a193e7c/c.html> (дата обращения: 7.05.2024).
25. Türkiye ve Cezayir ikili ticaret hacmini en kısa en sürede 10 milyar dolara çıkarmayı hedefliyor // AA. – 2023. – 20.11. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-ve-cezayir-ikili-ticaret-hacmini-en-kisa-surede-10-milyar-dolara-cikarmayi-hedefliyor/3059073> (дата обращения: 03.05.2024).
26. Yaşar N. Unpacking Turkey's Security Footprint in Africa: Trends and Implications for the EU // SWP. – 2022. – 30.06. – URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2022C42/> (дата обращения: 1.05.2024).
27. Zoubir Y. Türkiye and Algeria: a promising evolution // Middle East Council on Global Affairs. – 2023. – URL: <https://mecouncil.org/publication/turkiye-and-algeria-a-promising-evolution/> (дата обращения: 1.05.2024).

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

СИДОРОВА С.Е.* ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЯТЕЖНОГО РАДЖИ: ПОБЕГ, ПОГОНЯ, ДЕТРОНИЗАЦИЯ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В НАГПУРСКОМ КНЯЖЕСТВЕ, 1817–1818)

Аннотация. В статье ставится задача восстановить малоизвестный эпизод Третьей англо-маратхской войны (1817–1818), который наряду с другими факторами повлиял на отношения между Ост-Индской компанией и индийскими княжествами на десятилетия вперед. Автор, основываясь на британской переписке и некоторых дополнительных источниках, описывает обстоятельства политического кризиса в Нагпурском княжестве в 1817–1818 гг. После двух проигранных сражений Аппа-сахиб, раджа Нагпура, вопреки условиям мирного договора, сохранившего за ним престол в обмен на полную лояльность, продолжил антибританскую деятельность, в результате чего он был арестован и отправлен под конвоем в Аллахабад. Во время марша он совершил побег и спрятался в горах Махадео, где его приняли и защитили вожди гондских племен. В течение следующих месяцев многочисленные попытки британцев поймать раджу потерпели неудачу. Чтобы свести к минимуму негативные последствия побега, нарушившего общественное спокойствие в регионе, британцы объявили о низложении Аппа-сахиба с трона и провозглашении нового раджи, которым стал десятилетний Рагхуджи III. Этот инцидент имел большое политическое значение и ознаменовал переход к более строгим формам контроля над местными правителями. Британские адми-

* Сидорова Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

нистраторы стали осуществлять прямое и активное вмешательство в дела княжеств, решительно вытеснять местных правителей с политической сцены, аннексируя их земли или сохраняя лишь видимость их независимости.

Ключевые слова. Британская Индия; Третья англо-маратхская война; Нагпурское княжество; Аппа-сахиб.

SIDOROVA S.E. Adventures of a Rebellious Raja: Escape, Chase, Dethronement (Political Crisis in the Nagpur Principality, 1817–1818)

Abstract. This paper aims to restore the little-known episode of the Third Anglo-Maratha war (1817–1818) that along with other factors influenced the relationship between the East-India Company and Nagpur kingdom as well as other Indian princely states for decades ahead. The author basing on the British correspondence and some additional sources describes the circumstances of the escape of Appa Sahib, the rajah of Nagpur, and his subsequent adventures. After two lost battles Appa Sahib contrary to the conditions of the treaty of peace, which retained him to the throne, commenced his intrigues against the British power. Having ascertained these points the British arrested rajah and sent him under an escort to Allahabad. On a march he contrived to make his escape and effected his retreat to the Mahadeo Hills where he was received and protected by the tribal chiefs. During the next months numerous British attempts to catch rajah have failed. This incident was of great political significance because it had baneful consequences to the public tranquility in the region. In order to minimize the negative effects of the escape the British dethroned Appa Sahib and announced new infant rajah. Having lost trust in the merits of local elites they established the new government in Nagpur on the principles of the British administration of the affairs. Contrary to initial plans more direct and constant interference was introduced by the colonial power in Nagpur. This episode marked the end of an era of romantic relationship between the British and Indian states and the transition to much more tough and authoritarian politics towards the latter.

Keywords: British India; Nagpur kingdom; Third Anglo-Maratha war; Appa Sahib.

Для цитирования: Сидорова С.Е. Приключения мятежного раджи: побег, погоня, детронизация (политический кризис в Нагпурском княжестве, 1817–1818) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 52–83. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.04

13 мая 1818 г. в четыре часа утра капитан 1-й бригады 22-го полка местной пехоты Э. Кейв Браун из лагеря неподалеку от местечка Раичвал, расположенного в Центральной Индии на пути между городами Нагпур и Джабалпур, отправил британскому резиденту при дворе нагпурского раджи Ричарду Дженкинсу письмо следующего содержания:

«С огромной тревогой я имею честь сообщить вам, что 22-летний Аппа-сахиб совершил побег между 2 и 3 часами ночи в сопровождении шести часовых, пятеро из которых имели при себе мушкеты и другое оружие»¹.

Инцидент, наспех описанный в письме, произошел в разгар Третьей англо-маратхской войны и стал знаковым событием в истории Нагпурского княжества и Ост-Индской компании, определив характер их дальнейших взаимоотношений на несколько десятилетий вперед. Детали и обстоятельства происшествия и последовавших событий отражены в переписке британских военных и гражданских чиновников, изданной отдельным томом.

Политический подтекст и географический контекст

Нагпурское княжество входило в состав Маратхской конфедерации, огромного политического образования, зарождение которого в конце XVII в. связано с именем завоевателя Шиваджи Бхосле, короновавшегося в качестве *чхатрапати*² в 1674 г. в крепости Райгад в западной части современной Махараштры, ставшей столицей его «вотчины» и при его потомках перенесенной в г. Сатару. В XVIII в. государство маратхов превратилось в одну из самых мощных политий на Индийском субконтиненте. Тогда же власть оказалась в руках главных министров Конфедерации – *пешив*, которые сделали столицей город Пуну. Распространяя свое влияние,

¹ Letter XLI–154 dated 13.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Rai-chawal [7, с. 6].

² *Чхатрапати* – букв. «обладатель зонта», «царь», титул верховного правителя в Махараштре.

чхатрапати, а затем *пейвы* рассылали повсюду *сардаров*¹, надеясь их правом сбора налогов с территорий, которые им удавалось подчинить. Так, в конце XVII в. в Центральной Индии оказались дальние родственники Шиваджи². Один из них, Рагхуджи Бхосле, участвуя в 1730-х годах в разрешении внутренних конфликтов в местных княжествах династии Гонда на территории Девгада, Кхерлы, Гадха-Мандлы, Чанды³, быстро обрел полный контроль над ними. В 1737 г. он перебрался в город Нагпур на территории Девгада, сделав его своей столицей. Рагхуджи I (прав. 1730–1755) считается основателем династии нагпурских Бхосле.

Ко второй половине XVIII в. Нагпурское княжество стало одним из крупнейших участников Конфедерации, чьи территории простирались до восточного побережья Индостана и граничили с Бенгалией. Британцы, получившие над этой последней контроль в 1772 г., оказались, таким образом, ближайшими соседями маратхов с северо-востока. На западе Индостана основной форпост британской Ост-Индской компании в Бомбее находился меньше, чем в ста милях от Пуны. Результатом такого соседства стали активные дипломатические отношения между соседями и три англо-маратхские войны. Первый британский резидент при дворе нагпурского раджи Рагхуджи II (прав. 1775–1816) появился в 1788 г., вскоре после окончания I войны (1775–1782). После II англо-маратхской войны (1803–1805), в результате которой владения Нагпурского княжества существенно сократились, присутствие резидента стало для раджи обязательным. Однако Рагхуджи II удалось избежать размещения на своей территории британских субсидиарных войск, на что вынуждено было согласиться уже немало индийских княжеств, включая и некоторые маратхские.

В 1807 г. резидентом в княжество был назначен Ричард Дженкинс, который оставался в Нагпуре почти 20 лет, до 1826 г. При нем 22 марта 1816 г. умер Рагхуджи II, оставив после себя единственного физически неполноценного и умственно отсталого

¹ *Сардар* – военачальник в маратхской армии.

² Первоначально они обосновались в районе Бера, который официально принадлежал *низаму* Хайдарабада. Однако 60% собираемых с этих земель налогов шли в казну маратхов. *Низам* – титул правителей княжества Хайдарабат, а также некоторых других княжеств.

³ Собирательное название этих земель – Гондвана.

сына – 38-летнего Парсоджи (II). В разгоревшейся борьбе за место регента при негласной поддержке британцев победил Мудходжи, более известный под именем Аппа-сахиб, 20-летний племянник умершего раджи. В качестве благодарности и в поисках опоры в непростой внутривосточной ситуации в Нагпуре 28 мая 1816 г. Аппа-сахиб в статусе регента подписал договор с Ост-Индской компанией об оборонном союзе и размещении ее войск в княжестве, после чего пару месяцев вынужден был жить рядом с британским гарнизоном и лишь в августе решился вернуться во дворец. В январе 1817 г. он отбыл в крепость Чанду для урегулирования неотложных вопросов, и в его отсутствие 1 февраля неожиданно скончался Парсоджи, освободив трон. 21 апреля Аппа-сахиб короновался, заняв место в династии нагпурских Бхосле под именем Мудходжи II. Дженкинс писал в историческом очерке о Нагпуре:

«Вскоре после этого Аппа-сахиб начал менять свое поведение по отношению к британскому правительству, ограждая от консультаций с ним своих министров, которые согласовывали договор о союзе, вступая вопреки его условиям в контакты с Баджи-равом¹ и другими маратхскими правителями. Его полная неспособность исполнять свою часть обязательств по обеспечению военного контингента, вынуждавшая британское правительство предоставлять значительно больше сил для охраны территории, являлось еще одним основанием для недовольства им. Его поведение свидетельствовало о непостоянстве и даже враждебности, которые могли бы даже привести к конкретным действиям, не завершившись дискуссия в Пуне в июне 1817 г. мирно². Это заставило его вновь надеть маску благорасположения и дружелюбия по отношению к союзнику» [9, с. 132].

Тем не менее Аппа-сахиб продолжил тайные переговоры о создании антибританской коалиции с *нешвой* и предпринял работы по возведению форта на холме Ситабалди близ Нагпура. В ноябре

¹ Баджи-рав II – *нешва* (прав. 1796–1818).

² Имеется в виду конфликт между британцами и *нешвой* Баджи-равом II по поводу права собирать налоги с Бароды, территории в составе Маратхской конфедерации, после II англо-маратхской войны оказавшейся под контролем Ост-Индской компании. Конфликт был улажен подписанием Пунского договора 13 июня 1817 г., по которому *нешва* отказывался от притязаний на доходы с Бароды.

1817 г., когда британцы вступили в открытое военное противостояние с Баджи-равом, которое положило начало III англо-маратхской войне (1817–1818), Аппа-сахиб стянул войска к Нагпуру. То же вынужден был сделать и Дженкинс. Последовавшие две битвы – 25–26 ноября у Ситабалди и 15 декабря у Нагпура – раджа проиграл. И хотя война продолжалась до начала июня 1818 г., когда *нешва* был низложен, большая часть его земель отошла Бомбейскому президентству, а Маратхская конфедерация прекратила существование, для Нагпура она закончилась уже 30 декабря 1817 г. подписанием договора¹. Британцы сохранили за Аппа-сахибом престол, положив условиями этого отторжение части его территорий, ряда крепостей, сохранение субсидиарных войск в княжестве, ведение военных и гражданских дел в согласии с британскими властями и по совету резидента, проживание раджи во дворце под охраной британских войск. Иными словами, в планы британцев не входили низложение раджи и полная аннексия княжества. Параллельно в декабре-январе войска под командованием генерала Хардимана и полковника Макморина поставили под контроль уступленные раджей по договору земли к северу от Нагпура в районе реки Нармады, городов Джабалпура и Шринагара.

9 января 1818 г. Аппа-сахиб вернулся в свой дворец и тотчас продолжил плести интриги, вовлекая на этот раз в антибританскую игру правителей гондских и других мелких племен, населявших окрестные горные районы. Дженкинс продолжал свой рассказ:

«Килладарам² крепостей Чоурагхар и Мандла было тайно велено не подчиняться указаниям по капитуляции. Килладар крепости Чанды получил секретное поручение нанять и отправить агентов к Баджи-раву с просьбой о помощи. Прознав про эти действия, получив донесение, что Баджи-рав готовится выступить к Нагпуру, и обнаружив, что у Аппа-сахиба готов план побега из Нагпура в Чанду, 15 марта 1818 г. резидент арестовал его. Раджа и его главный министр Наго Пандит во всем сознались. В этот же момент выяснилось, что Аппа-сахиб был повинен в убийстве своего родственника и правителя – Парсоджи» [9, с. 135].

¹ Полный текст договора см.: [4, с. 424–425].

² *Килладар* – начальник крепости.

Авангард армии Баджи-рава уже 2 апреля действительно оказался недалеко от Чанды, где был задержан полковником Скоттом, который 17 апреля с помощью подроспевших подразделений полковника Адамса атаковал противника и заставил его отступить.

Побег

После восстановления относительного спокойствия в Нагпурском регионе Ричард Дженкинс отправил арестованного Аппа-сахиба вместе с двумя министрами Наго Пандитом и Рамчандром Во подальше от его родных мест в Аллахабад, ближайший крупный город на территории Ост-Индской компании. Они должны были двигаться по маршруту Нагпур–Джабалпур–Лохорганг–Аллахабад, т.е. на северо-восток от Нагпура и в первой части пути по землям, только что взятыми британцами под свой контроль. Пленников сопровождали четыре отряда сипаев и конный эскадрон. Начальником эскорта был назначен капитан Э.К. Браун. На дорожные расходы и содержание заключенных ему выделили 5 тыс. рупий. Также некоторые средства получили слуги раджи и министров¹. Из Нагпура группа выдвинулась 3 мая 1818 г. Вечером того же дня путники достигли населенного пункта Кампти, где остановились лагерем на ночевку и откуда Браун выслал Дженкинсу в Нагпур короткое письмо, уведомляя об успешном преодолении первого отрезка этапа². В течение следующих десяти дней Браун вел эскорт в сторону Джабалпура, каждую ночь делая привалы (Рамтек, Дангартхал, Пуздар, Моххагаон, Нурела, Лакхнадаон, Дхума) и отправляя гонцов с короткими донесениями в Нагпур о маршруте продвижения. 12 мая вечером арестанты и конвой остановились рядом с Раичвалом. До крупного населенного пункта – Джабалпура, оставался один переход...

Спустя сутки, восстанавливая ход событий, Браун писал о некоем брахмане Радже Раме, который находился с Аппа-сахибом во время его короткого заточения в Нагпуре и отправился с ним по этапу. Правда, дошел он только до первого привалочного пункта в

¹ Letter XLI–168 dated 17.05.1818, B. Marley to R. Jenkins from Allahabad [7, с. 15].

² Letter XLI–135 dated 3.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Kampty [7, с. 1].

Кампти, откуда отпросился обратно в Нагпур, сославшись на неотложные семейные дела. Вновь Раджа Рам присоединился к группе только 12 мая в три часа пополудни. Браун предположил, что Раджа Рам привез деньги для подкупа часовых. Последний раз Аппа-сахиба видели в лагере в два часа ночи 13 мая¹. Спустя короткое время при смене караула раджа исчез. Браун утверждал, что он сбежал, переодевшись в сипайскую форму. Исчезнувшие вместе с ним сипаи, которых насчитали уже девять человек, принадлежали к 22-му полку Бенгальской местной пехоты и происходили из других районов Индии – Ауда и Аллахабада. Все они были приблизительно одного возраста с раджой – от 18 до 23 лет².

Погоня

13 мая – 14 мая

Обнаружив пропажу Аппа-сахиба, Браун тотчас выслал в погоню четыре кавалерийских и три пехотных отряда, которые вернулись к вечеру 13 мая ни с чем³. Утром того же дня он отправил еще один отряд во главе с корнетом Келлатом в сторону Лакхнадаона⁴.

Кроме того Браун разослал сообщения в места расположения британских войск в регионе: майору О'Брайену на север в Джабалпур, который немедленно снарядил несколько отрядов⁵, двинувшихся в разных направлениях, в том числе к Аддагонгу и Лакхнадаону; капитану Блэку на восток в Мандлу, отправившему конную группу в Ланжи и пехотную в Рамгхар⁶; капитану

¹ В письме от 22 мая Браун еще раз откорректирует эти данные, сообщив, что побег, видимо, состоялся в час ночи, а показания одного из местных офицеров о том, что тот видел раджу в 2 часа ночи, оказались ложными: Letter LXI–186 dated 22.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Chupparah. [7, с. 28].

² Letter XLI–158 dated 14.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Raichawal [7, с. 7].

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Letter XLI–161 dated 15.05.1818, Black to R. Jenkins from Mundlah [7, с. 9].

А.К. Дансмуру на юго-запад в Чаппару, также выславшему несколько отрядов¹.

Пытаясь понять, куда мог бежать раджа, Браун задействовал местных информаторов-шпионов, которые снабжали британцев сведениями самого противоречивого характера, за которые те хватались, как за соломинку. В ночь с 13 на 14 мая Браун докладывал, что из Дхумы пришли вести о том, что Аппа-сахиб к 12 часам утра, наступившего после бегства, был в местечке Паттул-гхати, в 12 *косах*² к северу от горной крепости Харрай, находившейся во владении гондского правителя Чайн-шаха, откуда он проследовал в саму крепость, располагавшуюся в 20 *косах* севернее Лакхнадаона и в 15 *косах* от Чоурагхара³. Вечером того же дня Браун, уже перебравшийся в саму Дхуму, сообщал новые сведения, в соответствии с которыми крепость Харрай находилась не севернее, а западнее Лакхнадаона, была хорошо укреплена и располагалась на самой вершине горы, и была мощнее, чем Чоурагхар, а Аппа-сахиб появился вечером 13-го в 40 милях от Дхумы и проследовал в Харрай⁴.

Это означало, что раджа двинулся от места бегства в юго-западном направлении, постепенно забирая все больше на запад, в труднодоступные горы Махадео, населенные гондскими племенами. Преодолев горный массив, Аппа-сахиб мог бы рассчитывать на помощь от Баджи-рава с запада.

15 мая

Браун писал, что начал «подозревать во вранье людей (которые прикидывались, будто знают вектор движения Аппа-сахиба. — С.С.) из-за их уклончивых ответов и показаний». Он вновь выслал маленькие конные и пехотные отряды в надежде разыскать на до-

¹ Letter XLI-17 dated 18.05.1818, A. Conway Dunsmure to R. Jenkins from Chupparah [7, с. 17–18].

² *Кос* – мера длины, равная примерно 3–4 км.

³ Letter XLI-158 dated 14.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Raichawal [7, с. 7].

⁴ Letter XLI-159 dated 14.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Dhooma [7, с. 7].

рогах беглых сипаев¹. Тем временем бригадный генерал Джеймс Ватсон, стоявший лагерем на северном берегу реки Нармады, отправил с майором Каммингом два эскадрона в район крепости Харрай².

16 мая

Дженкинс обратился к капитану Спарксу в Бетуле, городе, расположенном с другой, западной стороны от гор Махадео, с просьбой проявлять крайнюю бдительность на случай, если раджа устремится в его направлении в надежде соединиться с *пешвой* или гондскими правителями. Он попросил его объявить награду за поимку Аппа-сахиба живым или мертвым³.

17 мая

К Брауну, который уже перебрался в Чаппару, явился человек, который до того утверждал, что раджа бежал в направлении Харрая, а теперь докладывал, что утром 14 мая тот находился в другом месте и, собрав 250 конных и 200 пеших солдат, выдвинулся в направлении Амраоти. Эту информацию Браун поставил под сомнение⁴. В тот же день командующий 1-м батальоном нагпурских субсидиарных войск подполковник Дж. Макморин, находившийся в крепости Чоурагхар, доносил Дженкинсу, что, по сведениям, доставленным доверенным лицом одного гондского вождя, около горного местечка Батхаргхар, в 32 милях к юго-западу от Чоурагхара, видели двух сипаев. Предположительно Аппа-сахиб вечером 15 мая соединился с Чайн-шахом. Тут же Макморин высказывал сомнение в достоверности сведений, полагая, что для преодоления такого расстояния времени было недостаточ-

¹ Letter XLI-163 dated 15.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Dhooma [7, с. 10].

² Letter XLI-162 dated 15.05.1818, James Watson to Jenkins from Camp Keerpanee [7, с. 9–10].

³ Letter 4-1818 dated 16.05.1818, R. Jenkins to Sparkes from Nagpore [7, с. 11].

⁴ Letter XLI-167 dated 17.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Dhooma [7, с. 12].

но. Тем не менее он выслал несколько конных отрядов во главе с майором Ричардсом в направлении Батхаргхара. Кроме того, он выразил мнение, что, скорее всего, раджа будет двигаться дальше на запад, к Баджи-раву¹.

Наконец, вечером Браун получил вполне достоверные сведения о том, что Аппа-сахиба видели в 8 часов утра 14 мая вместе с группой в 200–300 человек в 6 *косах* от Батхаргхара, из чего следовало, что он миновал Харрай, пройдя в трех *косах* западнее от него. Туда же за четыре дня до этого прибыл Чайн-шах с 500 людьми. Браун сообщал, что Батхаргхар является труднодоступной крепостью, расположенной на самой вершине высокого холма. За два *коса* до нее начинались непролазные джунгли, через которые можно было двигаться только по одному².

18 мая

Майор Ричардс уже к 7 часам утра был в районе Батхаргхара, однако лишь с половиной своего отряда, поскольку остальные его спутники не смогли преодолеть крайне плохие (*extreme badness*) дороги. В 4 милях от крепости он вынужден был остановиться, так как люди с трудом могли ступить даже шаг. Поэтому он выслал вперед *харакара*³, которые вернулись с сообщением о том, что про Аппа-сахиба никто ничего не слышал, зато подтвердилось присутствие в этом районе Чайн-шаха. Чуть позже крестьянин из близлежащей деревни вполне достоверно описал Ричардсу уже самого Аппа-сахиба. Ричардс докладывал: «Мы идем по горячим следам Аппа-сахиба» и далее: «Если мне донесут, что Аппа-сахиб вместе с Чайн-шахом, я буду преследовать их до тех пор, пока ресурсы моего отряда не истощатся. Боюсь, что мы уже на пределе, но близость раджи не позволяет нам думать о таких мелочах»⁴. Ситуация, как упоминалось разными участниками собы-

¹ Letter XLI-169 dated 17.05.1818, G. Macmorine to R. Jenkins from Kullumpore [7, с. 15].

² Letter XLI-172 dated 18.05.1818, E. Cave Browne to R. Jenkins from Chuparah [7, с. 16–17].

³ *Харкара* – почтальон-соглядатай, курьер, посыльный.

⁴ Letter XLI-177 dated 19.05.1818, A. Richards to Aubert from Batkagarh [7, с. 19–20].

тий, усугублялась неблагоприятными климатическими условиями: нарастающей жарой и стремительно приближающимся сезоном дождей.

В тот же день капитан Дансмур отправил всадников из Чаппары в район крепости Харрай для объявления награды в 1 *лакх*¹ рупий за поимку Аппа-сахиба², на положительный эффект от которой очень рассчитывал Ричардс.

19 мая

Ричардс докладывал Макморину, что до сих пор не получил никаких новых донесений об Аппа-сахибе и продолжал стоять лагерем в горах в ожидании возвращения *харакара*³.

Майор Макферсон писал Дженкинсу из крупного населенного пункта Хошингабада, расположенного на западе региона, севернее Бетула, что предпринял меры предосторожности на своем направлении, оповестил гондских вождей об объявленном вознаграждении, а также проинформировал о нахождении *пешвы* в Ас-сиргхаре⁴.

21 мая

Макморин докладывал Дженкинсу:

«Имею честь сообщить вам, что майор Ричардс вернулся в лагерь вчера вечером, к сожалению, так и не завершив миссию по поимке Аппа-сахиба. Имеющиеся к настоящему моменту сведения не дают никакой ясности относительно настоящего местонахождения раджи. Однако информация, предоставленная Ричардсом, соответствует добытой моими собственными харкара, и не оставляет сомнений, что раджа проследовал на запад с целью воссоединиться с Баджи-равом. Полагаю, что даже если бы Ричардс остался

¹ *Лакх* – 100 тыс.

² Letter XLI–17 dated 18.05.1818, A. Conway Dunsmure to R. Jenkins from Chupparah [7, с. 17–18].

³ Letter XLI–182 dated 19.05.1818, A. Richards to Aubert from Camp in the Hills [7, с. 27].

⁴ Letter XLI–175 dated 19.05.1818, McPherson to R. Jenkins from Hussan-gabad [7, с. 18].

в горах, ландшафт местности, создающий множество препятствий, и надвигающийся сезон дождей не позволили бы рассчитывать на успех предприятия.

Я спешу заверить вас, что использовал все, что в моей власти, для выслеживания беглеца, но из донесений, полученных уже после похода Ричардса, следует, что действия были запоздалыми, и я сильно опасаюсь, что у Аппа-сахиба есть большие шансы добраться до Баджи-рава, если только капитану Спеерсу... не повезет перехватить его...»¹

Как видно из писем, поиски осложнялись недостаточно хорошим знанием местности британцами, чья пространственная дезориентированность то и дело обнаруживалась в переписке. Хотя к 1818 г. Центральная Индия уже не являлась для них *terra incognita*, тем не менее на всем субконтиненте это был один из наименее разведанных регионов, а существовавшие карты, составленные преимущественно на основе информации, добытой в разные годы британскими политическими миссиями, грешили грубыми ошибками. Первая достаточно подробная карта Центральной Индии появилась только в 1821 г., что стало результатом собранных за время III англо-маратхской войны сведений².

Начавшиеся в конце мая дожди заставили англичан приостановить преследование Аппа-сихиба и лишь контролировать подступы к Махадео. Однако Макморин писал в донесении Дженкинсу, что «в любое время года проникновение в столь дикую местность, сформированную скалистыми горами, покрытыми лесами и джунглями, без намека на ровные плато, непригодную для жизни человека, является крайне трудной задачей»³. На соединение с Баджи-равом Аппа-сахиб так и не вышел, оставшись запертым в горах. Не дождавшись подмоги ни от одного из маратхских князей, *пешва* сдался британцам 3 июня 1818 г., что стало финалом войны. Взамен Баджи-рав сберег личное состояние, стал пожизненным пенсионером Ост-Индской компании, получил разреше-

¹ Letter XLI-182 dated 21.05.1818, G. Macmorine to R. Jenkins from Kullum-pore [7, с. 26].

² См. подробнее о картографии Центральной Индии в 1800–1830-е годы: [1, с. 95–96; 2; 10, с. 86, 282].

³ Letter XLI-194 dated 25.05.1818, G. Macmorine to R. Jenkins from Kullum-pore [7, с. 32].

ние на проживание с семьей и свитой в Битхуре, близ Канпура и, хотя и лишился титула *пейвы*, сохранил право называться махараджей. По отношению же к Аппа-сахибу британцы вынужденно перешли к методам косвенного воздействия.

Детронизация

Побег мятежного раджи во время военного противостояния с маратхами стал для англичан серьезным политическим провалом. В письме Дженкинсу от 18 июня 1818 г. Джон Адам, секретарь генерал-губернатора Индии маркиза Хейстингса (1813–1823)¹, от имени последнего сетовал, что крайне досадный инцидент с Аппа-сахибом может посеять смуту в умах населения. Это подтверждается свидетельством участника событий майора Генри Бевана, который в конце мая после взятия крепости Чанды прибыл в Нагпур:

«Я нашел умонастроения жителей очень беспокойными из-за недавних перемен в управлении,... а всю страну в крайне неудовлетворительном состоянии. Много сторонников Аппа-сахиба отказались подчиниться новому порядку и закрыли ворота своих фортов, сопротивляясь нам. Майор Уилсон и капитан Гордон с двумя отрядами были отправлены на покорение упрямых правителей... Капитан Гордон во главе 800 кавалеристов и 600 пехотинцев атаковал хорошо укрепленную Компту с гарнизоном из 2000 человек. Амбигхар, горная крепость, окруженная каменными стенами, была взята майором Уилсоном без людских потерь, затем он подчинил большой город Пауни, понеся легкие потери. Два месяца непрерывных усилий были потрачены на восстановление спокойствия в Бераре...» [6, с. 24–25].

Понимая, что пока Аппа-сахиб на свободе, он будет являться центром притяжения маратхских и гондских оппозиционных сил, британцы сочли за лучшее лишить его княжеского статуса. В том же письме Адама предлагалось объявить о низложении раджи и провозглашении нового правителя. Вынужденные пойти на такой шаг из-за открытого неподчинения Аппа-сахиба условиям мирного договора англичане для оправдания своих действий прибегли к

¹ Джон Адам занимал пост генерал-губернатора Бенгалии с января по август 1823 г.

открытой дискредитации неблагонадежного правителя. В соответствующей прокламации должно было быть указано, что лишение власти стало «результатом постоянной и закоренелой враждебности, вероломства и неблагодарности»¹ раджи. Адам акцентировал внимание на «бесчестье, в которое подверг себя Аппа-сахиб благодаря своей трусости и распутству, что сделало его имя несовместимым с той влиятельностью, которая часто ассоциируется с княжеским титулом даже в таком, как у него, ущемленном положении». Он наставлял Дженкинса, что если «Аппа-сахиб по-прежнему будет ускользать от британских попыток арестовать его, то он должен быть низведен до положения простого разбойника»².

Ни у убитого Парсоджи, ни у Аппа-сахиба детей не было, поэтому жена³ Парсоджи усыновила десятилетнего сына его сестры. 26 июня 1818 г. внук предыдущего правителя Рагхуджи II был возведен на престол под именем Рагхуджи III. Регентом при нем была назначена его бабушка Бакабаи. В последующие недели и месяцы британцы стремились всячески утверждать королевский статус Рагхуджи III и демонстрировать свою поддержку новому правителю, солидарность и единодушие с ним, используя для этого различные поводы. Одним из них стал ежегодный праздник *дасе (х) ра*⁴ в честь богини Дурги, покровительницы воинских каст и правящих кланов, широко отмечавшийся во всей Индии, в том числе в Нагпуре в первой половине осени по завершении сезона дождей. Майор Беван писал в воспоминаниях:

«Британские власти с целью расположить к себе маратхов согласились в честь праздника устроить смотр войск. Такая уступка была тем более необходима, что сильные симпатии подданных к Аппа-сахибу зиждились главным образом на той роскоши, с ко-

¹ Letter XLI-210 dated 18.06.1818, J. Adam to R. Jenkins from Goruckpore [7, с. 36].

² Ibid.

³ У Парсоджи было несколько жен. Первая жена после смерти мужа вошла на его погребальный костер и совершила обряд *сапи*.

⁴ *Дасе (х) ра* (санскр. «десять ночей») – в индуизме календарный праздник в светлую половину месяца *ашвин* (сентябрь–октябрь), является завершением другого праздника – *навратра* («девять ночей») – в честь богини Дурги, которая на 10-й день убивает демона Махисасуру; отмечается также как победа Рамы над Раваной, одержанная им после поклонения Дурге.

торой он имел обыкновение отмечать это национальное событие, потворствовавшие династической гордости и религиозным пред-
рассудкам. Днем все войска, входившие в состав субсидиарных
сил, вышли на парад на широкую равнину около городских стен.
Они выстроились в линию, с каждой стороны которой стояли ору-
дия. Приближение раджи было ознаменовано залпами. Юный
раджа восседал на богато убранном королевском слоне, покрытом
малиновой с вышивкой попоной и прекрасным хауда¹. Его сопро-
вождали главные чиновники двора и господин Дженкинс, резидент,
со своей свитой. Все они представляли эффектную кавалькаду, вос-
седающую на слонах. Двигаясь вдоль шеренги, они произвели
смотр, заняли центральное место перед ней и, спешившись, со-
вершили несколько церемоний. Когда раджа выпустил сойку...
войска начали стрелять из ружей, пушки произвели общий залп,
все это сопровождалось громкими возгласами одобрения толпы,
барабанной дробью и разнообразной музыкой в честь праздника...»
[6, с. 36–37].

Уже 27 июня в районах, где предположительно укрывался
Аппа-сахиб, была распространена прокламация за подписью ново-
го раджи об изменении условий вознаграждения: теперь оно пола-
галось за поимку беглеца живым и невредимым. Более того, бри-
танцы были готовы в случае добровольной сдачи вернуть ему
прежнее расположение и уважение и предоставить те же условия,
что и другим побежденным правителям, например, Баджи-раву –
перевести на положение пенсионера Ост-Индской компании. 7 ав-
густа 1818 г. Джон Адам от имени генерал-губернатора Бенгалии в
письме военному и политическому агенту Ост-Индской компании
в Центральной Индии Джону Малколму² выражал удовлетворение
новостями о том, что Аппа-сахиб через своего агента Лаллу Сео
Парсада вышел на связь с ним, так как «для поддержания и мирно-
го учреждения нового правительства в Нагпуре следовало скло-
нить Аппа-сахиба сдаться в руки британского правительства».

¹ Хауда (x) – сиденье в виде беседки на спине слона.

² Джон Малколм (1769–1833) – дипломат, крупный военный и граждан-
ский чиновник на службе Ост-Индской компании, участник IV англо-майсурской
войны, II и III англо-маратхских войн. В 1818–1822 гг. занимал пост военного и
политического агента в Центральной Индии. В 1827–1830 гг. – губернатор Бом-
бея.

«Чтобы обеспечить его покорность, – продолжал Адам, – генерал-губернатор без колебания готов пообещать ему определенную личную свободу и достойное обеспечение его будущего вместе с семьей на британской территории, выбранной для проживания в согласии с желаниями Аппа-сахиба и с учетом общественных интересов»¹. Размер обеспечения зависел от состава семьи, но не должен был превышать 1 *лакха* в год. Самому Аппа-сахибу Малколм направил письмо следующего содержания:

«Мой друг Аппа-сахиб,

Лалла Сео Парсад сделал заявление, которое я полностью выслушал. Он говорит, что Вы желаете прийти на встречу со мной, сделайте это как можно скорее, для вас это будет хорошо, вы не будете посажены в тюрьму или заключены в крепость. Генерал-губернатор определит хорошее место для вашего проживания, где к вам присоединится вся ваша семья, если вы явитесь в ближайшее время, все это будет вам предоставлено, если промедлите, последствия будут неблагоприятными. Вам и всей Индии известно, что мои слова не расходятся с делами, можете быть уверены в искренности этого письма и поторопитесь в мой лагерь»².

Отрядам, сторожившим подступы к горам Махадео, были высланы распоряжения об уважительном обращении с раджей на случай, если он решится на добровольную сдачу. К этому моменту британцы уже точно знали, что Аппа-сахиб обосновался в местечке Пачмари в центре гор Махадео, к западу от Харрая, куда и было отправлено письмо Малколма. Еще раз установить с экс-раджей хоть какую-то связь попытались в сентябре 1818 г., когда еще один его агент явился к майору О'Брайену, командующему войсками в Джабалпуре. Он заявил о желании Аппа-сахиба вернуть себе трон, согласившись на ряд ограничений. Агент добавил, что, если такие условия не будут приняты, то беглец готов биться до смерти. О'Брайен в свою очередь сообщил, что сделка возможна только на

¹ Letter XLI–275 dated 07.08.1818, J. Adam to John Malcolm from Fort William [7, с. 56].

² Translation of a letter from Brigadier-General Sir John Malcolm to Appah Sahib ex-Rajah of Nagpor, dated 28th July 1818 // Enclosure to Letter XLI–282 dated 09.08.1818, J.W. Adams to R. Jenkins from Hoshangabad [7, с. 58].

условиях, выдвинутых английской стороной ранее, и добавил, что правительству и генерал-губернатору можно доверять¹.

На осадном положении

Тем не менее все эти переговоры не получили развития. Не согласившись на предложение англичан, Аппа-сахиб предпринимал шаги в других направлениях. В августе Дженкинс сообщал центральным властям в Калькутте о раскрытии заговора в Нагпуре в пользу беглого правителя, об аресте пяти человек и высылке их в Аллахабад². Кроме того, бывший раджа активно собирал вокруг себя силы. Начиная с июля 1818 г. переписка между британскими должностными лицами пестрит сообщениями о гондских племенах, обитавших в горах и оказывавших поддержку Аппа-сахибу в том числе своими войсками, а также о многочисленных отрядах арабов и сикхов, пытавшихся проникнуть в горы извне. С одним из таких отрядов 20 августа недалеко от Бетула произошло столкновение людей капитана Спаркса, которое было подробно описано в одном из писем:

«Капитан Спаркс со своим отрядом в составе одного субедара³, одного джамадара⁴, четырех хавилдаров⁵, четырех наиков⁶ и 99 сипаев совершили днем 19 июля марш-бросок и к вечеру прибыли в маленькую деревню Бхарви, где остановились на ночевку. Утром он переправился через реку Тапти и, не пройдя и полутора косов, столкнулся со 150 всадниками. Увидев их, он немедленно

¹ Letter LXXXIII–4 dated 14.09.1818, D. O'Brien to R. Jenkins from Chuparah [7, с. 72].

² Letter XLI–287 dated 14.08.1818, J. Adam to R. Jenkins from Fort William [7, с. 60–61].

³ *Субедар* – здесь: командир сипайского подразделения из местного населения.

⁴ *Джамадар* – второй по рангу после *субедара* офицер из местного населения в сипайских подразделениях британской армии в Индии.

⁵ *Хавилдар* – военнослужащий из представителей местного населения, исполняющий офицерские функции уровня сержанта без производства в офицеры, форменное отличие – одинарный шеврон.

⁶ *Наик* – военнослужащий из представителей местного населения, исполняющий офицерские функции уровня капрала без производства в офицеры, форменное отличие – двойной шеврон.

выслал вперед хавилдара, наика и 12 человек, чтобы они атаковали всадников, а сам тем временем начал строить свой отряд.

Группа хавилдара сделала несколько выстрелов, и всадники немедленно ретировались. Когда основной отряд продвинулся вперед, Спаркс увидел, что в атаку на него идут 2000 всадников и 1500 арабов. Спаркс немедленно укрылся в ущелье поблизости и в течение часа отчаянно защищался, убив какое-то число врагов и не потеряв ни одного солдата. Поняв, что противник близко и пытается взять их в окружение, капитан Спаркс приказал своим людям занять небольшую высоту близ ущелья, что они с успехом и сделали. Но капитан Спаркс был в этот момент легко ранен. Они образовали на вершине каре, когда с обеих сторон начался жестокий обстрел, который продолжался два часа. За это время арабы трижды переходили в атаку, но всякий раз с потерей людей бывали отброшены назад. Однако к этому моменту и отряд Спаркса понес существенные потери в лице одного джамадара и 41 человека. Видя это, враг в четвертый раз пошел в наступление и вновь был обращен в бегство. Сипаи начали преследовать их в попытке перебраться на другой холм справа, где оборонительная позиция была сильнее. Именно в этот момент капитан Спаркс получил смертельное ранение, субедар был также ранен, несколько сипаев убиты. В критической ситуации вражеская конница и пехота замкнули окружение, субедар, хотя и был не в силах удерживать заряженный мушкет, убил одного всадника, вонзил штык в другого, и, схватив его меч, еще некоторое время защищался. Наконец, он получил удар, оказавшийся смертельным. Сипаи защищались с величайшей отвагой, однако настолько численно уступали врагу, а также израсходовали все боеприпасы, что были убиты или ранены. Десять раненых были доставлены в лагерь. Ещё до начала битвы два наика и семь сипаев остались присматривать за вещами, они также были атакованы небольшим отрядом, но отбились и смогли вернуться в Бетул»¹.

Заточенный в горах Аппа-сахиб со своими людьми пребывал в сложном положении. В июле ежедневные отчеты из Сеони, Чаппары, Аддагонга свидетельствовали, что с каждым днем силы экс-

¹ Letter dated 24.07.1818, J. Wardlaw to Scott from Betul // Enclosure to Letter XLI-244 dated 27.07.1818, J.W. Adams to R. Jenkins from Hussingabad [7, c. 51].

раджи увеличивались. По свидетельству Ахмада Али, конюха Чайн-шаха, рекомендовавшего его радже как благонадежного человека, тот неоднократно посылал его в Бхопал с ценностями с целью найма солдат. За пять поездок Ахмаду удалось привести в горы не менее 500 человек¹. Всего же летом 1818 г. у Аппа-сахиба собралось около 8 тыс. человек, которые занимались грабежом во всех районах, примыкавших к южной части гор. Деревни близ Чиндвары, Чоури, Сеони были разорены².

Однако уже зимой англичане из различных донесений узнали о массовом дезертирстве из лагеря Аппа-сахиба и значительном уменьшении у него людских ресурсов³. В январе–феврале 1819 г. им удалось перехватить нескольких беглецов, которые провели в лагере в горах по несколько месяцев. Один из них сообщил, что за 20 дней до побега в распоряжении Аппа-сахиба было около 2000 арабов, индусов и мусульман и рассеянное по горам отдельное войско гондов той же численности. Последние требовали платы от экс-раджи, который в отсутствие денег был вынужден обратиться за помощью к гондским правителям Мохан-сингу и Моти-баи, предоставившим зерно и добившимся согласия солдат сражаться на стороне бывшего нагпурского правителя в обмен на один *сир*⁴ муки в день на человека. По свидетельству информатора, движение повозок, нагруженных зерном, шло на протяжении всех трех месяцев его пребывания там. Правда, затем зерна перестало хватать, и оно продавалось по пять *анн*⁵ за *сир*. Однако Аппа-сахиб постоянно поддерживал в людях надежду обещаниями скорого получения драгоценностей из Нагпура⁶.

¹ Heads of Intelligence obtained from Saik Ahmad Alli lately in the service of Appah Saheb dated 14.02.1819 // Enclosure to Letter XXXIX–41 dated 14.01.1819, J.W. Adams to R. Jenkins from Puggara [7, с. 107].

² Letter XLI–242 dated 24.07.1818, D. O'Brien to R. Jenkins from Jubblepoor [7, с. 50].

³ Letter XLI–370 dated 07.12.1818, Robt. Becher to Cruckshank form Hussigabad [7, с. 81].

⁴ *Сир* – мера веса, около 0,9 кг.

⁵ *Анна* – разменная монета, равная 1/16 рупии; выпускалась с XVIII до середины XX в.

⁶ Letter XXXIX–16 dated 18.01.1819, H.S. Scott to R. Jenkins from Multai [7, с. 89–90].

Другой беглец подтвердил информацию относительно численности войск у Аппа-сахиба. Он сообщил, что летом она была вдвое больше, но во время дождей¹ умерло очень много примкнувших к заговорщикам людей, а оставшиеся в живых арабские и индусские солдаты в течение последних двух месяцев испытывают острую нужду в пище и деньгах. Гондские же раджи, находящиеся при Аппа-сахибе, продают им муку по 10 пайс за *сир*. Они находятся в таком плачевном состоянии, что, если не вступят в схватку с британцами в скором времени, то покинут лагерь². Те, кто не дезертировал, были «возбуждены и плохо управляемы»³. Информаторы также рассказали, что все спуски с гор блокированы частокколами из срубленных деревьев, повсюду выставлены часовые, никто не может попасть в лагерь, расположившийся на вершине горы без пропуска, а по тропам можно двигаться только по одному⁴. Еще один беглец докладывал, что не более половины воинов Аппа-сахиба вооружены и одеты⁵.

Надежды же самого экс-раджи на получение денег были призрачными. Еще в мае 1818 г. во время взятия крепости британцами Чанды были обнаружены закопанные внутри крепостных стен сокровища на сумму 17 тыс. лакхов, которые впоследствии были экспроприированы в пользу нагпурского правительства [6, с. 14]. А в декабре к генерал-губернатору Бенгалии обратился Тима Рао Каллиах, банкир из Бенареса, которому еще до побега из Нагпура Аппа-сахиб тайно переправил на хранение драгоценности. Банкир желал знать, как поступить с ними, а также вернуть одолженные ранее нагпурскому правительству деньги. Было при-

¹ Как писал в одном из писем капитан Г. Скотт, это был самый сильный муссон из тех, что ему доводилось видеть: Letter XLI-370 dated 19.11.1818, H.S. Scott to R. Jenkins from Nagpore [7, с. 80].

² Letter XXXIX-18 dated 20.01.1819, H.S. Scott to R. Jenkins from Multai [7, с. 91].

³ Heads of Intelligence obtained from Saik Ahmad Alli lately in the service of Appah Saheb dated 14.02.1819 // Enclosure to Letter XXXIX-41 dated 14.01.1819, J.W. Adams to R. Jenkins from Puggara [7, с. 107].

⁴ Letter XXXIX-18 dated 20.01.1819, H.S. Scott to R. Jenkins from Multai [7, с. 91].

⁵ Ibid. [7, с. 92].

нято решение о погашении долга банкиру и возвращении оставшихся средств в нагпурскую казну¹.

Второй побег

В конце осени 1818 г. британцы начали разрабатывать план захвата Аппа-сахиба. Капитан Г.С. Скотт 19 ноября написал подробное письмо Дженкинсу с предложениями о перегруппировке сил с учетом предстоящей операции². Получив в январе 1819 г. сведения о том, что Аппа-сахиб, имея в своем распоряжении отличного скакуна и предоставленные одним из гондских раджей деньги, готовится к побегу в одиночку и переодевшись, они перешли к активным действиям. На южной границе гор они расположили войска в Пандуре, Келоде и Рамтеке и наладили почтовую связь между ними, чтобы не пропустить экс-раджа на юг³. Кроме того, они расставили аванпосты в некоторых деревнях, а также организовали патрулирование населенных пунктов малыми кавалерийскими отрядами для сбора информации и пресечения побега⁴.

Аппа-сахиба британцы решили захватить врасплох, подослав к нему небольшую группу визитеров. К этому моменту из донесений британцам было известно, что непосредственно рядом с ним, на вершине холма, где располагалась его палатка, нет войска, а лишь несколько приближенных, включая двух гондских раджей. Провести предварительную рекогносцировку местности вызвался командир британского лагеря в Ассиргархе лейтенант Крукшэнк, который писал в январе 1819 г.: «Я могу без труда переодеться так, чтобы не быть узнанным местными жителями... Важно выведать расположение часовых, охраны, оценить количество людей, которое понадобится для операции, понять, сможет ли кавалерия прой-

¹ Letter XV–113 dated 29.12.1818, W.A. Brooke to R. Jenkins from Benares [7, c. 82–83].

² Letter XLI–370 dated 19.11.1818, H.S. Scott to R. Jenkins from Nagpore [7, c. 80].

³ Letter XXXIX–7 dated 10.01.1819, H. White to Munt from Sawnaire. P. 84–85; Letter XXXIX–7 dated 12.01.1819, A. Coch to H.S. Scott from Mooltye [7, c. 85].

⁴ Letter XXXIX–7 dated 13.01.1819, H. White to Munt from Pandoorna [7, c. 86].

ти по дороге»¹. Однако высшее начальство в лице полковника Адамса, хотя и похвалило лейтенанта за рвение, но не согласилось на такую опасную авантюру, повелев отправить на разведку кого-нибудь из индийцев². Тем временем с помощью своих шпионов Чайту Джамадара и его сына Гонди британцам удалось вступить в контакт с одним из гондских раджей – Раджаджи, который согласился за вознаграждение и обещание сохранить за ним все его владения отправиться в сопровождении Чайту в лагерь к Аппа-сахибу и попытаться арестовать его³. Одновременно с ними в горы должны были выступить три колонны английских войск⁴. Предварительно операция была назначена на 10 февраля 1819 г.⁵

Однако Аппа-сахиб, получая донесения об активизации англичан, испытывая нужду в средствах и имея в распоряжении численно уменьшившееся, но все еще голодное и недовольное войско, стал действовать раньше. 1 февраля в горах начались активное движение и столкновения (*massacre*)⁶. От информаторов стали поступать противоречивые сообщения, что экс-раджа якобы бежал с гор.

Несколькими днями позже произошедшие события сложились в относительно ясную картину. Командующий Нагпурскими субсидиарными войсками Дж.У. Адамс писал 5 февраля, что «с огромным разочарованием узнал о том, что экс-раджа под предлогом инспектирования войск и подъема у них боевого духа спустился из Пачмарри в Пугтару, откуда бежал ночью 1 февраля... в направлении крепости Ассиргарх, располагавшейся к юго-западу от Пачмарри. Его арабские и индусские сподвижники, как только

¹ Letter XXXIX–9 dated 10.01.1819, Crucikshank to Robt. Becher from Asseer [7, с. 88].

² Letter XXXIX–9 dated 14.01.1819, Robt. Becher to Crucikshank from Babye [7, с. 88–89].

³ Substance of Information brought from Puchmarry, Robt. Becher to Cruickshank // Enclosure to Letter XXXIX–20 dated 22.01.1819, J.W. Adams to R. Jenkins from Babye [7, с. 93–94].

⁴ Letter 601 dated 25.01.1819, Robt. Becher to Cruickshank from Babye // Enclosure to Letter XXXIX–24 dated 31.01.1819, J.W. Adams to R. Jenkins from Babye [7, с. 96].

⁵ Letter dated 05.02.1819, J.W. Adams to J. Malcolm from Babye [7, с. 104].

⁶ Letter dated 03.02.1819, Cruickshank to H.S. Scott from Asseer // Enclosure to Letter XXXIX–30 dated 05.02.1819, H.S. Scott to R. Jenkins from Aumlal [7, с. 101].

узнали об исчезновении Аппа-сахиба, немедленно захватили Раджаджи и его сына и отправились вслед за раджой»¹. Дженкинс несколькими днями позже дополнил картину произошедшего сведениями о том, что, покинув Пуггару, экс-раджа с двумя вождями и 50 всадниками миновали местечко Бурдах и отправились дальше в Сомлигарх, где вечером 6 февраля столкнулись с отрядом полковника Поллока. Под покровом ночи беглецу удалось спрятаться и укрыться в форте Ассиргарх. Полковник занял позицию недалеко от крепости в ожидании подкрепления со стороны генерала Доувтона².

Эти же события глазами свидетеля, в те дни находившегося в лагере, выглядела так:

«Аппа-сахиб спустился из Пачмарри в деревню Пуггара, где располагалась большая часть его последователей, под предлогом усмирения их недовольства и ропота и оставался там в течение четырех дней. Говорят, что там он раскрыл свои намерения и, обещав подарки и вознаграждение, заручился поддержкой и помощью Даги, Читу, Джанак-шаха и восьми сипайских дезертиров для совершения побега. Арабский предводитель отобрал 20 арабов для сопровождения. Вместе с ними, Читу и 50 пиндари³ экс-раджа бежал. Как только появились первые слухи о его исчезновении, в рядах его подвижников начался мятеж, который вскоре был усмирен оставшимися вождями, которые заверили их, что раджа отправился в крепость Ассиргарх встретиться с килладаром Джесвантом Рао Саиром и раздобыть денег. Армия же должна была отправиться вслед за ним на следующий день. Эти вожди немедленно пленили Раджаджи и сына Моти-баи, которые оказались в тот момент в лагере, изъяли у них все вещи и последовали вместе с ними за Аппа-сахибом»⁴.

¹ Express dated 05.02.1819, J.W. Adams to J. Malcolm from Babye [7, с. 104].

² Circular dated 11.02.1819, R. Jenkins to C.A. Molony from Nagpore [7, с. 104–105].

³ Пиндари – банды профессиональных грабителей во главе с мелкими феодалами, орудовавшие в Центральной Индии в конце XVII – первой трети XIX в.

⁴ Heads of Intelligence obtained from Saik Ahmad Alli lately in the service of Appah Saheb dated 14.02.1819 // Enclosure to Letter XXXIX–41 dated 14.01.1819, J.W. Adams to R. Jenkins from Puggara [7, с. 107].

В эти же дни произошли и столкновения между английскими войсками и спускавшимися с гор остатками сил Аппа-сахиба. Дженкинс докладывал об операции в горах по взятию крепостей, о поражении Чайн-шаха и полном усмирении региона¹. Килладару же Ассиргарха, где укрылся Аппа-сахиб, британцы отправляли ультиматумы с требованием отказаться от помощи врагу, добровольно сдаться и избежать штурма².

На этом события 1818–1819 гг., связанные с Аппа-сахибом, обрываются. Как ему удалось покинуть крепость и Нагпурский регион, нам, к сожалению, неизвестно. В следующий раз его имя всплыло в британской переписке в 1824 г. Находясь на территории Панджаба в Лахоре, в землях сикхской державы Ранджита Сингха, он установил тайные связи с Нагпуром, откуда получал драгоценности с целью собрать на эти средства армию и организовать антибританский поход. Он также заручился поддержкой Ранджита Сингха, который принял его как сына и предоставил в его распоряжение войско в 30 тыс. человек³. Неизвестно, что нарушило эти планы, но в 1829 г. Аппа-сахиб собирал войско уже в Раджастанхоне, в окрестностях Биканера⁴.

Наконец, в 1840 г. английский агент в Раджпутане Дж. Сазерленд сообщил о смерти Аппа-сахиба 15 июля в Джодхпуре. Незадолго до нее Сазерленд общался с бывшим раджой и предлагал ему обсудить условия, при которых он получил бы «защиту английского правительства, а также возможность провести остаток жизни в комфорте, мире и достатке». Но тот ответил, что «пред-

¹ Letter dated 26.02.1819, T. Wardlaw to White from Baitool. P. 108; Circular dated 04.03.1819, R. Jenkins to C.A. Molony from Nagpur [7, c. 108–109].

² Translation of a Proclamation Issued by Brigadier General Sir John Malcolm K.C.B. and K.L.S. // Enclosure to Letter XXXIX–58 dated 10.03.1819, Adams to Jenkins from Simreah [7, c. 111–113].

³ Letter dated 16.07.1824, W. Dickson to Nicol from Lahargong // Enclosure to Letter 124 dated 04.08.1824, W.L. Watson to the Secretary to Government from Fort William [7, c. 116–118].

⁴ Letter dated 19.03.1829, R. Cavendish to J.F. Colebrooke // Enclosure to Letter XLV–122 dated 16.05.1829, J.F. Colebrooke to G. Swinton from Dehlee [7, c. 118–120].

почтет жить и умереть как попрошайка, нежели примет условия, предполагающие его отказ от права на трон»¹.

Конец романтической эпохи

Дж.У. Мелдрам, заместитель главы Центральных провинций и Берара², в 1939 г. в предисловии к изданию цитируемых выше писем назвал побег Аппа-сахиба «романтическим эпизодом» из истории Индии. Однако в 1818 г., столкнувшись с нежеланием экс-раджи признать поражение, британские власти воспринимали инцидент в более мрачных тонах и после некоторого смятения пошли на радикальные меры. Ричард Дженкинс писал:

«Бегство Аппа-сахиба и оценка губительных последствий этого поступка для общественного спокойствия, которые не замедлили случиться, привели резидента к твердой уверенности, что для сохранения княжества мы не можем более полагаться на добродетели кого-либо из местных министров. Образование нового правительства на принципах, учитывающих наши интересы и репутацию, а также благополучие малолетнего раджи и его подданных, возможно только при условии, что мы возьмем прямое управление делами в свои руки, по крайней мере, на некоторое время» [9, с. 303].

Английский резидент подробно поведал о расточительности и неумеренности администрации Аппа-сахиба, растратившего деньги на войну, внесшего хаос во все сферы жизни, содержавшего роскошный княжеский двор и огромную и неэффективную армию, удовлетворявшего все прихоти погрязшей в долгах местной знати и, как следствие, породившего хищнические инстинкты и привычки во всех классах населения [9, с. 304–305].

А потому в прокламации о детронизации Аппа-сахиба говорилось, что британцы временно возьмут в свои руки управление Нагпурским княжеством от имени нового раджи и что «английские джентльмены будут назначены во главе различных админи-

¹ Letter 144 dated 18.07.1840, J. Sutherland to T.C. Iarrens from Ajmere [7, с. 132–133].

² Провинция Британской Индии, образованная на месте Нагпурского княжества в 1853 г. после смерти Рагхуджи III, не оставившего наследников. Об этом см.: [3].

стративных департаментов». В ней также содержались призывы к местным жителям продолжать заниматься привычной деятельностью и уверения в том, что любые жалобы на несправедливость будут немедленно рассмотрены и приложены все усилия для достижения благополучия и процветания всех классов населения [9, с. 308]. За основу организации административного управления в Нагпуре была взята система, ранее принятая в Майсуре¹, но с отклонениями в сторону «более прямого и постоянного вмешательства» [9, с. 299] со стороны английских властей. Суммируя причины таких изменений, Дженкинс писал: «Во-первых, мы не могли оказать доверие радже, по крайней мере, в течение некоторого времени, во-вторых, у нас не было государственного деятеля масштаба Пурнии², чтобы сделать его диваном³, в-третьих, обычаи нагпурского правительства были намного хуже, нежели те, что бытовали в Майсуре» [9, с. 299–300].

Оставшиеся за Нагпуром земли были поделены на пять дистриктов. В каждый из них резидент назначил британских магистратов и коллекторов, тем самым введя административное деление и должности, принятые на территориях Ост-Индской компании. В соответствии с колониальной «табелью о рангах», магистрат и коллектор были высшими должностями в дистрикте, занимаемыми, как правило, одним человеком, ответственным за вопросы управления и сбор налогов. У каждого из них был свой штат чиновников из 31 человека, набранных из местных жителей. Также были организованы департаменты *субедара* (глава местности, назначенный раджой), полиции и тюрьмы.

Это была не только самая жесткая схема выстраивания отношений с местными, оставшимися формально независимыми правителями, но и принципиально новая для английской колониальной политики в целом. На рубеже XVIII–XIX вв. британские

¹ Княжество в южной части субконтинента. После четырех англо-майсурских войн, понеся территориальные потери, Майсур сохранился как княжество на условиях подписания субсидиарного договора с Ост-Индской компанией.

² Кришначарья Пурния (1746–1812) – *диван* Майсура, служил при независимых правителях Хайдаре Али, Типу Султане, резиденте Ост-Индской компании.

³ *Диван* – 1) главный министр правителя / князя; 2) в Могольской Индии: налоговый чиновник; 3) аудиенц-зал во дворце правителя.

администраторы по отношению к местным государственным образованиям, с которыми Ост-Индская компания вела войны, придерживались иной линии поведения. Эти люди, прежде чем занять там посты политических агентов / резидентов Компании на тех или иных территориях, в большинстве своем принимали участие во всех этих войнах, по многу лет провели в индийских землях, представляли царившую там обстановку и хорошо знали друг друга. Среди них были М. Элфинстоун, резидент в Нагпуре (1804–1807), а затем губернатор Бомбея (1819–1827), уже упоминавшийся Дж. Малколм, резидент Майсура (1804–1805) и также губернатор Бомбея (1827–1830), Т. Манро, губернатор Мадраса (1820–1825), Г. Дафф, резидент при дворе Сатары (1818–1822), Ч. Меткаф, резидент при дворе *низама* Хайдарабада (1820–1825), соседнего с Нагпуром мусульманского княжества, Дж. Бриггс, резидент при дворе Сатары, глава дистрикта Кхандеш¹, резидент Нагпура (1833–1835) и др. Все они были единомышленниками в том смысле, что из соображений политической безопасности и целесообразности выступали за сохранение индийской «особости» и против радикальных европейских нововведений, внедрения христианской религии, навязывания английского образования и т.д. В 1813 г. Джон Малколм, выступая в парламенте в связи с пересмотром и продлением Хартии Ост-Индской компании, говорил:

«Я полагаю, что залогом политической безопасности британского правительства является сохранение существующих условий и положения местного населения в Индии, конкретно речь идет об их разделении на касты со строго определенными занятиями и обязанностями, уважительным и почтительным отношением к европейцам ввиду очевидного преимущества последних в знаниях не только в области высоких наук, но и ремесел, гораздо более полезных в каждодневной жизни. Хотя передача таких знаний местным жителям сделает их существование несравнимо легче и комфортнее, однако это же сделает их и сильнее как сообщество, поэтому я не думаю, что распространение знаний, которые будут способствовать постепенному стиранию существующих различий между нашими туземными подданными или уменьше-

¹ В 1818 г. именно на этом посту Бриггс отслеживал и пресекал передвижения вооруженных групп, шедших на восток на помощь Аппа-сахибу (Letter XLI-341 dated 14.09.1818, Robt. Becher to Munt from Hussangabad [7, с. 71]).

нию уважения с их стороны к европейцам, послужит укреплению политической власти британского правительства»¹.

Арвинд Дешпанде в работе, посвященной Джону Бриггсу, называет эту плеяду британских деятелей «романтическими либералами», имевшими целью «отстаивать филантропический вариант империализма, как можно дальше отодвигая день, когда империи придет конец» [8, с. 5]. В унисон этим настроениям звучали слова Дж. Адама, обращенные от имени генерал-губернатора Бенгалии Хейстингса к Дженкинсу в уже упоминавшемся выше письме от 18 июня 1818 г.:

«Генерал-губернатор понимает, что для Британского правительства осуществление временного прямого вмешательства во внутреннее управление страной неизбежно, однако, руководствуясь общими соображениями, Его светлость считает такое положение дел крайне нежелательным. Полный развал правительства из-за событий последних восьми месяцев и дефицит честных и способных кадров для заполнения ключевых постов в государстве, кажется, делает выбранный курс единственно возможным. Однако горячее желание и настоятельная просьба генерал-губернатора состоит в том, чтобы вмешательство было максимально ограничено, а восстановление функционирования исполнительных органов власти как конечная цель не терялось из виду»².

Хейстингс не отменил назначение британских чиновников, но настоял на переименовании их из коллекторов и магистратов в «суперинтендантов или агентов, чтобы не создавать у местных жителей впечатление об учреждении английской власти на постоянной основе и внедрении наших институтов» [Sinha, с. 111].

В 1826 г. новому правителю Нагпура Рагхуджи III исполнилось 19 лет. Переход управления из рук британцев к нему был оформлен договором, который долго согласовывался Дженкинсом с калькуттскими властями. В то время как резидент считал эти действия преждевременными, правительство в Бенгалии настаивало на незамедлительной передаче власти. В результате был достигнут некий компромисс: договор, подписанный 1 декабря 1826 г.,

¹ Цит. по: [5, с. 188–189].

² Letter XLI–210 dated 18.06.1818, J. Adam to R. Jenkins from Goruckpore [7, с. 36–37].

передавал под полный контроль раджи только один дистрикт, другие оставались под британским суперинтендантством. Суперинтенданты действовали от имени раджи, но подчинялись приказам резидента¹. Сразу после этого Ричард Дженкинс покинул Нагпур.

Спустя три года, в октябре 1829 г., генерал-губернатор Бенгалии Уильям Бентинк (1828–1835) инициировал пересмотр статей договора с тем, чтобы «поддержать независимость и достоинство раджи» (цит. по: [13, с. 174]), чему следующий резидент Ф.Б.С. Уайлдер (1827–1830) так же, как и Дженкинс, воспротивился. Однако новое соглашение было подписано. По его условиям, оставшиеся дистрикты передавались под управление раджи. В обмен на это он должен был ежегодно выплачивать британскому правительству 8 *лакхов* рупий для поддержания субсидиарных войск. Армия раджи полностью передавалась ему в подчинение и находилась на его содержании. Также ст. 3 договора предусматривала в случае, если «будут иметь место серьезные и систематические нарушения в процессе администрирования, игнорирование советов и замечаний, нарушение общественного спокойствия, угроза стабильности благополучию населения, тогда Его Высочество передаст обязанности по управлению достопочтимой Компании, которая назначит своих чиновников на срок, который сочтет необходимым»². Таким образом, административная система, основанная Дженкинсом, действовала и в правление Рагхуджи III.

После событий 1818 г. Нагпурское княжество хотя и сохраняло независимый статус вплоть до смерти Рагхуджи III в 1853 г., оставалось полностью лояльным английским властям. Г. Рамсей, помощник резидента Нагпура А. Спирса (1844–1847), впоследствии сменивший его на этой должности (1847–1849), делился в 1845 г. в отчете о положении дел в княжестве такими соображениями:

«Ни одна страна так благосклонно не расположена к британскому правительству, как Нагпурское княжество, и это результат управления и контроля господина Дженкинса. Он правил твердой рукой и внушал страх непокорным, всегда защищал слабых и вместе со своими высокочлассными помощниками был открыт жало-

¹ Полный текст договора см.: [4, с. 425–433].

² Полный текст договора см.: [4, с. 434–436]. Также см. письмо А. Стирринга, заместителя секретаря генерал-губернатора Бенгалии Ф. Уайлдеру от 27 ноября 1829 г. [12, с. 256–261].

бам бедняков. Не было никаких откатов в прошлое, никакие новые английские правила не были приняты, суды не были разрушены сложными запутанными процедурами. Итогом этого стало то, что английский характер вызывает восхищение у местных жителей, британская власть признается, а администрирование стало возможно почти без использования армии» [11, с. 30].

«Романтический эпизод» с побегом Аппа-сахиба привел к незапланированным действиям англичан, создал важный прецедент вмешательства колониальных властей во внутренние дела формально независимого княжества, ознаменовал переход к более жестким и авторитарным формам отношений с местными правителями и стал, таким образом, провозвестником конца «романтического периода» британского присутствия в Индии. К моменту передачи Ругхуджи III контроля над его территориями, в Индии уже появилась новая плеяда британских администраторов. После падения Маратхской державы, они, осознавая себя представителями главной политической силы на субконтиненте, уже не считали попечение об индийской «особости» залогом собственной безопасности и стабильности положения, активно насаждали «британскость» во всех сферах государственной деятельности, весьма решительно вытесняли местных правителей с политической сцены, аннексируя их земли или сохраняя лишь видимость их независимости. Такой жесткий курс стал одной из причин кровавых событий поддержанного многими недовольными местными правителями восстания 1857 г., после которого произошел очередной слом парадигмы в отношениях британцев с индийскими княжествами.

Список литературы

1. Сидорова С.Е. Индийский хлопок и британский интерес. Овеществленная политика в колониальную эпоху. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – 352 с.
2. Сидорова С.Е. Колониальная картография Центральной Индии // Социальные и гуманитарные науки. Серия 9: Востоковедение и африканистика: реферативный журнал. – 2019. – № 2. – С. 140–160.
3. Сидорова С.Е. Падение княжеского дома Бхосле: трехчастная драма в письмах // Восток. – 2021. – № 6. – С. 213–224.
4. Aitchison C.U. (compiled by). A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Counties. Vol. 1. – Calcutta: Superintendent Government Printing, 1909. – 586 p.

*Приключения мятежного раджи: побег, погоня, детронизация
(политический кризис в Нагпурском княжестве, 1817–1818)*

5. Basu B.D. History of Education in India under the Rule of East India Company. – Calcutta: The Modern Review Office, 1922. – 211 p.
6. Bevan H. Thirty Years in India: Or, a Soldier's Reminiscences of Native and European Life in the Presidencies from 1808 to 1838: in 2 vols. Vol. 2. – London: Pelham Richardson, 1839. – 367 p.
7. Collection of Correspondence Relating to the Escape and Subsequent Adventures of Appa Sahib Ex-rajah of Nagpur 1818–1840. – Nagpur: Government Printing, C.P. & Berar, 1939. – 133 p.
8. Deshpande A.M. John Briggs in Maharashtra: A Study of District Administration Under Early British Rule. – Delhi: Mittal Publications, 1987. – 238 p.
9. Jenkins R. Report on the Territories of the Rajah of Nagpore; Submitted to the Supreme Government of India. By, Esq., Resident at the Court of His Highness the Rajah of Nagpore. – Calcutta: From the Government Gazette Press, 1827. – 358 p.
10. Phillimore R.H. (collected and complied) Historical Records of Survey of India. Vol. 3. 1815–1830. – Dehra Dun (U.P.): Offices of the Geodetic Branch, Survey of India, 1954. – 534 p.
11. Ramsay G. Report on the Nagpur State Down to 1845 by Captain G. Ramsay, Assistant Resident Written in January 1845. – Nagpur, 1845. – 45 p.
12. Sinha H.N. (ed.). Selections from the Nagpur Residency Records. Vol. 4. 1818–1840. – Nagpur: Government Printing, Madhya Pradesh, 1945. – 592 p.
13. Sinha R.M. Bhonslas of Nagpur. The Last Phase, 1818–1854. – New Delhi: S. Chand and Co., 1967. – 256 p.

МИХЕЛЬ И.В.* ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ В КИТАЕ. РЕЦ. НА КН.: СЮЭФЭЙ ЖЭНЬ. УРБАНИЗАЦИЯ ПО-КИТАЙСКИ. – Санкт-Петербург: Academic Studies Press, 2023. – 268 с.

Аннотация. Книга китайского социолога-урбаниста Сюэфэй Жэнь, впервые вышедшая в свет в 2013 г., посвящена процессам урбанизации в современном Китае. Она анализирует процессы, развернувшиеся в китайском обществе начиная с 1990-х годов и при этом показывает их связь с более ранней историей. Традиционно Китай был аграрной страной, а его города не противостояли сельской округе, как это было в Западной Европе. При Мао Цзэду не города превратились в площадки для промышленных предприятий, но еще не стали центрами потребления услуг и товаров. Переход к политике реформ и открытости привел к изменению ситуации, и на исходе XX в. миллионы сельских жителей хлынули в города. Многое в китайской урбанизации отличает ее от аналогичных процессов на Западе, поэтому для осмысления китайского опыта требуются новые подходы и терминология. В книге Жэнь об урбанизации в Китае большое внимание уделяется проблеме управления городскими пространствами, изменению городских ландшафтов, феномену внутренней миграции, новым формам неравенства и такому новому для Китая явлению, как «культурная экономика».

Ключевые слова: Китай; реформы; экономический рост; урбанизация.

MIKHEL I.V. Specific Features of Urbanization in China. Book Review. Xuefei Ren. Urban China. Sankt-Petersburg: Academic Studies Press, 2023. 268 p. (in Russian)

* Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. This book by Chinese urban sociologist Xuefei Ren, first published in 2013, focuses on the processes of urbanization in contemporary China. She analyzes the processes that have unfolded in Chinese society since the 1990 s, while showing their connection to earlier history. Traditionally, China was an agrarian country, and its cities did not confront rural areas as they did in Western Europe. Under Mao Zedong, cities became sites for industrial enterprises, but not yet centers for the consumption of services and goods. The transition to a policy of reform and opening up changed the situation, and at the end of the twentieth century, millions of rural residents poured into the cities. There are many things about Chinese urbanization that distinguish it from similar processes in the West, so new approaches and terminology are needed to understand the Chinese experience. Ren's book on urbanization in China pays much attention to the problem of urban space management, changing urban landscapes, the phenomenon of internal migration, new forms of inequality, and such a new phenomenon for China as “cultural economy”.

Keywords: China; reforms; economic growth; urbanization.

Для цитирования: Михель И.В. Особенности урбанизации в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 84–91. – Рец. на кн.: Сюэфэй Жэнь. Урбанизация по-китайски. – Санкт-Петербург: Academic Studies Press, 2023. – 268 с. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.05

Сюэфэй Жэнь – китайская исследовательница родом из Харбина, которая занимает должность профессора социологии и урбанистики в Университете штата Мичиган, США. Ее исследование о городском Китае и процессе урбанизации в КНР впервые вышло в свет в 2013 г. [1]. Она автор книг о развитии архитектуры в глобальном мире [2] и управлении городским развитием в Китае и Индии, выполненном с позиций сравнительной урбанистики [3]. Задержавшись с выходом на русский язык на целых десять лет [4], ее книга об урбанизации в Китае продолжает по-прежнему оставаться интересной, особенно в связи со стратегическим разворотом России на Восток и растущим интересом к китайскому опыту управления процессами урбанизации.

В 1949 г. лишь 10% китайцев были горожанами, а в 1978 г., когда в КНР начались рыночные реформы, – около 20%. По со-

стоянию на конец 2019 г. доля городского населения достигла 60,6% [5]. К моменту, когда Сюэфэй Жэнь, завершала свою работу над книгой, в 2010 г., горожане в Китае составляли 50%. Рост городского населения в Поднебесной был беспрецедентным именно в последние три десятилетия. Книга Жэнь – о том, как Китаю удалось провести ускоренную урбанизацию и о том, что «может принести китайским гражданам и миру в целом перспектива урбанизированной Поднебесной» [4, с. 15].

Жэнь напоминает о том, что в науке о процессах урбанизации долгое время судили по тому, как они шли в Лондоне, Нью-Йорке, Чикаго и Детройте, но китайские города во многом росли иначе, сумев избежать «переходного периода – фордизма и постфордизма» [4, с. 18]. В случае Китая исследователи уделяют преимущественное внимание главным китайским мегаполисам, таким как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Чунцин, Шэньчжэнь. Значительно меньше известно о менее крупных городах, при этом в Китае именно такие города – Шэньян, Далянь, Сиань, Куньмин, Ухань и др. – демонстрируют наиболее быстрый рост [4, с. 19]. Поскольку сегодня передовые рубежи урбанизации переместились из западного мира в Китай и другие незападные страны, то, как справедливо указывает сама исследовательница, для изучения этих новых реалий необходимы новые методы и новая терминология [4, с. 20].

Урбанизация в Китае на рубеже XX–XXI вв. тесно переплетена с процессами экономического роста. Причины того и другого связывают как с курсом на неолиберальные экономические реформы, взятым китайским правительством в конце 1970-х годов, так и с умелым использованием социалистического наследия. Верно и то, что Китаю удалось грамотно соединить неолиберальные экономические механизмы с авторитарным централизованным контролем. Первоначальным драйвером экономического роста стало принятое в 1983 г. решение, позволяющее сельским жителям покидать свои деревни и работать на поселково-волостных предприятиях (ПВП) в сопредельных населенных пунктах. Этим решением была отменена система прописки *хукоу*, действовавшая с 1958 г. и серьезно ограничивавшая социальную мобильность [4, с. 29]. В совокупности эти решения – отмена прописки и создание

системы ПВП – заложили основу для китайского экономического чуда и быстрого роста городов.

Экономический рост и миграция изменили баланс между сельским и городским населением. Переписи населения КНР показывают, что с 1981 г. по 2010 г. особенно выросли Шанхай – с 6 млн человек до 15,7 млн, Пекин – с 4,6 млн до 11,1 млн, Гуанчжоу – с 2,3 млн до 9,4 млн. В 1981 г. все еще небольшими городами были Шэньчжэнь и Дунгуань, а в 2010 г. численность их населения достигла соответственно 8,1 млн и 4,8 млн человек [4, с. 36]. Особенно быстрым был рост в трех географических зонах – регионах Пекин, Тяньцзинь и Таншань, дельте Янцзы (Шанхай – Сучжоу – Нанкин – Ханчжоу) и дельте Чжунцзян (Гуанчжоу – Шэньчжэнь – Дунгуань). При этом начиная с 1980 по 2000 г. города с населением свыше миллиона человек демонстрировали рост населения на уровне 4,47% в год, города с населением от 200 тыс. до 500 тыс. – на уровне 5,86% в год, а города с населением до 200 тыс. человек – на уровне 5,31% в год [4, с. 37].

Урбанизация по-китайски имеет свои культурно-исторические особенности. Со времен объединения Китая в 221 г. до н.э. при Цинь Шихуанди и вплоть до 1949 г. в Поднебесной не было того противопоставления городов и деревень, которое имело место в Западной Европе. Китайские города не были автономны и не противостояли сельской округе. Кроме того, в Китае не было одного крупного городского центра, вокруг которого бы формировалось государство, – городов, способных принять на себя роль столицы страны, было много. На протяжении более чем двухтысячелетней истории столица страны неоднократно переезжала с одного места на другое. Китайская империя была конгломератом из восьми регионов, в каждом из которых города играли роль региональных экономических центров.

Традиционная городская система сложилась при Цинах, когда наряду с городами, игравшими роль административных центров, появились города, возникшие на берегах Великого канала, связывавшего Хуанхэ и Янцзы, а также города – договорные порты, возникшие после Нанкинского мира 1842 года и открытые для мировой торговли, и города – железнодорожные узлы. Эта система существовала и во времена Китайской республики (1912–1949), и в первые годы КНР. В 1949 г. коммунистическое правительство КНР

приступило к индустриализации страны, но она проводилась без привязки к урбанизации. Вплоть до смерти Мао Цзэдуна (1976), который не любил больших городов, китайские власти делали акцент на поддержку сельского населения. По примеру СССР китайские власти рассматривали города лишь как площадки для размещения промышленного производства, но не как крупные центры потребления товаров и услуг. Китайские власти всячески сдерживали рост городов. В годы Корейской войны (1950–1953) по стратегическим причинам реализовывался весьма затратный план по переносу промышленности из Северо-Восточного Китая на юго-запад страны, а в годы Культурной революции (1966–1976) миллионы городских жителей были отправлены в сельскую местность «на перевоспитание». До 90% сельского населения было задействовано именно в сельском хозяйстве и не имело возможности трудиться в промышленности, сфере услуг и торговле [4, с. 49].

Процесс современной урбанизации начался лишь в 1980-е годы, причем это был управляемый процесс. Сначала происходила урбанизация сельской местности: в это десятилетие в сельских районах создавались ПВП, управляемые местными партийными функционерами. Такие предприятия специализировались на том или ином виде продукции (электроника, бытовая техника, синтетические ткани, пакеты, сумки, пуговицы и т.д.) и нередко становились крупными производственными центрами общенационального значения. Начиная с 1990 г. началась «урбанизация с упором на города» [4, с. 53]. На Восточном побережье были созданы особые экономические зоны (ОЭЗ), в которые были привлечены крупные иностранные инвестиции (в том числе инвестиции от *хуацяо* – этнических китайцев, живущих за пределами КНР). Последовавший за этим рост городов с ОЭЗ, таких как Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь и др., стал главным драйвером развития китайской экономики после 1990 г., и этот процесс продолжается до настоящего времени.

Особой темой для разговора является вопрос об управлении китайскими городами. В ходе рыночных реформ целый ряд полномочий по управлению городским пространством – освоению земли, строительству жилья и развитию инфраструктуры – перешел к муниципальным администрациям, однако центральные власти некоторые рычаги контроля (нормативные акты, регламенты)

оставили у себя. Так было заложено основание для возникновения конфликтных ситуаций. При этом дело усугубляется тем, что муниципальные органы власти не подотчетны общественности и «принимают решения, в первую очередь исходя из интересов ВВП и желания обеспечить себе карьерный рост» [4, с. 116]. Дополнительный драматизм этой ситуации придает и острая конкуренция между городами, соседствующими между собой, поскольку горизонтальные связи между муниципалитетами в полной мере не развиты. Особенно характерно это для городов дельты Чжунцзян, спорящими между собой из-за земли и иных ресурсов. Сюэфэй Жэнь считает, что в настоящее время города КНР превратились в «машины по производству прибыли для местных властей и частных инвесторов», но им следует стать местом, где «люди смогут жить комфортно и счастливо» [4, с. 117].

Ландшафты китайских городов драматически изменяются. В соответствующем разделе своей книги Жэнь рассматривает примеры Пекина, Шанхая и Шэньчжэня, которые за годы реформ приросли центральными деловыми районами, «художественными пространствами» (кварталами художников с размещенными в них предприятиями культурной и творческой индустрии), «новыми архитектурными иконами» (престижными зданиями, к строительству которых правительство привлекало международных архитекторов), многочисленными *сяоцзюй* (жилыми микрорайонами), университетскими городками, новыми поселками-спутниками, эксклюзивными виллами, производственными зонами и «экогородами», которые в своей совокупности, как правило, дисгармонизируют, с «объектами культурно-исторического наследия» (исторической застройкой и старыми районами), мешающими им стать финансовыми, технологическими и культурными центрами. По мнению автора, два главных аспекта влияют на изменение городских ландшафтов – правительственная политика в отношении городского развития (часто реализуемая вопреки интересам городских жителей) и транснациональные потоки капитала, информации и компетенций специалистов, преобразующие городское пространство самым непредсказуемым образом [4, с. 151].

Важной составляющей процесса урбанизации в Китае является внутренняя миграция. Став на рельсы рыночного развития в 1980-е годы, Китай открыл возможность для сельских жителей

покидать свои родные места и перемещаться по всей стране. Однако всей полноты гражданских прав эта часть населения до сих пор не приобрела. Серьезной проблемой по-прежнему остается покупка коммерческого жилья, которое из-за дороговизны не позволяет вновь прибывшим укорениться в пространстве городской жизни и обрести те же права, что и местные жители. Многие мигранты вынуждены жить в «деревнях в городе» (ДвГ), не имея средств для покупки жилья и изменения своего статуса. «Миллионы мигрантов Китая все еще ущемлены в своих правах и сталкиваются с маргинализацией» [4, с. 183]. Данное положение вынуждает их оставаться дешевой рабочей силой для китайской промышленности. Но эта же ситуация порождает и все более частые движения социального протеста, в ходе которых мигранты борются за свои права и экономические интересы.

Рыночные реформы и рост городов в КНР породили новые формы социального и пространственного неравенства. Финансовые спекуляции в сфере недвижимости и быстрый рост цен на жилье в 1990-е годы привели к появлению целой группы фантастически богатых людей и еще большего числа бедных. Массовый снос дешевых городских кварталов в те же годы вынудил огромные массы обедневшего населения покинуть центральные части городов и переместиться на городскую периферию. Центральное правительство КНР, «стремясь к обеспечению социальной стабильности», приняло постановления, запретившие эту практику. Однако в исторической перспективе она сыграла важную роль в разрушении эгалитарного общества и породила процессы, которые, по словам автора, будут сказываться еще «на протяжении многих поколений» [4, с. 211].

При социализме возможности личного потребления в КНР были ограничены, а индустрия культуры находилась под контролем государства. С началом рыночных преобразований ситуация изменилась. Городские жители получили доступ к товарам и услугам международных компаний, а муниципальные власти стали вкладывать огромные средства в строительство объектов культуры – музеев, оперных театров, стадионов и пр. В 2009 г. в Китае насчитывалось более 3 тыс. музеев, причем большинство из них были построены после 2000 г. [4, с. 212]. Китайские города стали превращаться в культурные центры, и в них получила развитие особая

«культурная экономика». В связи с этим явлением автор обращает внимание на три сферы этого сектора – «городское потребительство», «ночную жизнь» и «арт-кварталы». На их примере Жэнь прослеживает, как маркетизация, глобализация и меры государственного вмешательства переформируют жизнь китайского городского населения и формируют городскую «культурную экономику». Последняя представляет собой весьма процветающую отрасль, с которой стремятся снять сливки как частный бизнес, так и органы государственной власти.

Подводя итог своему исследованию, Сюэфэй Жэнь утверждает, что урбанизация в Китае привела к значимым переменам: возник большой внутренний рынок, сформировался многочисленный средний класс, расцвела городская культура, но при этом произошло расщепление единого общества на два класса – богатых и бедных, что, по мнению автора, является главным итогом эпохи реформ и роста городов [4, с. 240]. С этими выводами автора трудно не согласиться, но верно и то, что на протяжении всего периода времени, после которого была написана эта книга, китайские власти предпринимали достаточно серьезные меры, чтобы преодолеть сложившееся социальное неравенство. Результаты этой политики по объективным причинам остались за пределами внимания автора и как таковые заслуживают отдельного анализа. Что касается книги Жэнь об урбанизации в Китае, то она, безусловно, будет интересна читателям, как непосредственными наблюдениями автора, так и разнообразной статистической информацией, которую она приводит.

Список литературы

1. Xuefei Ren. Urban China. – New York: Polity Press, 2013. – 218 p.
2. Xuefei Ren. Building Globalization: Transnational Architecture Production in Urban China. – Chicago: University of Chicago Press, 2011. – 218 p.
3. Xuefei Ren. Governing the Urban in China and India: Land Grabs, Slum Clearance, and the War on Air Pollution. – Princeton: Princeton University Press, 2020. – 208 p.
4. Сюэфэй Жэнь. Урбанизация по-китайски. – Санкт-Петербург: Academic Studies Press, 2023. – 268 с.
5. Доля городского населения в Китае достигла 60,6 процентов // Синьхуа новости. Russian News. – URL: https://russian.news.cn/2020-01/19/c_138718705.htm (дата обращения: 11.05.2024).

МОЗИАС П.М.* ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Аннотация. Главное отличие современного китайского хозяйства от экономик развитых стран заключается не в большей социальной ориентации, а в более активном проведении промышленной политики. Инструментарий ее в Китае обширный и многомерный. Он включает в себя и преференциальные кредиты для компаний приоритетных отраслей, и налоговые льготы, и финансирование из государственных венчурных фондов, и меры внешнеторгового протекционизма, и многое другое. Однако в экономической литературе нет консенсуса ни по поводу эффективности промышленной политики, ни в отношении самой оправданности ее существования. Многие неоклассические экономисты отрицают ее как таковую. Те же, кто обосновывает ее необходимость ссылками на «провалы рынка», часто не могут выстроить непротиворечивую концепцию. Выходом из ситуации, по-видимому, может стать создание целостной теории, которая показала бы, какие роли играют рыночные механизмы и государственное вмешательство на разных стадиях экономического развития.

Ключевые слова: Китай; промышленная политика; «провалы рынка»; экстерналии; конкуренция.

MOZIAS P.M. The Chinese Industrial Policy Debate

Abstract. The main difference between the modern Chinese economy and the economies of developed countries is not a greater social orientation, but, rather, a more active implementation of

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

industrial policy. Its tools in China are extensive and multidimensional. It includes preferential loans for companies in priority industries, tax breaks, financing from public venture funds, foreign trade protectionism measures, and much more. However, in the economic literature there is no consensus either on the effectiveness of industrial policy or on the very justification for its existence. Many neoclassical economists deny it as such. Those who justify its necessity by reference to market failures often fail to build a consistent concept. The way out of the situation, apparently, could be the creation of a holistic theory that would show what roles market mechanisms and government interventions play at various stages of economic development.

Keywords: China; industrial policy; market failures; externalities; competition.

Для цитирования: Мозиас П.М. Промышленная политика Китая: на перекрестке мнений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 92–129. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.06

Период рыночных реформ стал временем не только быстрого роста китайской экономики, но и кардинальных сдвигов в ее отраслевой структуре. Правда, попытки создать диверсифицированную промышленную базу предпринимались еще при Мао Цзэ-дуне. Но и в конце 1970-х годов, по прошествии трех десятилетий командно-административной индустриализации, более 80% китайского населения оставались деревенскими жителями и работали в сельском хозяйстве, а экспорт страны был преимущественно аграрным и сырьевым. Теперь же, после 45 лет реформ, Китай превратился в «фабрику мира», на международных рынках он выступает как поставщик широкого круга товаров обрабатывающей промышленности, в том числе высокотехнологичных, 2/3 его граждан проживают в городах и поселках, в структуре занятости постепенно увеличивается доля сферы услуг.

Китайские идеологи еще в начале 1990-х годов перестали называть свою экономику «плановой», а с середины 2010-х годов в пропагандистском обороте укоренился тезис о том, что решающую роль в распределении ресурсов в китайском хозяйстве играет рынок. Но утверждается, что экономика КНР – это «социалистическая рыночная экономика», которой присуще сильное макрорегу-

лирование рыночных процессов, в институциональном плане ведущую роль в ней играет госсектор, при многообразии форм получаемых доходов доминирует распределение по труду. Уязвимые места такой аргументации в том, что макроэкономическая политика (управление совокупным спросом и хозяйственной динамикой с помощью фискальных и монетарных инструментов), вообще-то говоря, является атрибутом любой современной экономики; доли государственных предприятий (ГП) в объемных показателях народного хозяйства Китая уже давно относительно скромные; удельные веса труда и капитала при распределении национального дохода соотносятся как 40 : 60 (в западных странах соотношение примерно обратное).

И если все же определять, чем китайская экономическая модель отличается от тех, что свойственны развитым рыночным экономикам Запада, то главный специфический момент – это, пожалуй, более масштабное, чем в развитых странах, воздействие государства на структурные параметры экономики, поддержка тех отраслей, которые правительство считает на данный момент приоритетными, т.е. проведение активной *промышленной политики (ПП)*¹.

Казалось бы, именно эта характеристика китайского опыта должна стать прежде всего объектом изучения специалистами. Но на деле исследовательских работ на эту тему относительно немного, отстаиваемые их авторами концепции разноречивы, а приводимый в них материал ограничен по объемам, выводы на его основе нередко делаются поверхностные. Как представляется, такое положение вещей обусловлено как объективными, так и субъективными причинами.

С одной стороны, собрать данные комплексного характера о китайской ПП трудно потому, что такая политика многообразна, она проводится на разных уровнях системы власти. Особые слож-

¹ Русскоязычный термин «промышленная политика» – это калька с английского понятия «industrial policy». В английском языке у слова «industry» два смысла: 1) промышленность; 2) отрасль. Когда говорят о ПП, то имеют в виду второе значение: ПП – это меры государства, которые могут осуществляться в отношении не только промышленных отраслей, но и отдельных частей других секторов экономики. Если в структуре сельского хозяйства правительство поддерживает животноводство, а не растениеводство, а внутри сферы услуг – отрасль телекоммуникаций, а не розничную торговлю, то это тоже ПП.

ности это создает для зарубежных, не китайских исследователей. Многие пласты информации о происходящем за фасадом китайской экономической бюрократии для них вообще недоступны, т.е. о том, как это все работает в реальности, они могут судить лишь очень приблизительно.

С другой стороны, проблематика ПП остается остродискуссионной, недостаточно проработанной и на теоретическом уровне. Мнения о желательности ПП как таковой среди экономистов очень разные. Некоторые рыночные фундаменталисты из числа экономистов неоклассического направления вообще относятся к ней отрицательно, считают, что она порождает искажения в функционировании рынков, диспропорции и потери общественного благосостояния, провоцирует коррупцию. Не только экономический рост, но и прогрессивные структурные сдвиги, по мнению неоклассиков, могут быть обеспечены спонтанной игрой рыночных сил, так что путь к успешному развитию – это либерализация экономики.

Те же, кто за ПП, в большинстве своем обосновывают такую позицию абстрактными рассуждениями о наличии «провалов рынка» (market failures) – ситуаций, когда рыночные механизмы, предоставленные сами себе, не могут обеспечить Парето-эффективное распределение ресурсов. Иначе говоря, государственные интервенции оправданы там, где рынок не справляется. Несложно заметить, что в подобных построениях ПП предстает как нечто, обусловленное уникальными, специфическими причинами, отклонениями от общего правила. Может быть, такая логика и подходит для объяснения, почему ПП все же проводится в развитых экономиках с их зрелыми, давно сложившимися рыночными механизмами. Но она вряд ли годится для развивающихся и постсоциалистических стран, где рыночные институты только формируются, а роль государства в экономическом развитии обычно очень велика. Как бы то ни было, в экономической литературе до сих пор нет ни общепринятого определения ПП, ни более или менее устоявшегося перечня используемых государством мер, которые следует относить именно к ПП. Это касается и работ, непосредственно посвященных практике ПП в Китае.

Так, Д. Родрик (школа государственного управления имени Дж.Ф. Кеннеди Гарвардского университета, США) [13], один из наиболее последовательных адептов «государственнического» на-

правления в теории экономического развития, утверждает, что сами процессы индустриализации – это питательная почва для проявления «провалов рынка». Вложения капитала в новые отрасли не могут осуществляться только за счет средств самих компаний, нужно и внешнее финансирование. Но кредитным рынкам всегда свойственна асимметрия информационного обмена. Банкам трудно просчитать перспективы отдачи от инвестиций в новые, рискованные сферы. Ведь банковские менеджеры – это финансисты, а не специалисты по вопросам производства. К тому же в развивающихся экономиках у фирм, которые в качестве пионеров осваивают новые отраслевые направления бизнеса, еще нет устоявшихся кредитных историй. Поэтому без специального государственного воздействия на частные банки или наличия государственных банков, следующих приоритетам ПП, реальный сектор будет недофинансироваться и норма накопления в экономике будет меньше оптимальной и потенциально возможной.

Новым производствам нужны также поставки товаров производственного назначения в определенном объеме и должного качества. Но способные обеспечить их предприятия будут построенны и появятся на рынке только тогда, когда фирмы, предъявляющие спрос на такую продукцию, сами достигнут больших объемов выпуска. Иначе вложения в производство товаров инвестиционного спроса не будут окупаться, компании в соответствующих отраслях не смогут реализовать эффект экономии на масштабах.

Поэтому если государство не будет координировать развитие отраслей-смежников, то их вертикальная интеграция сама собой, под воздействием только рыночного саморегулирования, не сложится. Рыночные цены будут не в состоянии выполнять информационную функцию по той простой причине, что они не могут отражать рентабельность таких производств, которых еще не существует. Не имея четких информационных сигналов о намерениях потенциальных партнеров, предприятия «верхних» и «нижних» звеньев производственных цепочек будут воздерживаться от инвестиций и тем самым тормозить увеличение производства друг у друга.

Важно и то, что персонал, подготовленный фирмами-пионерами, может быть переманен их последователями и имитаторами. Иначе говоря, процесс «обучения на практике» (learning-by-doing)

чреват возникновением позитивных внешних эффектов (экстерналий). Компания, первой потратившаяся на обретение работниками профессиональной квалификации, не будет получать адекватную отдачу на свои затраты, часть выгод достанется другим компаниям. Это ослабляет стимулы к обучению работников за счет корпоративного сектора. Не может этот вопрос решаться и преимущественно усилиями самих работников. Деньги, достаточные для получения образования, есть далеко не у всех, а образовательные кредиты получить трудно, так как асимметрия информации в данном случае усугубляется еще и тем, что человеческий капитал, в отличие от физического, не может быть использован в качестве залога по кредиту. Если государство не будет специально заниматься подготовкой кадров для новых отраслей промышленности и сферы услуг, то и темпы накопления человеческого капитала в экономике будут ниже рациональных [13, р. 4–5, 24].

Экономисты-«государственники» подключают к обоснованию необходимости ПП также и аргументы, касающиеся внешне-экономической сферы. Дж. Стиглиц (экономический факультет Стэнфордского университета, США) [14] считает «близорукими» неоклассические представления о том, что отраслевая структура экономики эволюционирует просто под воздействием рыночных ценовых сигналов вслед за изменением сравнительных преимуществ страны (они определяются тем, какими факторами производства страна на данный момент обладает в избытке, – в отраслях, где задействуются эти ресурсы, издержки производства ниже, чем в других).

Дж. Стиглиц отмечает, что даже в тех секторах экономики, которым набор имеющихся ресурсов, вроде бы, обеспечивает потенциальную ценовую конкурентоспособность, еще должно произойти «обучение на практике», требующее времени. Иными словами, сравнительные преимущества не реализуются сами по себе: люди еще должны реально научиться, как изготавливать товары, используя наличные ресурсы. А пока будет происходить такое накопление знаний, оправданна господдержка новых отраслей, в том числе и протекционистская политика импортзамещения (последняя нужна, дабы ростки новых производств не были подавлены конкуренцией со стороны ввозимых из-за рубежа товаров).

Но и когда новые отрасли в национальной экономике формируются и дозреют до выхода на международные рынки, их переход к экспортной ориентации тоже не обеспечивается спонтанно, только рыночными сигналами. Дело тут тоже в наличии экстерналий. Результатами деятельности компаний, вышедших на экспортные рынки первыми и создавших благоприятный имидж продукции своей страны, могут воспользоваться другие фирмы, не прилагавшие столь же весомых усилий и не понесшие столь же значительных транзакционных издержек. Поэтому если государство не будет субсидировать экспортных пионеров, то мало кто из представителей корпоративного сектора захочет налаживать товарный вывоз.

Впрочем, Дж. Стиглиц распространяет эту логику и на процесс диверсификации отраслевой структуры экономики через освоение предприятиями внутреннего рынка страны. И здесь тоже из-за несовершенств информационного обмена компании не могут оценить масштабы имеющегося спроса, потенциальные потребители не уверены в качестве продукции вновь выходящих на рынок национальных производителей. А плодами усилий компаний, которые освоили рынок раньше других и накопили соответствующие компетенции, могут воспользоваться те, кто придет потом и кому такие знания, как публичные блага, достанутся почти бесплатно [14, p. 198–201].

Линь Ифу (Центр исследований китайской экономики Пекинского университета) [8] претендует на то, что он создал научную школу «нового структурализма», свободную от крайностей и неоклассики, и этатизма. Он настаивает на том, что оптимальный путь развития экономики – это следование сравнительному преимуществу, а оно меняется со временем, по мере того, как происходят сдвиги в наборе факторов производства, которыми располагает страна. Успешно развивающейся может быть только «открытая» экономика: доходы, полученные благодаря рациональной экспортной специализации, позволяют стране импортировать нужные ей технологии и знания. Но внешнеэкономическую либерализацию нужно проводить не быстро, а поэтапно, постепенно адаптируя к «открытости» отрасли, созданные благодаря политике импортзамещения.

Для адекватного выражения редкости ресурсов и определения тем самым отраслей, по которым имеются сравнительные преимущества, нужны цены, формируемые конкурентными рынками. Но направляющая роль рынка в структурной трансформации, утверждает Линь Ифу, должна дополняться ПП государства, задачи которой – это, во-первых, компенсация информационных экстерналий, связанных с деятельностью фирм-пионеров, а, во-вторых, преодоление «проблемы координации» (но ее Линь Ифу сводит к возможным дисбалансам в развитии промышленности, с одной стороны, инфраструктуры, образования и финансового сектора – с другой) [8, р. 25, 35–37, 94, 114–115].

В общем, через компенсацию «провалов рынка» государство помогает частному сектору реализовать имеющиеся у страны возможности специализации. Иными словами, ПП как раз и нужна для того, чтобы обеспечить ход индустриализации в соответствии со сравнительными преимуществами. Государство, подчеркивает Линь Ифу, должно быть «акушеркой» при рождении на свет отраслей с новыми сравнительными преимуществами, а не «медсестрой», ухаживающей за «молодыми отраслями» (*infant industries*), для развития которых в стране нет нужных условий [8, р. 114, 118].

Однако для ортодоксальных неоклассиков и позиция Линь Ифу слишком оппортунистическая. Г. Пак (экономический факультет Пенсильванского университета, Филадельфия, США) и К. Сагги (экономический факультет Южного методистского университета, США) [11] систематизировали неоклассические возражения против проведения ПП. Они отмечают, что доводы в пользу защиты «молодых отраслей», высказывавшиеся еще меркантилистами и германской «исторической школой», а ныне переосмысленные в духе теории человеческого капитала с ее акцентом на «обучение на практике», могут быть легко оспорены адресацией к возможностям современных глобализированных рынков.

Банки и другие финансовые инвесторы в развивающихся странах действительно не уверены в прибыльности новых производств и избегают вложений в них. Но почему бы тогда не получить зарубежное финансирование, а не внутреннее – из тех стран, где соответствующие производства уже освоены и судить о перспективах рентабельности вполне возможно? Да и субститут «обучения на производстве», на время которого вроде как нужна

господдержка новых отраслей, может быть зарубежное технологическое влияние, в частности со стороны иностранных инвесторов.

Проблему информационных экстерналий торговый протекционизм вообще не решает. Сторонники ПП доказывают, что тут нужно государственное субсидирование фирм-пионеров. Но это неявно предполагает, что государство обладает способностью прогнозировать, какие именно новые идеи и технологии будут востребованными, социально значимыми. На деле же информация, которой оперирует государство, заведомо несовершенна, а потому высока вероятность ошибок и создания благодаря господдержке неконкурентоспособных производств. Может быть, ПП и добьется определенного результата, но это совсем не обязательно будет наилучший результат, а выяснить, как было бы при отсутствии ПП, т.е. если бы накопление знаний осуществлялось только под воздействием рыночных сил, просто невозможно [11, р. 269–274].

Вызывает сомнения и то, что государство может эффективно заниматься координацией развития взаимосвязанных отраслей. Как власти смогут наладить обмен информацией между предприятиями-смежниками, если они сами не обладают полным знанием о том, что происходит на уровне фирм? «Проблему координации», считают Г. Пак и К. Сагги, вполне можно решать чисто рыночными средствами: за счет импорта товаров производственного назначения, заключения долгосрочных контрактов между компаниями – участницами кооперационных цепочек, привлечения иностранных инвестиций для расшивки «узких мест» в структуре экономики. Так что процедуры ПП слишком сложны и рискованны, резюмируют Г. Пак и К. Сагги, они предполагают обработку таких больших объемов информации, что это заведомо не под силу ни государственным чиновникам, ни кому-то еще [11, р. 274–276, 281–282, 293].

С. Хейлманн и Л. Ши (Трирский университет, Германия) [5], авторы статьи о генезисе ПП в Китае, дали ей вполне тривиальное толкование. Они определили ПП как меры государства, направленные на изменение структуры экономики посредством направления ресурсов в приоритетные отрасли при сохранении среды рыночной конкуренции и автономии фирм поддерживаемых государством отраслей в принятии решений [5, р. 1]. Близко к этому и определение, данное другим экономистом-китаеведом Б. Науто-

ном (факультет международной политики и стратегии Калифорнийского университета, Сан-Диего, США) [10]: ПП – это координация государством развития приоритетных отраслей, предполагающая опору на рыночные механизмы. С такой точки зрения осуществление индустриализации в период плановой экономики не может рассматриваться как ПП. О ПП имеет смысл говорить, только если в ходе государственных интервенций в функционирование рынков задействуются реальные ресурсы и при этом используются инструменты политики, способные создавать стимулы для того, чтобы экономические агенты принимали решения, отличные от тех, что имели бы место в отсутствие ПП. Просто же выдвижение структурных ориентиров развития или, тем более, количественных целей по экономическому росту ПП не является.

Но Б. Наутон признает, что правомерны и более широкие определения ПП, когда под ней понимается вся совокупность мер фискальной, монетарной и научно-технической политики, направленных на поддержание высоких темпов прироста ВВП и качественное совершенствование экономики. Однако такие определения неизбежно порождают дискуссию о том, что все-таки стоит, а что не стоит подводить под рубрику ПП [10, р. 18–20].

Оговорка вполне резонная в свете того, что, скажем, К. Форла (Маастрихтский университет, Нидерланды) [4], обобщив наработки, содержащиеся в литературе начала XXI в.¹, подразделила меры ПП на две категории: «секторальные» (pro-business) и «про-рыночные» (pro-market). Первые направлены на поддержку уже так или иначе существующих отраслей и действующих в них предприятий, а вторые призваны стимулировать конкуренцию, создавать условия для входа на рынки новых «игроков», защищать интересы потребителей [4, р. 258, 261]. Если рассматривать классификацию К. Форлы как вполне допустимую рабочую гипотезу, то как ее можно применить к тем инструментам ПП, которые фактически используются в Китае?

¹ Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth // Journal of European Economic Association. – 2006. – Vol. 4, N 1. – P. 37–74; Rodrik D., Subramanian S. From Hindu Growth to Productivity Surge: The Mystery of the Indian Growth Transition // IMF Staff Papers. – 2005. – Vol. 52, N 2.

Очевидно, к классу «секторальных» мер можно с уверенностью отнести обнародуемые властями перечни приоритетных отраслей. Они могут включаться в пятилетние планы экономического развития, другие возможные варианты – это принятие специальных государственных программ или издание «индустриальных каталогов», в которых отрасли национальной экономики подразделяются на «поощряемые», «допускаемые», «ограничиваемые» и «запретные» для новых капиталовложений. Для контроля за тем, как исполняют указания «сверху» руководители на местах, используется система оценки их деятельности по определенным количественным параметрам (в том числе по числу реализованных инвестиционных проектов).

«Секторальные» инструменты ПП – это и кредитование предприятий в приоритетных отраслях под пониженные процентные ставки «политическими» банками (так в Китае называют «банки развития») и вообще банками, остающимися под госконтролем. Это и система налоговых льгот для инвесторов (с 2008 г. льготы по корпоративному подоходному налогу перестали предоставляться по институциональному принципу, т.е. для предприятий определенных форм собственности, но они и сейчас действуют для избранных отраслей и регионов, а также для малого бизнеса). Это и наличие многочисленных свободных экономических зон различной функциональной направленности и других кластерных образований, перед которыми ставятся задачи культивирования определенных отраслей. Это и различные методы воздействия на поведение иностранных инвесторов, в том числе побуждение их к передаче технологий китайским партнерам и к закупкам нужных им комплектующих и оборудования на внутреннем рынке Китая.

Это и система поддержки экспорта с дифференциацией нормативов возмещения НДС экспортерам по отраслям в зависимости от их значимости. Это и импортный протекционизм, который сейчас, в условиях членства Китая в ВТО, осуществляется не столько через тарифные и нетарифные ограничения, сколько через предпочтения в распределении госзаказов в пользу китайских предприятий.

Это и непосредственное создание ГП за счет бюджетных средств в тех отраслях, которые правительство считает «стратегическими», но куда частный капитал идет неохотно. Это и разнооб-

разные механизмы государственно-частного партнерства в инфраструктурных отраслях – как упорядоченные нормативно-правовыми актами общенационального уровня (различные виды концессионных соглашений), так и остающиеся в «серой» зоне («инвестиционные платформы», создаваемые по инициативе местных правительств, но формально независимые от них). Это и реализуемые в отдельных отраслях административные меры по выводу из оборота избыточных производственных мощностей, сокращению излишков товарного предложения, реструктуризации неэффективных, неплатежеспособных предприятий (компаний-«зомби»).

Некоторые из этих институтов ПП сложились еще в 1980-е годы (например, система льгот для иностранных инвесторов и требований к их операционной деятельности), другие возникли в 1990-е годы (как «политические» банки, «индустриальные каталоги» и др.), так что на втором десятилетии китайских реформ это была уже целостная система. Но исследователи справедливо отмечают, что структурные сдвиги в китайской экономике, по крайней мере в 1980–1990-е годы, достигались в значительной степени и просто благодаря ее маркетизации.

Так, Б. Наутон указывает на то, что изменения в ходе индустриализации на раннем этапе реформ, когда стали ускоренно развиваться отрасли легкой промышленности, произошли благодаря появлению возможностей для создания негосударственных предприятий (в том числе «волостных и поселковых предприятий», возникавших не в городах, а в сельской местности). Деколлективизация, внедрение рыночных механизмов в сельском хозяйстве и смягчение режима прописки создали условия для перехода части работников из аграрного в индустриальный сектор; так и были еще в 1980-е годы задействованы сравнительные преимущества Китая по трудоемким промышленным отраслям. Тогда же допущение частного бизнеса преобразило городскую сферу услуг. А новый подъем в тяжелой промышленности на рубеже веков был подстегнут произошедшими в конце 1990-х годов реструктуризацией и частичной приватизацией ГП [10, р. 38–42]. Если оставаться в рамках подхода К. Форлы, то все это, по-видимому, и может считаться «прорыночными» составляющими ПП.

Отдельные специалисты по-разному оценивают вклады селективных и либерализационных мер в процесс структурной пере-

стройки. Д. Ло и У Мэй (школа востоковедных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания) [9] в качестве примеров ПП, проводившейся еще с середины 1980-х годов, приводят госпрограммы развития автомобильной промышленности и электроники, но утверждают, что те были неудачными. Для генерации структурных сдвигов вплоть до конца 1990-х годов собственно рыночные реформы и расширение потребительского спроса были гораздо важнее, чем ПП [9, р. 314–316].

С. Хейлманн и Л. Ши признают, что департамент ПП был создан в китайском Госплане еще в 1988 г. Но для ее успешного проведения не хватало многих условий: ГП оставались «запертыми» в пределах ведомственной подчиненности, а в Госплане недоставало специалистов, готовых управлять структурными сдвигами не директивами, а косвенными методами. Предпосылки для более осмысленного проведения ПП стали складываться в годы премьерства Чжу Жунцзи (1998–2003), когда были ликвидированы почти все отраслевые министерства, а ГП стали более свободны в своих действиях. Но по-настоящему поворот к ПП произошел где-то около 2004 г. Как полагают С. Хейлманн и Л. Ши, решающим обстоятельством послужило то, что к этому времени ключевых позиций в экономической бюрократии достигли выходцы из академической среды, которые в 1980-е годы, занимаясь наукой, испытали значительное влияние японского опыта ПП, а потом стали чиновниками и советниками и полтора десятилетия постепенно поднимались по уровням управленческой иерархии [5, р. 10–12, 16–18].

Б. Наутон и вовсе утверждает, что до 2006 г., до принятия Государственной программы научно-технологического развития на средне- и долгосрочную перспективу (2006–2020), ПП у Китая просто не было. Прежние плановые методы управления отраслями постепенно сошли на нет, а в бытность Чжу Жунцзи премьером государственное вмешательство в экономику стало почти минимальным. Власти в 1978–2005 гг. думали в основном о том, как заменить дисфункциональные механизмы командной экономики рыночными, для осуществления ПП еще не было адекватной институциональной среды. Быстрее других тогда развивались те сектора экономики, которые были раньше «оживлены» рыночными реформами. Так что, согласно Б. Наутону, ПП появилась только в

2006 г., а после 2010 г. она стала реализовываться в беспрецедентных масштабах [10, р. 12–14, 20, 30, 43]¹.

Д. Ло и У Мэй уточняют: активизации ПП (по их версии – с конца 1990-х годов) способствовало то, что макроэкономическая политика создавала для этого условия на стороне спроса. Государство генерировало дополнительный инвестиционный спрос на товары машиностроения, металлургии и других отраслей тяжелой промышленности своими массированными капиталовложениями в инфраструктуру, а потребительский спрос на технологически «продвинутые» товары длительного пользования – раздачей домохозяйствам кредитов, купонов и т.д. По логике Д. Ло и У Мэй, это тоже составная часть ПП [9, р. 311, 317]. Но Б. Наутон с этим не согласен. Отталкиваясь от своего базового определения, он настаивает, что ПП – это только «вертикальные» меры, ориентированные на поддержку ограниченного круга отраслей, к ней не относятся «горизонтальные» меры экономической политики, поощряющие хозяйственную динамику без конкретной их отраслевой привязки. Поэтому Б. Наутон исключает из арсенала ПП:

1) государственные инвестиции в инфраструктуру. Они, безусловно, играют важную роль в поддержании высокой нормы накопления. Но за физическую инфраструктуру государство отвечает всегда, это составная часть его обязанностей по обеспечению общества публичными благами. Если государство не занимается строительством инфраструктуры, то это не государство, воздерживающееся от ПП, а просто «несостоявшееся государство» (failed state);

2) государственные вложения в образование и науку. Они носят «горизонтальный» характер, не привязаны к каким-то определенным отраслям;

3) предпринимательскую деятельность, которую ведут провинциальные, городские и уездные правительства. Это, пишет Б. Наутон, конечно, тоже селективное воздействие государства на экономику, но таких местных администраций в Китае десятки ты-

¹ Правда, в некоторых местах своей книги Б. Наутон все-таки оговаривается, что ПП проводилась и в 1980–1990-е годы, но только в отношении узкого круга товаров и услуг (автомобили, интегральные схемы, программное обеспечение) и в основном косвенными методами, а не посредством вложения государственных инвестиций [10, р. 44–45].

сяч, и они конкурируют друг с другом больше как фирмы, максимизирующие доходы, чем как органы власти. Цены на рынках в ходе этой конкуренции не подвергаются заметным искажениям, а потому не приходится говорить, что они отклоняются от равновесия в результате осуществления ПП [10, р. 23–26].

Нетрудно заметить, что разногласия между исследователями по поводу определения ПП и ее инструментария тоже в конечном счете являются продолжением дискуссии по поводу того, не наносит ли ПП ущерб рыночной конкуренции. Впрочем, Ф. Агийон (экономический факультет Гарвардского университета, США), Цай Цзин (экономический факультет Мичиганского университета, Анн-Арбор, США), М. Деватрипонт (Брюссельский вольный университет, Бельгия), Ду Лоша (Банк развития Китая), Э. Харрисон (Национальное бюро экономического анализа, США) и П. Легрос (Брюссельский вольный университет, Бельгия) [7] утверждают, что одно с другим не просто сочетается, а, более того, ПП тогда и является эффективной, когда она формирует конкурентную среду.

Без ПП (т.е. при режиме свободного рынка) крупные фирмы, способные к серьезным технологическим инновациям, будут прибегать к избыточной отраслевой диверсификации («горизонтальной дифференциации»): избегая конкуренции друг с другом, они разойдутся по разным отраслям. В каждой из отраслей будет свой выраженный технологический лидер, а это само по себе будет угнетать инновации из-за возникновения монопольных эффектов.

Но если государство с помощью мер ПП будет побуждать фирмы работать в одной и той же отрасли, то уровень концентрации производства там понизится. Под давлением конкурентной угрозы фирмы будут искать возможности для внутриотраслевых («вертикальных») инноваций. Интенсивность инновационной деятельности будет выше, чем при специализации каждой фирмы на своей отрасли, и это поспособствует повышению производительности.

Ф. Агийон и его соавторы подчеркивают, что если традиционная аргументация о ПП, как о защите «молодых отраслей», призывает ограничивать конкуренцию (с импортными товарами), то их концепция признает, что конкуренция (в том числе и с иностранными поставщиками) всегда благоприятна для экономического роста. Соответственно, ПП не должна быть ориентирована

на какую-то одну компанию, она должна быть устроена так, чтобы увеличивать число «игроков» в отрасли. Так можно избежать произвольного «назначения победителей» (picking winners) правительством, в котором неоклассические оппоненты обычно упрекают ПП [7, р. 1–6].

Эти теоретические выкладки проверяются авторами с помощью информации по всем крупным и средним предприятиям китайской обрабатывающей промышленности за 1998–2007 гг., включенным в соответствующую базу данных Госстатуправления КНР. В отношении них в тот период использовался широкий спектр инструментов ПП: защита импортными таможенными тарифами, льготные кредиты, «налоговые каникулы», прямое субсидирование инвестиций в приоритетных отраслях. По отдельным отраслевым направлениям наблюдалась сильная вариация мер господдержки. Так, ставка импортного тарифа по табачным изделиям превышала 52%, а по лекарствам она была чуть выше 6%. Эффективная процентная ставка по кредитам для производителей вычислительной техники и телекоммуникационного оборудования составляла 1,8%, а для производителей прохладительных напитков – 4,4%. По отдельным отраслям разным был и охват налоговыми льготами и субсидиями [7, р. 2, 6, 8].

Для оценки уровня конкуренции в отрасли авторы использовали индекс Лернера, который сопоставляет «ценовую накидку» (mark-up) компании, т.е. разницу между ее отпускной ценой и предельными издержками, с величиной добавленной стоимости компании. Процесс инноваций на предприятиях авторы характеризуют с помощью показателя совокупной факторной производительности (СФП): он отслеживает, как изменяются (снижаются) издержки производства вследствие улучшения технологии. Оценить же интенсивность инноваций просто по числу разрабатываемых новых продуктов затруднительно, так как в данном случае неизбежно возникнут проблемы измерения, да и далеко не все предприятия разрабатывают принципиально новые товары.

Расчеты по построенной авторами эконометрической модели с использованием данных по предприятиям всех форм собственности показали, что компании, получавшие госсубсидии, отличались более высокой СФП, чем у тех, кто субсидий не имел. Была обнаружена позитивная корреляция между предоставлением субсидий

и внедрением новых продуктов. На инновационную деятельность предприятий также позитивно влияли и налоговые льготы. А вот защита производителей с помощью высоких импортных пошлин стимулирующего воздействия на СФП не оказывала, и это неудивительно, отметили Ф. Агийон со товарищи: торговый протекционизм как раз угнетает конкуренцию [7, р. 10]. Не было выявлено и позитивного влияния льготных кредитов на инновационную деятельность.

Расчеты в разбивке по предприятиям отдельных форм собственности подтвердили и так известные вещи: ГП часто выделяют субсидии и кредиты, предоставляют тарифную защиту, а вот налоговые преференции они получают относительно редко. Но само наличие госсобственности неблагоприятно для СФП: корреляция между этими показателями негативная, что подтверждает распространенное мнение о низкой эффективности и слабой конкурентоспособности ГП.

Предприятия с иностранными инвестициями (ПСИИ) чаще, чем все другие типы предприятий, получали поддержку от государства всех четырех видов. Расчеты выявили позитивную корреляцию между наличием у предприятий иностранных инвесторов и динамикой СФП, т.е. присутствие иностранных собственников само по себе повышает вероятность прогрессивных изменений на предприятии.

Для того чтобы исключить эти два крайних варианта, авторы провели дополнительные расчеты только по предприятиям, где иностранных инвестиций не было, а государственная собственность если и присутствовала, то только как миноритарная. Авторы выясняли, были ли меры ПП в определенной административной единице (городе) Китая ориентированы на более конкурентные отрасли (отрасли с относительно низкими «ценовыми накидками») и приводило ли это к улучшению операционных показателей предприятий (увеличению СФП).

Расчеты показали, что чем более дисперсным было распределение госсубсидий внутри отрасли, тем больше был в ней прирост СФП. Аналогичным образом, чем больше был охват предприятий налоговыми преференциями и льготными кредитами, тем более существенным было увеличение СФП. Причем во всех трех случаях позитивное влияние мер ПП на СФП было тем сильнее,

чем острее была конкуренция в отрасли. Все это, считают Ф. Агийон и его соавторы, и доказывает, что распределение мер господдержки между большим числом компаний побуждает многие из них заниматься инновационной деятельностью [7, p. 14].

Правда, альтернативная методика расчетов, привязанная не к уровню городской экономики в целом, а к уровню отдельных предприятий, позволила уточнить, что не только внешнеторговый протекционизм, но и льготные кредиты мало способствуют росту СФП. Впрочем, это тоже вполне соответствует эмпирическим наблюдениям: в Китае льготные кредиты предоставляются обычно на индивидуальной основе, а не распространяются по отрасли диффузно. Объектами такой поддержки обычно являются предприятия с низкой производительностью, их тем самым просто удерживают на плаву [7, p. 16–17, 23].

В целом, таким образом, исследование Ф. Агийона и его коллег подтвердило, что если меры ПП предназначены для достаточно широкого круга предприятий и они дополнительно стимулируют конкуренцию между предприятиями, то такая ПП оказывает ощутимое позитивное влияние на СФП. Но авторы особо оговорились: это вовсе не означает, что китайские власти изначально, сознательно руководствовались такой логикой. Они совсем не обязательно предоставляли большие льготы именно более конкурентным отраслям. Но фактически получилось так, что позитивное воздействие на СФП оказывалось именно там, где налоговые льготы и фискальные субсидии вызвали усиление конкуренции – не сразу, а со временем [7, p. 17–18].

Остается вопрос, как защитить механизмы ПП от разлагающего влияния групповых интересов, т.е. от «погони за рентой» и коррупции. Ф. Агийон и соавторы считают, что дисперсное и ориентированное на поощрение конкуренции распределение господдержки само по себе будет способствовать тому, что меньше компаний будет осуществлять лоббистскую деятельность, так как они не будут воспринимать субсидии и другие меры ПП как источники возможной сверхприбыли. Однако такой механизм поощрения конкуренции с помощью ПП достаточно легко представить себе применительно к крупной стране типа Китая, где на рынках достаточно места для того, чтобы многие фирмы реализовали эффект масштаба. А в малых экономиках рыночное пространство заведо-

мо недостаточно для того, чтобы в одной отрасли было много производителей и все они могли добиться рационального снижения издержек за счет наращивания выпуска продукции.

Выходом из положения, полагают Ф. Агийон и его коллеги, может быть побуждение фирм государством участвовать в международной конкуренции, т.е. наращивать экспорт. Именно так в свое время делали в Южной Корее и других новых индустриальных странах Восточной Азии: господдержка предоставлялась на условии освоения компаниями внешних рынков. Компании в результате преодолевали ограниченность внутреннего спроса и реализовывали эффект масштаба, а экономики в целом испытывали позитивное воздействие конкуренции, приводившее к росту производительности [7, р. 24].

Работа Ф. Агийона и его сподвижников опровергает некоторые утверждения, высказанные Б. Наутоном и близкими ему по духу специалистами. Она свидетельствует, что разнообразные институты ПП существовали в КНР еще в 1990-е годы, если не раньше, причем не только на общенациональном, но и на региональном и муниципальном уровнях. И вообще, она укладывается в некую общую тенденцию: до сих пор эмпирические исследования китайской ПП велись, как правило, применительно к отдельным регионам или секторам экономики. Помимо всего прочего, для таких работ по сравнительно узким темам проще собрать столь малодоступную информацию.

Хань Юнхуэй (Институт международных стратегий Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли), Хуан Лянсюн (факультет экономики и торговли Хуананьского технологического университета) и Ван Сяньбинь (экономический факультет Цзинаньского университета) [2] специально задались вопросом, насколько действенна ПП, проводимая властями отдельных китайских провинций. Они отмечают, что в научной литературе количественных методик оценки эффективности ПП немного. Обычно исследователи выясняют, как сказывается применение таких мер, как налоговые льготы, госсубсидии, льготные кредиты и т.п., на динамике отраслевой структуры экономики и СФП. Но по сути все это инструменты фискальной и монетарной политики, а не ПП. Мало помогает и отслеживание того, как выполняются в Китае задания пятилетних планов по развитию тех

или иных отраслей в провинциях: пятилетки ставят, как правило, цели на отдаленное будущее, а используемые при этом формулировки носят слишком абстрактный характер.

На деле в КНР содержание ПП определяется не столько в законах, сколько в нормативно-правовых актах, в том числе принимаемых на региональном и отраслевом (министерском) уровнях. Поэтому для количественной оценки эффективности ПП можно просто использовать данные о числе соответствующих нормативных актов. На конец 2014 г. относились к ПП 9442 из 894 383 законов и нормативно-правовых актов, упоминавшихся в соответствующей общекитайской базе данных [2, с. 37]. Из этого массива при составлении своей выборки авторы исключили международные соглашения, разъяснения тех или иных норм Верховным народным судом, обобщающие документы центрального правительства и документы отраслевых органов управления, так как эти нормативные акты действуют по всей стране, а не в каких-то отдельных провинциях. Выведено было из рассмотрения и большинство нормативных документов, изданных городскими правительствами, так как объект исследования в статье ограничен ПП на уровне административных единиц провинциального уровня.

В итоге в выборке остались законодательные и нормативно-правовые акты, принятые провинциальными Собраниями народных представителей (СНП), правительствами, канцеляриями правительств; комитетами по реформам и развитию, департаментами промышленности и информатики, входящими в структуры провинциальных правительств. Хань Юнхуэй, Хуан Лянсюн и Ван Сяньбинь отмечают, что среди законодательных актов, принятых СНП, преобладают документы обобщающего характера, т.е. речь в них идет о «горизонтальной» ПП («прорыночных» мерах). А вот среди документов, изданных органами исполнительной власти, большая часть приходится на такие, которые касаются определенных отраслевых блоков, т.е. местные правительства реализуют в основном «вертикальную» ПП («секторальные» меры) [2, с. 39].

Эффективность ПП авторы оценивают с помощью эконометрической модели, в которой объясняемая переменная – это индекс прогрессивных сдвигов в отраслевой структуре провинциальной экономики. Он рассчитывается на основе двух составляющих:

– *индекса рационализации отраслевой структуры*, который измеряет, насколько сбалансировано и скоординировано развитие различных отраслей. Исчисляется он путем сопоставления доли производственных ресурсов, использованной в определенной отрасли, в их общем объеме и удельного веса этой отрасли в совокупном выпуске. Чем меньше значение этого индекса, тем дальше отраслевая структура экономики от равновесного, рационального уровня;

– *индекса развития отраслевой структуры*. Он характеризует скорость, с которой более технологически передовые отрасли повышают свою долю в экономике, а менее «продвинутые» отрасли свой удельный вес утрачивают. При расчете этого индекса предполагается, что последовательность прогрессивных структурных сдвигов в экономике – это движение от сырьевых и трудоемких к капиталоемким и далее к наукоемким отраслям. Индекс рассчитывается путем сопоставления данных о динамике долей трех основных отраслевых секторов (сельского хозяйства и добывающей промышленности, обрабатывающей промышленности и строительства, сферы услуг) в валовом выпуске экономики в течение определенного периода времени, с одной стороны, и о динамике производительности труда в этих секторах – с другой. При чем фактическая производительность труда в некий момент времени сравнивается с ее предполагаемым нормативным значением на время окончания индустриализации. Чем выше в валовом выпуске удельный вес отраслей с высокой производительностью труда, тем более развитой считается структура экономики.

В качестве объясняющих переменных в модели выступают:

- число принятых в провинции законодательных и нормативно-правовых актов по поводу ПП;
- степень маркетизации экономики провинции (она определяется по удельному весу негосударственных предприятий в совокупных капиталовложениях в основные фонды в регионе);
- уровень накопленного в провинции человеческого капитала (определяется сопоставлением численности людей, получивших высшее образование, и общей численности населения провинции);
- влияние внешнеэкономических факторов (его характеризует удельный вес прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в валовом региональном продукте);

– состояние совокупного спроса в регионе (оценивается по показателям розничного товарооборота, расходов местного правительства и экспорта из провинции) [2, с. 39–40].

Расчеты по модели выявили наличие позитивной корреляции между изданием на местах законодательных и нормативно-правовых актов по проблематике ПП и улучшением отраслевой структуры провинциальных экономик. Вслед за увеличением числа таких документов растут и индекс рационализации, и индекс развития отраслевой структуры. При этом оказалось, что предельное стимулирующее воздействие со стороны законодательных актов о ПП более сильное, чем эффект от принятия нормативно-правовых актов. Очевидно, это связано с тем, что нормативно-правовые акты реализуются чисто административными средствами, им не хватает той фундированности, которой обладают законы, а потому выполняются они хозяйственными субъектами избирательно.

Была также обнаружена позитивная корреляция между прогрессивными структурными сдвигами и увеличением расходов регионального правительства, что лишний раз указывает на важную роль экономической политики в стимулировании структурных изменений. Выявилось также и позитивное воздействие маркетизации экономики на отраслевую структуру хозяйства [2, с. 41–43].

Но авторы построили и отдельную модель для сравнения того влияния на структурные сдвиги, которое оказывают рыночные силы, с одной стороны, и ПП – с другой. По итогам вычислений выяснилось, что комбинированное стимулирующее воздействие обоих этих факторов на структурные изменения сильно. А вот когда эти факторы были рассмотрены по отдельности, то оказалось, что влияние рыночных сил на структурные сдвиги очень сильно и устойчиво, а влияние ПП склонно к затуханию.

Однако при более детальном рассмотрении выясняется, что ситуация очень дифференцирована по провинциям: рыночные силы оказывают определяющее влияние на структурные сдвиги не везде, а в тех провинциях, где уже высока степень маркетизации экономики. А отсюда вытекает важный концептуальный вывод: рыночные механизмы важны для прогрессивных изменений в отраслевой структуре экономики в любом случае, а стимулирующее влияние ПП проявляется только при определенных условиях. ПП

тогда эффективна, когда она опирается на рыночные механизмы; дополняет распределение ресурсов, которое складывается благодаря функционированию рынков. Теоретически, если рассматривать ПП как компенсацию неразвитости рыночных механизмов, то особая необходимость в ней ощущается в наиболее отсталых провинциях КНР, где степень маркетизации хозяйства невелика. Однако в реальной жизни получается так, что более действенная ПП проводится как раз в более развитых регионах, где рыночные реформы зашли далеко, и это тоже вполне логично: именно там ПП в большей мере может опираться на рыночные силы [2, с. 43–44].

Насколько эффективно выполняют свои функции такие институты ПП, как свободные экономические зоны (СЭЗ)? Ху Хаожань (экономический факультет Нанькайского университета, Тяньцзинь) [3] ищет ответ на этот вопрос, исследуя деятельность предприятий, расположенных в «зонах экспортной обработки» (ЗЭО). Это один из существующих в Китае типов СЭЗ, участники внешнеэкономической деятельности могут воспользоваться в ЗЭО налоговыми льготами, созданной государством инфраструктурой, упрощенным порядком регистрации компаний. Первая ЗЭО появилась в Китае в 1992 г., в 2000 г. было основано еще 15 таких зон, в 2001 г. – три, в 2002 г. – восемь, в 2003 г. – 13, в 2005 г. – 18 [3, с. 29].

Ху Хаожань оценивает, как влияют меры ПП, применяемые в ЗЭО, на производительность и величину экспорта предприятий. Выборка для исследования была сформирована наложением друг на друга двух баз данных о предприятиях, действующих в ЗЭО: базы, где содержится информация об участниках экспортно-импортных операций, и базы о промышленных предприятиях. Был использован массив данных за 2000–2006 гг., выбор такого временного интервала связан с тем, что начиная с 2007 г. в китайской таможенной статистике перестали специально выделяться данные по «обычной торговле», т.е. внешнеторговым сделкам, отличным от «поручительских операций» (ввоза в Китай сырья и материалов с последующим экспортом продуктов их обработки). К тому же мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. привел не просто к временному шоковому сокращению китайской внешней торговли, но и к уменьшению удельного веса поручительских операций в ее структуре, что обусловило несопоставимость данных по до- и послекризисному периодам.

Всю совокупность внешнеторговых операций Ху Хаожань подразделил на обычную торговлю, поручительскую торговлю и прочую торговлю. Предприятий, осуществляющих операции третьего типа, относительно мало, и автор не включил их в выборку. В категорию предприятий, занимающихся поручительской торговлей, он объединил и тех, кто осуществляет поручительскую обработку сырья и материалов, и тех, кто специализируется на сборке продукции из компонентов и узлов, ввозимых по импорту. Ху Хаожань специально выделил и «смешанные» предприятия, совмещающие обычную торговлю с поручительской.

В выборку не включались предприятия с числом занятых менее восьми человек; с совокупными активами меньшими, чем величина чистых основных фондов; с накопленными амортизационными отчислениями, уступающими по величине текущим амортизационным отчислениям [3, с. 28–30].

Для устранения проблемы эндогенности, т.е. для того, чтобы избежать умозаключений типа «ПП могла вызвать прогрессивные структурные изменения, но и спонтанные структурные сдвиги могли создать иллюзию успеха ПП», автор использовал метод DID (Difference in Difference). Тот предполагает, что определенное изменение экономической политики рассматривается как водораздел и проводится сопоставление, как развивались события на самом деле и как выглядела бы динамика операционных показателей предприятий до и после этой временной отсечки, если бы «политического шока» не произошло. В данном случае в качестве такого поворотного пункта рассматривается 2003 г., когда число вновь созданных ЗЭО снова стало двузначным. Проводится сопоставление предприятий, находящихся в ЗЭО (фокусная группа), и предприятий, расположенных в провинциях, где нет ни одной ЗЭО (контрольная группа).

В построенной автором эконометрической модели два уравнения. В одном из них объясняемой переменной является СФП предприятия, а в другом – средняя величина экспорта по предприятиям данного уезда (именно такой показатель использован потому, что в течение рассмотренного временного периода какие-то предприятия создавались заново, а какие-то ликвидировались; состав выборки менялся и в фокусной, и в контрольной группах). Объясняющие переменные в уравнениях отражают то, к какой из

групп (фокусной или контрольной) относятся предприятия, а также идет ли речь о периоде до 2003 г. или после 2003 г.

Расчеты по модели показали, что сразу после 2003 г. СФП резко снизилась и в фокусной, и в контрольной группах. Но затем у предприятий фокусной группы (т.е. у находящихся в ЗЭО) она стала расти, хотя и медленным темпом, а у предприятий контрольной группы (внезональных) она продолжала снижаться. Средние показатели экспортных продаж у предприятий фокусной группы после 2003 г. резко пошли вверх, а у предприятий контрольной группы они росли гораздо медленнее, после 2005 г. они даже стали уменьшаться.

Итак, в целом динамика производительности и экспортной деятельности у предприятий, действовавших в ЗЭО, была гораздо лучше, чем у предприятий, не испытывавших на себе воздействие ПП, проводимой в зонах. Но при этом ПП практически сразу оказала заметное стимулирующее влияние на экспорт зональных предприятий, а ее воздействие на СФП там поначалу было негативным. Объяснить быстрый рост экспорта можно тем, что предоставление предприятиям в ЗЭО налоговых преференций и удобной инфраструктуры способствовало снижению издержек производства и обращения у компаний. Сосредоточение предприятий в одном месте создало эффект межпроизводственной синергии. Все это и привело к росту выпуска продукции и увеличению экспорта зональных предприятий.

Но в то же время условием регистрации предприятия в ЗЭО обычно является его специализация на поручительской торговле. А тогда вполне логично то, что в зонах концентрируются преимущественно предприятия трудоемких отраслей промышленности, у которых СФП относительно невысока. Иначе говоря, сама политика срабатывает так, что средний уровень производительности у предприятий в ЗЭО заведомо будет сравнительно низким.

Однако из этого отнюдь не следует, что пользу от функционирования ЗЭО не могут получить предприятия, занимающиеся обычной внешней торговлей и расположенные за пределами зон. Они действительно не могут воспользоваться налоговыми льготами в таких зонах, но зато они могут перенимать навыки производства экспортных товаров у зональных предприятий, занимающихся поручительскими операциями, устанавливать с теми кооперацион-

ные связи. Это способствует увеличению сбыта на внешних рынках и у предприятий, специализирующихся на обычной торговле, и тем более у предприятий со смешанным профилем деятельности, считает Ху Хаожань [3, с. 31–34].

По-другому расставляет акценты Э. Хоувелл (факультет государственного управления Аризонского государственного университета, Феникс, США) [6]. Он полагает, что в выборе конкретных направлений господдержки китайские власти склонны отдавать предпочтение не более, а менее производительным и малоприбыльным предприятиям, а также отсталым регионам (не восточным, приморским, а глубинным, материковым провинциям). В центральном и западном макрорегионах более, чем на Востоке, распространены и налоговые возмещения, и прямые субсидии предприятиям, и льготы по арендной плате за землю и инфраструктурным тарифам.

Такой региональный перекося имеет очевидные негативные последствия. Благодаря госсубсидиям строятся и расширяются города, население которых недостаточно для реализации эффекта масштаба. Расположение промышленных предприятий по стране отличается избыточной дисперсностью, часто не удастся сформировать индустриальные кластеры, обеспечивающие полный набор выгод от концентрации производств в одном месте. А в результате и общий уровень благосостояния в стране ниже потенциально возможного [6, р. 1028–1029].

Э. Хоувелл построил регрессионную модель, в которой объясняемая переменная – это СФП предприятий, а объясняющие – это индикаторы, характеризующие интенсивность ПП, в их числе:

1) интенсивность прямого субсидирования предприятий, которая оценивается как доля субсидий в совокупных продажах предприятий;

2) экономия доходов, которую предприятия получают благодаря налоговым льготам, она рассчитывается как разница между номинальными налоговыми назначениями и реальными платежами;

3) экономия предприятий на процентных ставках по кредитам, она представляет собой разницу между средней эффективной рыночной ставкой для предприятий данной отрасли и реальной ставкой, уплачиваемой предприятиями.

На основе этих трех показателей Э. Хоувелл построил комбинированный индекс поддержки предприятий мерами ПП. В модель включены и контрольные переменные: структура собственности предприятия, его размер, длительность существования, капиталоемкость, интенсивность НИОКР в соответствующей отрасли, частота входа в нее новых «игроков», индекс концентрации производства в отрасли; масштабы города, где находится предприятие; плотность населения в нем.

В расчетах по модели были использованы данные из ведущейся Госстатуправлением КНР базы по предприятиям обрабатывающей промышленности. Исследовался период 1998–2007 гг. Из выборки были исключены предприятия, по которым статистическая информация неполная, а также предприятия, не присутствовавшие на рынке в течение двух и больше лет подряд внутри рассматриваемого периода. Всего в выборке осталось около 300 тыс. предприятий, действовавших в 270 городах уездного уровня [6, р. 1029–1034].

По данным Э. Хоувелла, комбинированный индекс поддержки в целом по стране рос с 1998 по 2000 г., а затем он стал снижаться. Автор оценил и пространственное распределение мер господдержки предприятий, взвесив каждый из индикаторов ПП по среднему размеру компаний в каждом из городов выборки. Подтвердилось, что большинство местных правительств оказывает помощь прежде всего предприятиям, расположенным за пределами провинциальных центров, и что интенсивность поддержки выше во внутренних, а не в приморских регионах [6, р. 1031–1032].

Вычисления по модели показали, что с увеличением комбинированного индекса господдержки у наименее производительных предприятий СФП дополнительно уменьшается, у самых производительных она еще больше увеличивается, а у «средних» предприятий она изменяется мало. При этом динамика контрольных переменных подтвердила, что частные предприятия (ЧП) обычно более производительны, чем ГП. У крупных предприятий СФП выше, чем у малых. Расположение предприятий в крупных городах оказывает на СФП противоречивое влияние: в среднем они выигрывают от этого в производительности (вероятно, благодаря эффектам распространения знаний и совместного пользования инфраструктурой), но у предприятий с низкой производительностью корреляция

ее с масштабами городской агломерации отрицательная (очевидно, потому, что в крупных городах выше арендная плата за землю и недвижимость, а также острее конкуренция).

Если говорить более детально, то расчеты выявили, что применение прямых государственных субсидий оказывает угнетающее воздействие на СФП по всей выборке предприятий. Налоговые льготы и преференциальные процентные ставки по кредитам негативно влияют на СФП низкопроизводительных предприятий. Но воздействие «налоговых каникул» становится позитивным, когда речь заходит о предприятиях со средним уровнем СФП, а льготные кредиты способствуют росту СФП у и без того самых производительных предприятий.

Отсюда, вообще говоря, следует, что наиболее эффективный инструмент ПП – это налоговые льготы. Объясняется это, по-видимому, тем, что налоговые послабления стимулируют предприятия к инвестициям через воздействие на ожидания по поводу доходности, тогда как прямые субсидии и льготные кредиты формируют у предприятий привычку к зависимости от государства, т.е. усугубляют синдром «мягких бюджетных ограничений» [6, р. 1035–1039].

Так что исследование Э. Хоувелла, скорее, подтверждает выводы неоклассических критиков ПП: получается, что интенсивная ПП угнетает конкуренцию; создает искажения в действии рыночных механизмов, ухудшающие распределение ресурсов, а это в конечном счете приводит к снижению производительности предприятий, общее воздействие ПП на благосостояние отрицательное. Но сам автор проверяет эти выводы, конструируя гипотетическое альтернативное распределение предприятий по уровню СФП, которое существовало бы, если бы меры ПП не имели отчетливой региональной привязки. Расчеты показали, что при проведении такой «нейтральной» ПП можно было бы получить увеличение СФП на 14–16% в среднем по выборке [6, р. 1040–1041].

Стало быть, потери благосостояния, вызванные той ПП, которая фактически проводится в Китае, объясняются как раз угнетением СФП предприятий, а оно проистекает из ложных сигналов по поводу размещения производств, которые подает ПП компаниям. Она ориентирует их перебазироваться во внутриматериковые отсталые провинции, где выше издержки, меньше естественных

преимуществ, рынки более узкие и т.д. Как следствие, распределение ресурсов ухудшается: отток их из приморских городов ослабляет позитивные экстерналии от размещения производств, а активизация хозяйственной деятельности во внутренних регионах не компенсирует в полной мере утраченное, результатом и являются чистые потери благосостояния.

«Нейтральная» в пространственном отношении ПП способствовала бы повышению экономической эффективности, но межрегиональное неравенство при этом усилилось бы. Пока власти склонны жертвовать эффективностью ради сглаживания межпровинциальных разрывов – только так можно объяснить, почему ПП в действительности проводится в этой, а не другой форме, резюмирует Э. Хоувелл [6, р. 1040–1041].

Можно не соглашаться с декларациями Б. Наутона о том, что ПП в Китае появилась только после 2006 г., но во всяком случае его периодизация так или иначе отражает действительно радикальные изменения, произошедшие в конце первого десятилетия XXI в. Уже упоминавшаяся Госпрограмма 2006 г. была, по словам Б. Наутона, документом самого общего характера, причем посвящена она была не ПП, а научно-технологической политике, там был сформулирован курс на придание инновационности всей экономике КНР [10, р. 50–51].

Но принципиально важно то, что в ее развитие в 2008–2010 гг. были заявлены 16 мегапроектов, которые предусматривали в большей степени прикладные, а не фундаментальные НИОКР. Из них девять были сугубо гражданскими (речь шла о разработках технологий базовой электроники, широкополосной мобильной связи нового поколения, высокоточного машиностроения, контроля за загрязнениями и очистки воды и т.д.), а семь – «двойного» назначения (это были, в частности, разработки технологий производства водных и высокотемпературных реакторов для АЭС, создание системы наблюдения за поверхностью Земли, проекты освоения космоса и экспедиции на Луну и др.).

Отвечало за их реализацию Министерство науки и технологий, но конкретными мегапроектами занималось то или иное отраслевое министерство (например, проектом по фармацевтике – Министерство здравоохранения, проектом по предотвращению загрязнений воды – Государственная администрация охраны ок-

ружающей среды). Два мегапроекта были организованы не как министерские, а как бизнес-проекты, под которые создавались отдельные госкомпании, это были проект разработки широкофюзеляжного пассажирского самолета С919 и проект создания нового поколения реакторов для АЭС. Причем в первом случае Китайская корпорация гражданской авиации была учреждена как акционерное общество, держателями долей в котором стали многие другие ГП, центральные экономические ведомства и местные правительства. Это стало прообразом того, как будет осуществляться ПП в последующие 15 лет – через создание совместных компаний с участием целого ряда госструктур и согласование тем самым их интересов при реализации проектов [10, р. 54–58].

Логическим продолжением мегапроектов стала утвержденная Госсоветом КНР в октябре 2010 г. программа развития «новых стратегических отраслей». Технологии по целому ряду из них разрабатывались еще в рамках мегапроектов. Но «Новые стратегические отрасли» – это уже была собственно ПП, тогда как мегапроекты изначально были научными начинаниями, и только потом они стали ПП. Если мегапроекты изначально осуществлялись преимущественно за счет бюджетного финансирования, то в поддержке отдельных «стратегических отраслей» доля бюджетных средств варьировалась в диапазоне от 5 до 15%, а упор делался на кредиты госбанков, эмиссию акций и облигаций, задействование венчурных фондов, налоговые льготы. К реализации программы подключились и местные правительства, они стали поощрять развитие соответствующих отраслей на своих территориях.

«Новые стратегические отрасли» – это 20 отраслей, сгруппированных в семь направлений (энергосбережение и охрана окружающей среды, информационные технологии нового поколения, биотехнологии, высокоточное машиностроение, возобновляемые источники энергии, новые материалы, автомобили на новых источниках энергии). К примеру, направление «Биотехнологии» включает в себя четыре отрасли (биофармацевтика, биоинжиниринг, биоагросфера, использование биотехнологий в обрабатывающей промышленности) и корреспондирует с тремя мегапроектами («Новые медицинские препараты», «Вакцинация и лечение от инфекционных болезней» и «Трансгенная инженерия и выращивание новых растений») [10, р. 59–64].

Следующая «волна» институциональных новинок в ПП стала подниматься начиная с 2015 г., когда были приняты программы «Сделано в Китае 2025» и «Интернет плюс», нацеленные на распространение информационных технологий в традиционных отраслях обрабатывающей промышленности и сферы услуг. А в мае 2016 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли Программу инновационного развития, под «зонтик» которой были взяты и две только что упомянутые программы, и «Новые стратегические отрасли». Но дело не только в формальной иерархии. По сути за десять лет приоритеты китайской ПП претерпели качественные изменения.

Мегапроекты, заявленные в соответствии с Программой 2006 г., лежали еще в русле «догоняющего» развития: это была попытка воспроизвести те отраслевые направления, которые уже существовали в передовых странах (наглядный пример – это разработка собственного гражданского авиалайнера). Программа «новых стратегических отраслей» означала отход от этой парадигмы: она делала упор на такие сферы, которые были инновационными по общемировым меркам и в которых еще не сложился устойчивый круг лидеров (ни государственных, ни корпоративных). Иначе говоря, речь шла уже не о том, чтобы догнать, а о том, чтобы перегнать других и скачкообразно перейти к глобальному доминированию. Но при этом сами выбранные в качестве «стратегических» отрасли не всегда были связаны друг с другом.

На таком фоне Программа 2016 г. отличалась тем, что она делала ставку на новую «волну» технического прогресса в целом. Предполагалось развивать новые технологии широкого спектра применения (технологии телекоммуникаций, искусственного интеллекта и больших данных), которые могут «пронизать» собой все сектора экономики – не только промышленность, но и сельское хозяйство и сферу услуг, стать основой для новых сравнительных преимуществ китайской экономики взамен исчерпавшей себя специализации на трудоемких производствах.

С теоретической точки зрения, отмечает Б. Наутон, в данном случае применение инструментов ПП выглядит очень даже оправданным. Скажем, внедрение искусственного интеллекта (ИИ) выглядит как редко возникающий прецедент, когда появляется технология общего пользования, которая революционизирует производство и обеспечивает устойчивый рост СФП по крайней

мере при жизни одного поколения (так это было в свое время с электричеством). Иными словами, на основе распространения новых знаний возникают столь сильные позитивные экстерналии, что выгоды от применения технологии заведомо не может аккумулировать какой-либо частный «игрок»-инноватор, внедрение такой технологии должно субсидироваться государством. Во всяком случае сами китайские стратеги ПП расценивают возможность выйти в лидеры по ИИ как «шанс, который бывает раз в жизни», именно он открывает перед Китаем перспективы дальнейшего экономического и геополитического усиления [10, p. 61, 72, 94, 97].

Изменения происходят и в наборе инструментов ПП. В последние 15 лет значительное распространение и на центральном, и на местном уровнях получили «госфонды поддержки приоритетных отраслей» (ГППО, government industrial guidance funds). Пань Фэнхуа (географический факультет Пекинского педагогического университета), Чжан Фанчжу и У Фулун (факультет планирования Лондонского университетского колледжа, Великобритания) [12] отмечают, что ГППО – это аналоги того, что в развитых странах называют «фондами прямых инвестиций» и «венчурными фондами»: они участвуют на долевой основе в инвестиционных проектах, поддерживая тем самым инициативы корпоративного сектора.

ГППО создаются усилиями центральных властей, местных правительств и ГП, изначально их капиталы формируются за счет бюджетных средств, а уж затем к делу могут подключаться частные акционеры и партнеры. Даже если фонды по структуре собственности полностью принадлежат к госсектору, они формально контролируются не правительствами, а управляющими компаниями. Хотя попытки создания ГППО предпринимались еще в конце 1990-х годов, но первый соответствующий нормативный документ Госсовета КНР появился только в 2008 г., начиная с 2010 г. создавалось все больше таких фондов для поддержки «новых стратегических отраслей», а с 2014 г. – для развития инфраструктуры. Если в 2007 г. в Китае существовало всего восемь ГППО, то в 2008 г. – уже 27, в 2014 г. – 106, а в 2021 г. насчитывалось 1369 таких фондов, из них 1334 были учреждены местными правительствами различных уровней [12, p. 754, 761, 763].

Считается, что главный ориентир для деятельности ГППО – это не рентабельность, а решение задач ПП. Но это в известной

мере отпугивает частный капитал от вложений в такие фонды. Пока в качестве источников внешнего финансирования ГППО удается привлекать в основном ГП, включая госбанки и «инвестиционные платформы» местных правительств. Причем в фонды с выраженной направленностью на определенные отрасли промышленности обычно привлекаются в качестве инвесторов крупные ГП именно данных отраслей, а в инфраструктурных фондах особенно значима роль государственных банков, так как капиталовложения в соответствующие отрасли очень масштабны [12, р. 766].

О ГППО подробно пишет и Б. Наутон. Он отмечает, что к середине 2020 г. фонды вложили в различные проекты средства на общую сумму, эквивалентную 1,6 трлн долл., это беспрецедентное, крупнейшее в мировой истории выделение ресурсов на реализацию целей ПП [10, р. 80, 82]. ГППО создаются или как ограниченные партнерства, где ведущие участники – это ГП или определенные государственные ведомства, а остальные партнеры лишь предоставляют капитал, но не участвуют в управлении фондом, или как непубличные акционерные общества. Многие ГППО устроены как «фонды фондов», т.е. инвестиционные решения там перепоручаются дочерним подразделениям. Другой вариант – это когда ГППО выступают как бизнес-ангелы или как венчурные фонды, инвестирующие только в стартапы.

По оценке Б. Наутона, ГППО призваны стимулировать инновации не только через посыл информационных сигналов потенциальным инвесторам и облегчение доступа предприятиям к ресурсам рынка капитала, но и через собственно субсидирование капиталовложений по следующим каналам:

- государство непосредственно выступает как первоначальный инвестор фондов и предоставляет деньги на таких условиях, что быстрый их возврат не предполагается, а рентабельность может быть и нулевой, т.е. такое финансирование выступает как беспроцентные кредиты;

- правительственная опека помогает проектам привлекать дешевые кредиты госбанков;

- государство предоставляет явные и скрытые гарантии по инвестициям (например, оно резервирует средства для выплат дивидендов по привилегированным акциям ГППО); оно может просто списать средства, пошедшие на вложения в неудачные проек-

ты, ему это сделать легче, чем частным инвесторам [10, р. 105–106, 118, 121–122].

Б. Наутон признает, что преобладание государственных акционеров и партнеров, да и сама неслыханная финансовая щедрость, с которой реализуются через ГППО нынешние установки ПП, создают риски коррупции, нецелевого использования средств, появления множества фондов, дублирующих функции друг друга. Но все это, по его мнению, не означает, что ГППО изначально неэффективны: просто за осуществление ПП приходится платить возможными негативными побочными следствиями, а ничего идеального в экономике не бывает [10, р. 131].

Пэн Юйчао (факультет бюджетно-налоговой политики и финансов Народного университета Китая, Пекин) и Фан И (финансовый факультет Центрального университета экономики и финансов, Пекин) [1] отмечают, что в 2010-е годы, в условиях общего ослабления хозяйственной динамики в Китае, Народному банку Китая (Центральному банку страны) стало вменяться в обязанности не только поддержание низкой инфляции и достаточных темпов экономического роста, но и способствование структурной перестройке экономики. Использовать в этих целях конвенциональные инструменты монетарного регулирования затруднительно, поэтому НБК разработал инструментарий специальной *структурной денежной политики (СДП)*. Он включает в себя снижение нормы обязательных резервов (НОР) и рефинансирование под залог для тех коммерческих банков, которые выступают как проводники структурных приоритетов.

Пэн Юйчао и Фан И задействовали методологию построения моделей динамико-стохастического общего равновесия (DSGE) и построили двухсекторную модель экономики: в одном секторе генерируются внешние эффекты (как позитивные, так и отрицательные), в другом экстерналий эффектов не возникает. Предполагается, что СДП поддерживает отрасли и предприятия, выступающие источниками позитивных экстерналий, и ограничивает экспансию таких секторов и производств, откуда проистекают негативные внешние эффекты.

Считается, что интенсивность экстерналий возрастает с увеличением объема выпуска продукции в первом секторе, причем внешние эффекты оказывают непосредственное влияние на по-

требление домохозяйств: позитивные экстерналии увеличивают потребление, негативные – уменьшают. Например, экологические загрязнения создают угрозы здоровью населения, а значит, сокращают его благосостояние. Банки тоже подразделяются на две группы: одна кредитует первый отраслевой сектор, другая – второй [1, с. 30, 33–34].

На основе этой теоретической модели авторами построена модель эконометрическая, в которой основные параметры – это реальный ВВП, денежный агрегат М2, индекс потребительских цен и объем выбросов углекислого газа, который количественно характеризует негативные внешние эффекты. В расчетах по модели были использованы данные за 1996–2015 гг.

Вычисления показали, что применение мер СДП действительно способствовало уменьшению негативных экстерналий. Логика этого процесса выглядит следующим образом: увеличиваются НОР и процентные ставки по рефинансированию коммерческих банков, кредитующих соответствующие отрасли, уменьшаются количественные объемы рефинансирования – растут издержки банковской деятельности – увеличиваются процентные ставки по банковским кредитам – растут издержки мобилизации финансовых средств предприятиями первого сектора – сжимается спрос на кредит – в экономике происходят структурные сдвиги.

Но если ради стимулирования экономического роста Центробанк осуществляет общее смягчение монетарной политики, то, по логике модели, по мере роста выпуска должны увеличиваться и негативные экстерналии. Тогда СДП должна, по идее, заниматься минимизацией таких отрицательных последствий общего монетарного ослабления. Но не скажется ли это на макроэкономической стабильности, для поддержания которой и предпринималось монетарное смягчение?

Проведенные Пэн Юйчао и Фан И расчеты позволили установить, что СДП не только способствует структурным сдвигам, но и позволяет сглаживать конъюнктурные колебания, возникающие в результате проведения общей стимулирующей денежной политики. Но если в дело вмешиваются какие-либо внешние шоки и они вызывают сокращение выпуска, а с ним и негативных экстерналий, то СДП такие функции сглаживания не выполняет [1, с. 37, 39].

В общем, и здесь все неоднозначно. А Б. Наутон, утверждающий ни много ни мало, что в 2010–2020-е годы ПП стала в Китае фронтальной, всепроникающей, определяющей современный ландшафт национальной экономики [10, р. 92], в то же самое время признает, что успех данной попытке скачкообразно выйти в лидеры в новейших по мировым меркам отраслях отнюдь не гарантирован. При этом он воспроизводит традиционные неоклассические аргументы о том, что господдержка приоритетных отраслей, может быть, и срабатывает в условиях «догоняющего» развития, но она малоперспективна в ситуации, когда страна уже близка к мировому технологическому фронтиру, – потому что здесь степень неопределенности слишком высока. Предсказать, какие отрасли и производства окажутся на гребне новой мировой технологической «волны», практически невозможно, их можно только угадать, а значит, при осуществлении ПП очень высока вероятность ошибок и напрасных затрат ресурсов.

И вообще, считает Б. Наутон, китайская политика эволюционировала за последние 15 лет в сторону, противоположную той, куда двигаются Япония, Южная Корея и другие новые индустриальные страны. В тех экономиках государство в свое время действительно «подстегивало» ускоренную индустриализацию, но сейчас эти страны, будучи уже близкими к фронтиру, все больше полагаются в генерации технологий на частные компании, тогда как в Китае, наоборот, усиливается роль государства [10, р. 15–16, 95–96]. Но так положение дел выглядит, если исходить из периодизации самого Б. Наутона, согласно которой в первые 25 лет реформ ПП в Китае вообще не существовало.

Если же смотреть на вещи более реалистично, то надо признать, что и по отраслевой направленности, и по применяемым инструментам китайская ПП в XXI в. действительно качественно изменилась, а это связано не только с выходом отраслевой структуры экономики на новый уровень, но и с достижением более высокой зрелости рыночных институтов в стране. В этом смысле для истолкования нынешней китайской ПП, по-видимому, в большей степени, чем раньше, подходит теоретическая модель, толкующая ПП как компенсацию «провалов рынка», т.е. как дополнение к уже относительно эффективным рыночным механизмам.

А вот применительно к более ранним стадиям хозяйственной эволюции Китая и других развивающихся стран такая логика вряд ли релевантна. Рынки в тех условиях еще только складываются, а значит, государственный активизм выступает не как реакция на их «провалы», а как субститут рынков как таковых, как дополнительный механизм перераспределения ресурсов в отрасли – лидеры индустриализации, который нужен в течение достаточно долгого периода времени, когда институты частного предпринимательства и рыночного саморегулирования еще только формируются.

Д. Родрик, расписавший, какие бывают «провалы рынка» исходя из общетеоретических соображений, признает, что они свойственны всем экономикам, но в развивающихся странах такие проблемы особенно остры потому, что рынки там вообще работают плохо. ПП в развивающихся странах и можно определить как компенсацию несовершенств рынков [13, р. 24]. Нельзя сказать, что утверждения Д. Родрика неверны, но они отчасти тавтологичны, а отчасти статичны: если признавать, что ПП особенно нужна тогда, когда рынки еще неразвиты, то от характеристики «провалов рынка» как неких отклонений от нормы нужно двигаться вглубь – к пониманию того, как именно рынки развиваются и становятся более зрелыми, а вследствие этого ПП или становится менее актуальной, или модифицируется. Пока такой теории стадийной эволюции и отраслевой, и институциональной структуры экономики в науке не возникнет, дискуссии о ПП, по-видимому, и дальше будут сводиться к перебору ее достоинств и недостатков, так что у каждой из сторон будет своя правда.

Список литературы

1. Пэн Юйчао, Фан И. Структурная денежная политика, совершенствование отраслевой структуры экономики и экономическая стабильность = Цзегоусин хоби чжэнцэ, чанье цзегоу шэнцзи юй цзинцзи вэньдин // Цзинцзи яньцзю. – 2016. – № 7. – С. 29–42. – Кит. яз.
2. Хань Юнхуэй, Хуан Лянсюн, Ван Сяньбинь. Способствует ли промышленная политика улучшению отраслевой структуры региональных экономик? Теоретические объяснения и эмпирическая проверка на основе опыта местных правительств, проводящих политику развития = Чанье чжэнцэ туйдун дифан чанье цзегоу шэнцзи лэ ма? – Цзиюй фачжаньсин дифан чжэнфу дэ лилунь

- цзеши юй шичжэн цзяньянь // Цзинцзи яньцзю. – 2017. – № 8. – С. 33–48. – Кит. яз.
3. Ху Хаожань. Каким образом промышленная политика влияет на показатели деятельности экспортных предприятий: естественный эксперимент, поставленный на выборке, куда были включены предприятия, действующие в зонах экспортной обработки = Чанье чжэнцэ жухэ инсян чукоу цие цзисяо – Цзюй чукоу цзягунцзюй цие янбэнь дэ чжуньцзыжань шиянь // Гоцзи маои вэньти. – 2018. – № 12. – С. 27–38. – Кит. яз.
 4. Forla K. Industrial Policy for Growth // Journal of Industry, Competition and Trade. – 2015. – Vol. 15, N 3. – P. 257–282.
 5. Heilmann S., Shih L. The Rise of Industrial Policy in China, 1978–2012 // China Analysis. – 2013. – N 100. – P. 1–25.
 6. Howell A. Picking ‘Winners’ in Space: Impact of Spatial Targeting on Firm Performance in China // Journal of Regional Science. – 2020. – Vol. 60, N 5. – P. 1025–1046.
 7. Industrial Policy and Competition / Aghion Ph., Cai Jing, Dewatripont M., Du Luosha, Harrison A., Legros P. // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2015. – Vol. 7, N 4. – P. 1–32.
 8. Lin Yifu. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development. – Washington, DC: International Bank for Reconstruction and Development/International Development Association of the World Bank, 2012.–372 p.
 9. Lo D., Wu Mei. The State and Industrial Policy in Chinese Economic Development // Transforming Economies: Making Industrial Policy Work for Growth, Jobs and Development / Salazar-Xirinachs J.M., Nubler I., Kozul-Wright R. (eds.). – Geneva: ILO, 2014. – P. 307–326.
 10. Naughton B. The Rise of China’s Industrial Policy, 1978 to 2020. – Mexico: Universidad Nacional Autonoma de Mexico, 2021. – 156 p.
 11. Pack H., Saggi K. Is There a Case for Industrial Policy? A Critical Survey // The World Bank Research Observer. – 2006. – Vol. 21, N 2. – P. 267–297.
 12. Pan Fenghua, Zhang Fangzhu, Wu Fulong. State-led Financialization in China: The Case of the Government-guided Investment Fund // China Quartely. – 2021. – N 247. – P. 749–772.
 13. Rodrik D. Industrial Policy: Don’t Ask Why, Ask How // Middle East Development Journal. – 2008. – Vol. 1, N 1. – P. 1–29.
 14. Stiglitz J. Markets, Market Failures, and Development // American Economic Review. Papers and Proceedings. – 1989. – Vol. 79, N 2. – P. 197–203.

ДЕМИДОВ К.Б.* КРИТИКА ГЛОБАЛИСТСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА ЮЖНОКОРЕЙСКИМ ЭКОНОМИСТОМ ХА-ДЖУН ЧАНГОМ

Аннотация. Известный южнокорейский экономист Ха-Джун Чанг в обзоре современного состояния мировой экономики показывает, как неолиберальные подходы, продиктованные идеологией, вступают в противоречие с реальными процессами, определяющими экономику будущего. Попытки Запада навязывать глобальному Югу заведомо провальные экономические модели выглядят особенно абсурдными на фоне экономики Сингапура с его парадоксальным соединением разных моделей.

Ключевые слова: Южная Корея; Сингапур; Ха-Джун Чанг; экономика; глобализация; неолиберализм.

DEMIDOV K.B. South Korean Economist Chang Ha-Joon about Neo-Liberal Globalism

Abstract. Renowned South Korean economist shows how value oriented and deracinated neoliberal economic theory distorts the real picture of a rapidly diverging world. Establishment economists could not foretell most severe financial crisis, yet they continue to prescribe salvation measures for the developing economies.

Keywords: South Korea; Singapore; Chang Ha-Joon; economy; globalization; neoliberalism.

Для цитирования: Демидов К.Б. Критика глобалистского неолиберализма южнокорейским экономистом Ха-Джун Чангом // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 130–145. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.07

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Актуальность экономической проблематики как нельзя более очевидно выявляется на примере масштабных изменений, происходящих на Востоке, – привлекает внимание не только головокружительное возвышение Китая, но, например, засвидетельствованная ключевыми информационными агентствами экономическая стагнация Японии (выявившаяся в схождении с третьего на четвертое место среди крупнейших мировых экономик).

Книга корейского экономиста Ха-Джун Чанга призвана внести хотя бы некоторую ясность в современную экономическую проблематику, что особенно актуально после провала неолиберальных экономических реформ в ряде стран Востока. Так случай Японии экономист считает наиболее впечатляющим примером краха неолиберальной политики. «Абеномика» (по имени премьер-министра С. Абе (2012–2020), осуществлявшаяся методами «агрессивного монетаризма» [16, с. 4], привела к «длительному и масштабному вывозу японских инвестиционных ресурсов за рубеж» в результате усугубляющейся стагнации [3].

К сожалению, Ха-Джун Чанг ограничивается лишь критикой экономического неолиберализма и не предлагает собственной теории современного экономического кризиса. Между тем такая теория как нельзя более востребована ввиду тех трансформаций, которые переживает человечество.

Как отмечает П.Ф. Друкер – не абстрактный теоретик, а бизнесмен, консультировавший крупнейшие американские компании: «У нас нет даже начатков политической теории и политических институтов, необходимых для эффективного управления обществом, основанного на знании, равно как и соответствующими последнему организациями» [12].

Отсутствие теории – в частности у Ха-Джун Чанга – отнюдь не случайно. Создается впечатление, что, выдвинув подобную теорию, этот ученый не смог бы работать в западных университетах; даже умеренная критика неолиберализма в его книгах привела к запрету некоторых из них в Южной Корее.

Диктат экономических неолиберальных экономистов (и политиков) уже привел к краху экономики как науки. По словам Дж. Харсаньи (Нобелевский лауреат по экономике 1994 г.), «экономика отказалась от своих претензий на научность и призналась,

что описывает не то, как люди действуют в реальной жизни, а то, как им следует действовать» [7, с. 375].

Данное наблюдение – а по сути дела, предостережение – было подтверждено реальностью: Р. Лукас, получивший Нобелевскую премию годом позже Дж. Харсаньи, незадолго до финансового кризиса 2008 г. заявлял, что серьезные проблемы, могущие угрожать экономике, остались в прошлом. С подобными оптимистическими прогнозами тогда же выступал и Б. Берненке. Данные просчеты неолиберального истеблишмента ярко демонстрируют либо отсутствие у него научного видения, либо сознательные попытки ввести общественность в заблуждение [10].

Неолиберализм применительно к экономике сводится к серии обанкротившихся мантр (частично прозвучавших в «Вашингтонском консенсусе»), предполагающих, что экономический рост можно обеспечить при помощи монетаризма (в кратком изложении: чем больше в экономике денег, тем выше цены; инфляция увеличивает количество денег, поэтому главное – контролировать инфляцию) и устранения государственного вмешательства в экономику (это означает свободное ценообразование, снятие заградительных торговых барьеров и ослабление контроля над рынками капитала – иными словами, всевластие спекулятивного капитала). Под общим руководством современного неолиберального мейнстрима работают неоклассические и неонституциональные экономисты. Все несогласные заносятся в списки экономической «гетеродоксии» (см.: “Routledge handbook of heterodox economics”). Доктринальная «чистота» у неолибералов ценится превыше всего – например, профессор Сёдербаум, будучи уличен в незнании последних данных, перечеркивающих его теорию, попытался защититься при помощи «общих ценностей» неолиберального характера [13].

Обезличенный, технократический подход – характерная черта неолиберализма. В своей книге Ха-Джун Чанг отмечает данную особенность, приводившую к катастрофическим последствиям во многих странах, однако он не говорит о тех случаях, когда своеобразие объекта неолиберальных экспериментов слишком значительно. Как отмечал известнейший экономист Дж. Гэлбрайт – кстати, занесенный в списки экономистов-«еретиков», – «рекомендуя ту или иную экономическую политику, мы поступим глу-

по, если станем мерить одним аршином, к примеру, Африку южнее Сахары и Индию – равно как и Индию и США. Подобная ошибка – по меньшей мере ошибка – заключается в недоучете различий между странами с регрессивной социальной структурой – таких, как Эквадор, Иран и Перу – и странами Африки, где социальная структура не входит в число первоочередных препятствий на пути прогресса» [20, с. 242]

Профессор Ха-Джун Чанг, в 1990–2021 гг. преподававший в Кембридже, в настоящее время работает в Лондонском университете. В 2003 г. он удостоился премии имени Гуннара Мюрдаля, а в 2005 – премии имени Василия Леонтьева.

Несмотря на привилегированное положение (его отец в свое время занимал пост министра промышленности Южной Кореи) и работу в ведущих западных университетах, равно как консультирование Всемирного банка и ООН, Ха-Джун Чангу не удалось избежать репрессий на родине – за критику глобализации и неолиберальных методов, распространяемых Западом, одна из его книг Министерством национальной обороны Южной Кореи была внесена в список литературы подрывного характера.

Как ученик виднейшего из британских марксистов – Роберта Роуторна – Ха-Джун Чанг со времени учебы в Кембридже уделяет значительное внимание поиску компромиссных решений, которые позволили бы сочетать преимущества свободного рынка с централизованным планированием (его докторская диссертация была посвящена государственному вмешательству в экономику).

Главные работы Ха-Джун Чанга (“Kicking away the ladder”, “Bad Samaritans: the myth of the free trade and the secret history of capitalism” и др.) полемически заострены против либеральных экономистов, трактующих экономику так, будто она может существовать вне реального политического развития – сам он подчеркивает центральную роль социально-политических факторов в формировании той или иной экономической повестки. На деле западная политика по отношению к глобальному Югу изначально демонстрировала обратное тому, что проповедают либералы, а именно: она была сознательно и продуманно направлена на то, чтобы лишить развивающиеся страны возможности догнать развитые, а либеральные методы (приватизация, борьба с государственным вмешательством в экономику, анти-инфляционные меры

и т.д.), навязываемые при содействии ВТО, МВФ и ВБ, приводят к экономической стагнации – в доказательство Ха-Джун Чанг приводит примеры более высокого роста ВВП в развивающихся странах до начала либеральных реформ.

В книге «Съедобная экономика. Простое объяснение на примерах мировой кухни» [10] Ха-Джун Чанг дает собственное объяснение притягательности неоклассических / неолиберальных экономических воззрений. Дело в том, что большинство экономистов мейнстрима стали продвигать представление, что важнейшее место принадлежит изучению вопросов потребления (и, следовательно, проблематике выбора продукта, манипуляций покупателем при помощи рекламы, имиджа компаний и т.д.); производство в результате было приравнено к черному ящику, где совершается комбинация абстрактного труда и абстрактного капитала, так что понимание структуры завода, методов управления и технологий там применяемых (равно как и лежащих в основе последних научных исследований) отходит на второй план.

Кроме того, вследствие подобной переоценки роли потребления в западной экономической науке возобладала примитивная и односторонняя точка зрения, согласно которой деньги равнозначны экономической деятельности. Согласно этому воззрению деньги – это символ того, что другие представители общества что-то должны вам отдать; в расширенном смысле – это символ претензий на определенные объемы ресурсов. Соответственно, логичным представляется вывод о том, что Запад, обладающий колоссальными финансовыми возможностями, имеет право выдвигать требования ко всему остальному миру, который «виноват уж тем», что подобными средствами не располагает (иначе говоря, если ты такой бедный – твое место среди рабов). Данное мировоззрение, положенное в основание экономики, Ха-Джун Чанг рассматривает как корень всех современных проблем – он ссылается на классическое эссе Л. Роббинса «О природе и значении экономической науки» (1932), показавшего, что экономика не может быть сведена лишь к деньгам [10].

В книге «Как устроена экономика» Ха-Джун Чанг продолжает развивать данную точку зрения – правда, в завуалированной форме, чтобы не навлечь на себя гнев экономического мейнстрима.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что экономическая теория превратилась в часть политики, а экономические воззрения, как правило, определяются политическими убеждениями / принадлежностью того или иного экономиста – в результате «партийные» экономисты не столько проясняют, сколько искажают общую картину происходящего [9, с. 294].

Данная особенность своими корнями уходит в отдаленное прошлое – так, Ха-Джун Чанг отмечает тот факт, что классическая школа возникла как своего рода вероучение – большинство экономистов объединила вера в законы Сэя [9, с. 80]. Подобным образом их современные наследники верят в обязательность некоего «естественного состояния» экономики [9, с. 250], подрываемого, с их точки зрения, вмешательством государства. Так, они продолжают настаивать на истинности теории сравнительных преимуществ, выдвинутой еще Д. Рикардо, однако ключевой в этом случае является их заинтересованность в уничтожении протекционизма и ускорении технологического превосходства Запада.

Миф о рынке как экономической панацее уже подорван внутри США. Так, экономисты неоинституциональной школы указывают на то, что рынок – слишком дорогая «игрушка» по причине слишком высокой стоимости информации и обеспечения исполнения контрактов – выгоднее прибегать к иерархии команд внутри организации [9, с. 109]. В свою очередь экономисты бихевиористской школы отмечают, что де-факто рынок в США – лишь малая часть экономики; 80% экономической деятельности осуществляется внутри организаций (компаний и правительства). [9, с. 112]

Между тем, как отмечает Ха-Джун Чанг, расхождение неолиберальных / неоклассических теорий с реальностью уже не удастся игнорировать – так, даже ярый защитник экономического либерализма и «апостол» глобализации М. Вульф начал выражать сомнения относительно целесообразности свободного притока иностранного капитала на контролируемые США рынки [9, с. 294].

Данные подвижки продиктованы колоссальными изменениями – по сути дела, возникновением принципиально иной экономической системы, сформированной ТНК и финансовым капиталом. Предсказание К. Маркса о всевластии монополий сбылось: «Стремительный рост недружественных поглощений изменил всю

корпоративную культуру в США» [9, с. 65]. Под влиянием данных трансформаций кембриджский профессор Питер Нолан (кстати, имеющий тесные связи с правительственными кругами Китая) даже стал говорить о «революции международного бизнеса» [9, с. 294]: слияния компаний и поглощение одних компаний другими приводят к абсолютному доминированию крупных игроков (таких как, например, «Боинг»).

Национальные правительства, задумывающиеся о судьбах своих стран де-факто давно отреклись от навязываемых МВФ «постулатов»; чтобы сохранить на плаву собственную экономику, они преимущественно увеличивают вложения в уже существующие крупные предприятия, чтобы тем самым увеличить их конкурентоспособность на международной арене (как это начинает происходить в Японии, ставшей одной из самых заметных жертв экономического неолиберализма).

Ха-Джун Чанг не устает разоблачать неолиберальные мифы об экономике – так, один из главных неолиберальных постулатов гласит, что следует всемерно заботиться о пресловутом инвестиционном климате. Между тем прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – крайне опасная для экономики вещь, так как быстрый отток капитала в соответствии с капризами инвесторов вполне способен нанести непоправимый вред экономике. По этой причине вменяемые правительства тем или иным способом стремятся «связать» инвестиции, затруднив их бегство. Некоторые из наиболее развитых стран склонны относиться к данному экономическому инструменту с недоверием – так, на долю Японии, с ее 12% мирового ВВП, приходится лишь 0,7% мировых ПИИ [9, с. 286] (бегство собственно японских капиталов из страны обусловлено другими причинами).

Примеру Японии следуют такие успешные экономики, как корейская, тайваньская и финская, где приток ПИИ принято ограничивать, пока у местных компаний нет достаточного запаса устойчивости. Вкупе с данными мерами идут государственные вложения в научные исследования и разработки (более 3% от ВВП в Финляндии и Южной Корее), обеспечивающие ускоренный рост в высокотехнологических областях экономики (для сравнения: Китай – 1,5%, Кения – 0,5%, Индонезия – 0,1% (2009)) [9, с. 170].

В отличие от развитых экономик развивающиеся страны не смогли противостоять «катку» неолиберализма – Ха-Джун Чанг показывает, как неолиберальные реформы привели к их деиндустриализации, хотя, казалось бы, пример Великобритании, в эпоху Маргарет Тэтчер резко ослабившей контроль над движением капитала и запустившей широкомасштабную приватизацию – и в результате получившей многочисленные и долговременные экономические проблемы, – должен был бы послужить хорошим уроком.

Впрочем, как уже было отмечено выше, экономика все чаще рассматривается сквозь призму собственных предпочтений – кризис 2008 г. показал, что даже искушенные финансовые игроки легко становятся жертвами как собственной убежденности в том, что еще существуют какие-то «правила приличия», так и экономических сетей, расставленных им подобными – даже уважаемые в финансовой среде люди приобрели «плохие» финансовые продукты, в основу которых были положены сотни тысяч рискованных ипотечных кредитов, но которые продавались как нерискованные. Интересно и то, что незадолго до кризиса Б. Берненке (руководивший ФРС США в 2008–2014) с гордостью заявлял, что экономика наконец-то преодолела цикл бум-спад, так что никаких серьезных потрясений не ожидается [9, с. 285].

С провалами неолиберализма контрастирует успех экономики Сингапура, настолько своеобразной, что, по мнению Ха-Джун Чанга, не существует экономической теории, способной описать данный феномен – 22% национального продукта здесь производится государственными предприятиями, а 85% жилья предоставляется через агентства правительством [9, с. 34].

На успехи Сингапура ссылаются экономисты девелопменталистской школы (уделяющей внимание не столько положительному сальдо торгового баланса, сколько продвижению высокопроизводительной хозяйственной деятельности посредством правильных мер политического характера). Данная школа восходит к Альберту Хиршману, отметившему, что некоторые отрасли промышленности (автомобильная, сталелитейная и т.д.) более, чем прочие, способствуют возникновению новых связей с другими отраслями и тем самым стимулируют экономический рост [9, с. 94]. Неолиберальные экономисты предпочитают обходить пример Сингапура молчанием.

К сожалению, Ха-Джун Чанг лишь вскользь говорит о корнях современных проблем – между тем растущая оторванность неолиберальных экономистов от реальности в значительной мере должна быть отнесена на счет основоположников современной экономической мысли – в частности, А. Смита. Рассмотрение экономики как «механизма» – а не как динамически развивающегося организма – и привело к той «палеолитической тенденции игнорировать любую далекую вероятность, не требующую пока изучения», которая, по мнению Н.Н. Талеба, столь характерна для современного Запада [7, с. 361]. Данная тенденция, в свою очередь, – побочный продукт того самодовольства, которое было возведено доктриной «конца истории» – Запад якобы настолько хорош, что никаких изменений более не требуется. Подобные утопические воззрения имеют к А. Смигу самое непосредственное отношение [17]. Финализм, свойственный А. Смигу (как и прочим мыслителям того времени – вспомним хотя бы Гегеля), в свете последних исследований предстает как результат утопического плана переустройства общества на новых началах (интересно отметить, пресловутая «невидимая рука» у А. Смита – это вовсе не рынок, а Провидение) [6]. Данный финализм становится особенно понятным в свете исследований Э. Гидденса, показавшего, что для Запада характерно дискретное понимание времени: прошлое трактуется как нечто отдельное от настоящего, более того – как нечто постыдное; однако «просвещенные» наследники не несут за него ответственности именно в силу своей «просвещенности», якобы придающей им новое качество. Если продолжить эту мысль, то получится, что «качественно новый» Запад – по определению отдельный от прочего мира – должен поучать последний и господствовать над ним.

Интересно отметить, что А. Смит – как и его наследники – совершенно не принимал во внимание, что возведенное им «богатство народов» – вовсе не плод коммерции, но результат ограбления тех, кого Запад рассматривает как «недонароды».

Аналогичным образом современные экономисты не отдают себе отчет, что мировая экономика – это не «вещь в себе» и не просто объект изучения, на который можно воздействовать при помощи приборов и реагентов, а открытая саморазвивающаяся система (вспомним «аутопоэзис» Н. Лумана), в основе которой –

свобода человека: ни индеец, ни китаец не станет спрашивать у Запада, как ему следует жить и более никому не позволит сделать себя игрушкой финансовых манипуляций.

Следует помнить также, что современная экономика – результат социальной революции, приведшей к возвышению среднего класса на Западе (М. Пикетти). Именно средний класс и был главной движущей силой экономических преобразований – это он создавал спрос, порождал моду (Т. Веблен), выдвигал требования к правительствам – не останавливаясь перед революционными действиями в отношении последних. Средний класс «подарил» миру Наполеона и Гитлера.

Однако иллюзии и ожидания среднего класса – питавшие и А. Смита – оказались растраченными: «драйв» исчез – наступила «эпоха разрыва», возвещенная П.Ф. Друкером. Речь идет, прежде всего, о разрыве связей как в обществе, так и в экономике. Об этой, ключевой для настоящего времени, тенденции Ха-Джун Чанг также умалчивает.

Интересно отметить, что разрыв связей – один из симптомов феномена многополярности – не только и не столько на международном уровне, сколько на социальном и психологическом: если прежде все в обществе стремились по мере возможностей подражать богачу и капиталисту (отметим, что феодалам никто подражать не стремился), то для вновь нарождающихся общественных групп характерна «самодовлеющая» стилистика: ориентируются теперь не на нечто внешнее, а на то, что опознается как «свое» – даже если таковое возникает «за рубежом» (во всех смыслах). Логичным становится разрыв связей с «чужеродным» (даже если это – твои соплеменники). По сути, речь идет о крушении прежних «воображаемых сообществ» и возникновении новых. «Общество знания», предсказанное Друкером, – лишь одна из сетей таких сообществ, имеющих свои особенности, которые могут сыграть колоссальную роль в экономике.

Так, вполне вероятно, что одним из последствий подобного разрыва связей стало замедление темпов научно-технического прогресса, отмеченное многими исследователями. Данный процесс, начавшийся уже в начале XX в. [1], стал беспокоить американских ученых в середине столетия [15]. В настоящее время даже Швеция, еще недавно лидировавшая в данной области, начала за-

метно сдавать позиции [18]. Друкер предупреждал об опасности косности, грозящей «обществу знания», – университеты и подобные организации легко могут стать жертвами преимущественного внимания, уделяемого рейтингам, званиям и количественным показателям. Академик В.А. Крюков и П.Н. Тесля называют данную болезнь «импактологией» – ее вызывает воздействие на науку технократических методик и принципа «публикуй или умри» [4].

Данные процессы взаимосвязаны: растущая независимость (также следствие разрыва связей) организаций, о которой говорил Друкер, равно как и то, что теперь именно они превращаются в фокус успеха и достижений (профессионалы, в них работающие, могут сделать нечто значительное лишь сообща), приводит, с одной стороны, к сосредоточенности на количественных показателях (которые и должны наглядно продемонстрировать успех), а с другой – к оторванности от более общей проблематики, ухода в область мелких улучшений, оптимизаций, «фактов и фактиков»,

Ха-Джун Чанг упускает из внимания и тот факт, что современная экономика – лишь побочный продукт изменения социальной структуры, начавшегося в XIX в. Применительно к экономике эти изменения были суммированы Друкером в работе «Эпоха социальных трансформаций» [12].

Речь идет о структурных подвижках в обществе, обусловивших современную экономику. Так, «с распространением фабричного производства город превратился в фокус роста населения» (до середины XIX в. рост населения в городах обеспечивался за счет сельской округи). Таким образом, данное развитие городов было подобием упомянутого выше современного становления организаций как фокуса развития.

«Общество организаций» также начинает зарождаться в то время: люди бежали из сельских общин на городские фабрики (прообраз организаций): «В тех случаях, когда община была не чем иным, как судьбой, организация означала лишь добровольное членство... В течение двухсот лет продолжался жаркий спор – особенно на Западе – являются ли сообщества “органическими” или же они лишь расширение функций тех людей, которые их составляют? Едва ли кто-нибудь станет утверждать, что новые организации являются “органическими”. Совершенно очевидно, что

это – артефакт, творение человека, продукт социальной технологии» [12].

«Артефактность», «самоизобретение» – вот что принципиально отличает организации от общин. Тогда же широкое распространение получают основанные на знании сообщества специалистов: «Общество знания – это общество, в котором большее число людей, чем когда-либо до того, может добиться успеха», однако «в обществе знания...индивид – это точка стоимости, а не успеха, поскольку лишь при условии организации последний может быть достигнут» [12]. Таким образом, структурные особенности «общества организаций» и «общества знания» оказывают огромное влияние на экономическое поведение индивида, хотя это пока не столь очевидно, как их влияние на экономику в глобальном масштабе: «Снижение уровня занятости в американской промышленности (с 30–35% до 15–18%) практически никак не связано с перемещением производства в страны с низким уровнем заработной платы. Сравнительное преимущество, имеющее значение в настоящий момент, – это успешное применение знания...» [12].

Значительность числа тех, для кого специализированное знание станет путевкой в новую жизнь, однако, уравнивается не меньшим числом потерпевших неудачу (отсюда – риск «социальных болезней» – алкоголизма и т.д.). Здесь, по Друкеру, вступает в свои права неправительственный социальный сектор – некоммерческие организации (в США они не облагаются налогами), а это позволяет большему числу людей ощутить себя согражданами. «В начале 1990-х годов в США около миллиона общественных организаций были зарегистрированы как некоммерческие и благотворительные, т.е. выполняющие работу в социальном секторе» [12].

Важно также понимать, насколько революционными – потенциально опасными – являются данные новшества. Исторически государства сделали все возможное, чтобы поставить под свой контроль прообразы современных организаций – церковь и университет. Однако в конце XIX в. появился целый ряд институтов (крупные промышленные предприятия, профсоюзы, госпитали, исследовательские институты), с которыми справиться было уже не так просто. Все подобные организации и институты вовсе не

стремятся к обладанию властью – по Друкеру, они озабочены лишь тем, в чем они усматривают собственную миссию.

Однако данная особенность также может стать угрозой для общества: «В “обществе организаций” не существует ни одной интегрирующей силы, которая могла бы сплотить отдельные организации... в коалицию. Традиционные политические партии... более не в состоянии интегрировать различные группы и расходящиеся мнения, чтобы в итоге могло возникнуть объединенное стремление к обретению власти. Напротив, они превратились в поле боя отдельных властных группировок, стремящихся добиться абсолютной победы и готовых удовлетвориться лишь полной капитуляцией противника» [12].

Ценностные ориентиры все более определяют общество и экономику. Друкер отмечает парадоксальность ситуации: средства массовой информации все еще склонны рассматривать все, что происходит в мире, с экономической точки зрения; тем временем лоббисты, определяющие реальную деятельность государства, руководствуются вовсе не экономическими интересами, а тем, что им представляется высшей ценностью, «святыней»: «Образно говоря, разделить пирог для них – это не компромисс, а предательство» [12]. Именно ценностный подход уже обусловил, по Друкеру, упадок американского образования.

Возникновение «общества знания» и «общества организаций» уже дало себя знать на Востоке. Так, японские, корейские – а теперь и китайские – компании уверенно обгоняют американские благодаря лучшей организации производства и повышения уровня наукоемких составляющих последнего. Данная проблематика бесконечно далека от насаждаемой неолибералами идеологии «квалифицированного потребителя» – этакого «прекрасного дикаря» в духе Руссо, а точнее – биоробота, который бы соответствовал уже готовым (но плохо работающим) экономическим моделям. Абстракция «homo economicus», любой ценой стремящегося к максимизации прибыли, выглядит особенно нелепой в свете открытия Канемана и Тверски, показавших, что рациональность даже в пределах западной модели не может рассматриваться как константа.

Возникновение «общества организаций» – с их расходящимися ценностными системами – делает крайне необходимым су-

щественный пересмотр подходов к экономике и политике, которые все еще рассматриваются как изолированные феномены.

Между тем уже Питирим Сорокин отмечал признаки наступления новой эпохи (в его терминологии «идеационной»), когда все аспекты социума – в том числе и формы экономической деятельности (торговля, собственность, рента, экономические связи и т.д.) – могут подпасть под существенное, даже кардинальное, влияние ценностных ориентиров (как это было в Средние века):

«Идеационное право...совершенно не руководствуется соображениями пользы, выгоды, целесообразности и чувственного благополучия даже в таких утилитарных делах, как производство, обмен и потребление экономических ценностей.... Все они подчинены идеационным нормам и допустимы до тех пор, пока не противоречат идеационным ценностям. Если они вступают в противоречие с этими нормами и ценностями, то они либо отрицаются, либо запрещаются и становятся наказуемыми вне зависимости от их полезности для общества или заинтересованности вовлеченных во взаимодействие сторон» [5, с. 496].

Культивирование собственных ценностных систем (кстати, абсолютно «идеационного» характера) – общая черта всех случаев успешной модернизации на Дальнем Востоке и в Южной Азии; еще более интересной представляется распространенная здесь страсть к гибридизации, давшей поразительные результаты в экономике.

Так, упомянутый выше пример Сингапура – показатель набирающей силу тенденции гибридизации: в отличие от доктринальной чистоты повсюду провалившегося неолиберализма более успешные экономические модели вырастают на почве совмещения, казалось бы, несовместимых вещей. Успехи азиатских стран отнюдь не случайны – дело в том, что им удалось выработать отношение к жизни, наиболее отвечающее требованиям современности: «Прошлое и будущее в восточно-азиатской Модерности комбинируется с настоящим в единое целое» [14, с. 128]. Современные исследования демонстрируют, что именно страсть к гибридизации, определившая жизненную стилистку южных корейцев, стала базой экономической стратегии, оказавшейся на редкость выигрышной в самых разных областях [11].

Чтобы получить представление о том, как может проявляться данная особенность, упомянем такое явление – быстро оброщаемое коммерческими интересами, – как «слэш фикшн».

«Слэш фикшн» (по англ. наименованию черточки / на клавиатуре) – молодежная ЛГБТ-субкультура, возникшая в США после выхода на экран сериала «Стар трэк» в 1970-е годы. В Китае «слэш» обрел новую жизнь, со временем превратившись в бизнес-активность. Изначально он получил распространение в Поднебесной в 1990-е годы как «транснациональная субкультура молодых женщин, создающих, распространяющих и оценивающих литературные истории о мужских гомосексуальных отношениях» [19, с. 227].

Хотя правительство и пыталось с ней бороться, обвиняя новых авторов в аморальности, «в китайском Интернете образовалась, по сути дела, новая среда, энергия которой буквально бьет через край, охватывая мир, находящийся в “офлайн”» [19, с. 265] – участники субкультуры продают собственную продукцию, устраивают выставки, проводят встречи и семинары.

Превращение «слэша» в новый вид бизнеса лишний раз показывает, насколько неожиданным может быть новое экономическое развитие. Иногда последнее может приобретать и довольно угрожающие очертания. Так, экспорт Китаем технологий контроля уже начинает вызывать опасения специалистов: «Наиболее пугающие аспекты экспорта Китаем средств правительственной слежки проявлялись в странах со слабой государственностью» [8, с. 303], что в очередной раз подчеркивает важность государственного участия в экономике.

Осознание реальности как нельзя более актуально – мало того, что господствующие ныне экономические воззрения до сих пор не пересмотрели утопические в своей основе теории Дж. Смита – само представление о «свободном рынке» – не что иное, как перенесение в область экономики идеи «естественного» развития (в духе Просвещения) – а затем и дарвинизма.

Список литературы

1. Дерри Т., Уильямс Т. Краткая история технологий. – Москва: Центрполиграф, 2013. – 831 с.

2. Друкер П.Ф. Эпоха разрыва. Ориентиры для меняющегося общества. – Москва: Вильямс, 2007. – 325 с.
3. Жаркова Е.В. Политико-экономические причины экспорта капитала и многолетнего упадка в Японии // iPolytech Journal (Вестник Иркутского государственного технического университета). – 2010. – № 2. – С. 56–58.
4. Крюков В.А., Тесля П.Н. Что замедляет научный прогресс? // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2022. – № 1. – С. 8–34.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – Москва: Издательство политической литературы, 1992. – 543 с.
6. Сухих В.В. Утопия политической экономии физиократов и А. Смита // Журнал экономической теории. – 2007. – № 2. – С. 129–150.
7. Талейб Н.Н. Одураченные случайностью. О скрытой роли шанса в бизнесе и в жизни. – Москва: Колибри, 2024. – 400 с.
8. Фасман Дж. Общество контроля. Как сохранить конфиденциальность в эпоху тотальной слежки. – Москва: Бомбора, 2023. – 386 с.
9. Чанг Ха-Джун. Как устроена экономика. – Москва: Миф, 2024. – 320 с.
10. Чанг Ха-Джун. Съедобная экономика. Простое объяснение на примерах мировой кухни. – Москва: Манн, Иванов и Фарбер, 2023. – 337 с.
11. Breen M. The new Koreans. The Story of a Nation. – London: Penguin, 2017. – 462 p.
12. Drucker P.F. The Age of Social Transitions // Atlantic Monthly. – 1994. – Vol. 274, N 5. – P. 53–80.
13. Complexities in Economics. A Conference from WEA., 2 nd October to 7 th December 2017. – URL: <https://economicphilosophy2017.weaconferences.net/>
14. Jacques M. When China Rules the World. – London: Penguin, 2012. – 812 p.
15. Lawler O., Collen J. Rate of Scientific Breakthroughs Slowing Over Time: Study. – URL: <https://phys.org/news/2023-01-scientific-breakthroughs.html>
16. Noboru Ogino. Government Decides “Action Plan for the Realization of Work Style Reform” // Japanese Labor Issues. – 2017. – Vol. 1, N. 1 – P. 3–6.
17. Paganelli M. The Utopian Dimension in the Philosophy of Social Betterment in Adam Smith // Nova Economia. – 2021. – Vol. 31, N 1. – P. 87–104.
18. Sanandaji N. Sweden Risks Falling Behind the Technological Race. – URL: <https://www.newgeography.com/content/007981-sweden-risks-falling-behind-tech-nology-race>
19. Tian Xiaofei. Slashing the Three Kingdoms: A Case Study in Fan Production on the Chinese Web/Modern Chinese Literature and Culture // Columbus. – 2015. – Vol. 27, N 1. – P. 224–277.
20. Galbkght J.K. Economics, peace and laughter. N.Y.: “Meridian Books”, 1952, 382 p.

МАКСИМОВ А.А.* ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ПРОВИНЦИИ ОВАРИ В «ОВАРИ МЭЙСЁ ДЗУЭ»

Аннотация. Появление литературного жанра «мэйсе дзуэ» (XVIII в.) связано с объективными политико-экономическими процессами, которые происходили в Японии в эпоху Токугава. Урбанизация, относительная внутривластная стабильность, развитие инфраструктуры, внутренней торговли, распространение образования – все эти факторы позволили японцам того периода совершать путешествия как реальные, так и «виртуальные». Под «виртуальными» следует понимать путешествия по тому или иному маршруту по страницам «мэйсе дзуэ», снабженного кратким комментарием и проработанными иллюстрациями. «Овари мэйсе дзуэ» позволяет рассмотреть географию провинции Овари не только с физической (природные объекты, рельеф) и административной (деление на уезды), но и с экономической (хозяйственная деятельность, товары-«мэйсан») точки зрения. Обилие культовых объектов и упоминание празднеств открывают исследователям возможности изучить сакральную географию провинции, хотя бы фрагментарно реконструировать религиозные представления в провинции.

Ключевые слова: историческая география; история Японии; эпоха Эдо; мэйсе дзуэ; провинция Овари.

MAXIMOV A.A. Features of the Geographical Description of Owari Province in “Owari Meisho Zue”

* Максимов Алексей Александрович – младший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. The emergence of the meisho zue genre is connected with objective political and economic processes that took place in Japan during the Tokugawa era. Urbanisation, relative internal political stability, infrastructure development, domestic trade, and the spread of education – all these factors allowed the Japanese of that period to make both real and “virtual” journeys. By “virtual” we mean travelling along a particular route through the pages of a meisho zue, complete with brief commentary and elaborate illustrations. The “Owari meisho zue” allows to consider the geography of Owari province not only from the physical (natural objects, relief) and administrative (division into districts), but also from the economic (economic activities, goods “meisan”) point of view. The abundance of religious sites and the mention of festivals open up opportunities for researchers to study the sacred geography of the province and to reconstruct religious beliefs in the province, at least in fragments.

Keywords: historical geography; Japanese history; Edo period; meisho zue; Owari province.

Для цитирования: Максимов А.А. Отличительные черты географического описания провинции Овари в «Овари мэйсе дзуэ» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 4. – С. 146–159. – DOI: 10.31249/rva/2024.04.08

В Японии с древности существовали различные формы описания пространства. Будь то художественная литература («Ямато моногатари») или религиозная дидактическая литература («Нихон Рё: ики»); в них упоминаются определенные топонимы. Они часто выступают как средства художественной выразительности, а иногда как структурообразующий элемент повествования. Традиционно при изучении истории останавливаются только на одном измерении – «времени», уделяя меньшее внимание «пространству». А ведь «место» в любой культуре – результат сложного и долгого процесса самовыражения, изучения самого себя. Восприятие мира – важный аспект, который помогает исследователю в понимании особенностей изучаемой эпохи. Как отмечал Ю.М. Лотман, «возникнув в определенных исторических условиях, оно [понятие географического пространства. – *Прим. авт.*] получает различные

контуры в зависимости от характера общей модели мира, частью которого является» [1, с. 254].

Безусловно, японская традиция описания пространства наследовала китайской. В Древнем Китае жанр *Дифан чжи* (地方志 (方志) «описание земель / местностей») существовал со времен воцарения династии Хань. *Дифан чжи* касались и географии, и истории местности, при этом, по меткому замечанию Б.Г. Доронина, «строго говоря, не являлись ни тем, ни другим» [2, с. 150]. В состав таких описаний входили различного рода материалы (как карты, так и тексты), затрагивающие отдельные аспекты: население, история, география, отношения с «варварскими» племенами. Цель *Дифан чжи* заключалась в том, чтобы поддержать власть императора, закрепив за ним описанные территории.

В Японии в период формирования централизованного государства политическую систему с ее структурными особенностями заимствовали из Китая. По приказу государыни Гэммэй в 713 г. была начата работа по составлению описаний местности каждой провинции, которые впоследствии в исторической литературе стали именоваться «Фудоки». В эпоху Хэйан и Камакура возникает особое направление в литературе, по своему характеру схожее с современными травелогами – путевыми очерками, в основе которого лежит художественно переработанное путешествие автора. Однако путеводителями как таковыми назвать их нельзя. На первый план выходит внутренний мир героя, а не внешний, его окружающий. К XVIII в. в Японии сложился новый жанр – «*мэйсе дзуэ*» (名所図会), в котором объективные сведения о географии определенной провинции сосуществовали с художественными образами, отсылками к литературе и историческим событиям.

Эпоху Эдо (1603–1868) принято считать временем относительного спокойствия и стабильности. Окончание эпохи междоусобных войн отразилось в разных сферах жизни. Например, в Японии бурно шла урбанизация: в первой половине XVII в. увеличивалось число так называемых приамковых городов (城下町, дзе: камати), а с 1640-х годов активно развивались такие города, как Эдо и Осака. Для снабжения города Эдо, где располагалась ставка сёгуна, требовалась развитая инфраструктура: с середины XVII в. начинают строить дороги, при них учреждаются почтовые станции. Также в это время рос уровень грамотности населения.

Отмечается, что к концу XVIII в. почти 100% самураев, а также 50–80% торговцев и 40–60% ремесленников были грамотными. В эту статистику входили те, кто мог написать свое имя и прочесть легкий текст [3]. Как следствие, возникает явление массовой литературы, доступной широким слоям городского населения. Беллетристика как литературное направление активно развивалась в Японии с середины XVIII в. и получила название литературы *гэсаку* (戯作), что можно перевести как «сочинения для развлечения».

В 1635 г. Япония официально закрылась для иностранцев, и наступил период, именуемый «сакоку» (鎖国, дословно с яп. «страна на цепи»). В этот период зарубежная торговля была затруднена. Из европейцев она велась исключительно с голландцами через единственный город-порт Нагасаки, с корейцами через Цусима и с китайцами через острова Рюкю. Такая частичная изоляция от внешнего мира способствовала расцвету внутренней торговли, что, в свою очередь, повлияло на мобильность населения внутри страны.

Путешествия из одного края в другой, паломничества стали приобретать массовый характер. Одно из самых главных и наиболее массовых паломничеств в эпоху Эдо считалось *Исэ-маури* (паломничество в Великое святилище в Исэ), также встречающееся в литературе под названием *О: кагэ-маури*. Своего пика по числу участников подобные паломничества достигли в начале XVIII в. Известный японский ученый, представитель направления национальной науки *кокугаку* Мотоори Норинага в своем сочинении «Тамагацума» указывал, что в 1705 г. в день через его родной город Мацусака проходило до 100 тыс. человек [4, с. 65–66]. Норинага не был живым свидетелем описываемых событий. Он написал свой труд на несколько десятков лет позже, поэтому вкупе с неточностью измерений, эти оценки вряд ли отображают действительность. Но этот пример хорошо иллюстрирует масштабность подобных путешествий.

В условиях возросшей мобильности разных слоев населения появляется необходимость в картах, описаниях местности и дорог, путеводителях, которые определенные слои населения уже могли прочитать. Расцветает литература о путешествиях и появляется схожий с европейскими образцами того же времени роман-

путешествие «На своих двоих по тракту То: кайдо:». В случаях, когда нельзя было отправиться в путь самому, благодаря иллюстрациям и краткому комментарию путеводителя *мэйсе дзуэ* стало возможным совершить виртуальное путешествие. Под «виртуальными» следует понимать путешествия по тому или иному маршруту по страницам *мэйсе дзуэ*, снабженного кратким комментарием и проработанными иллюстрациями. В своей статье я предлагаю рассмотреть описание провинции «Овари-но кун».

Провинция Овари, сыграла значимую роль в истории Японии. Она располагалась на важном паломническом маршруте в святилище Исэ и тракте То: кайдо:, соединяющих столицу Киото и ставку сёгуна в Эдо. Территория провинции впервые упоминается в связи с неудачным Восточным походом мифического героя-полководца Ямато Такэру, сына императора Кэйко:. В 7-м свитке «Нихон секи» сказано, что меч *Кусанаги-но цуруги*, который всегда при себе носил Ямато Такэру, после его смерти стал храниться здесь, в святилище Ацута [5, с. 253]. Как указывают «Записи о происхождении Великого храма Ацута», меч был преподнесен супругой Ямато Такэру Миядо-химэ [5, с. 452]. Меч *Кусанаги-но цуруги* является одной из трех священных регалий императорской семьи. Святилищу Ацута особое внимание оказывал государь Годайгу, с почтением относились сегуны Асикага и Токугава.

Из провинции Овари происходят известные деятели периодов Сэнгоку и Адзуты-Момояма – Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Отсюда берет начало процесс объединения Японии после десятилетий непрекращающихся междоусобиц. С ней связан и род Токугава. После основания третьего сегуната в качестве дайме Нагоя был назначен девятый сын Токугава Иэасу – Токугава Ёсианао. Его потомки, как и потомки двух младших братьев Ёринобу и Ёрифуса из Кии и Мито, составляли *госанкэ* – три боковые ветви дома Токугава, из которых, если главная линия прерывалась, выбирали нового сёгуна.

Немаловажно, что в период Эдо дом Токугава из Овари был богаче других двух родов *госанкэ*. Годовой доход княжества составлял около 619 500 коку риса¹. Во многом это объясняется пло-

¹ *Коку* – традиционная японская мера емкости, приблизительно равная 180 литрам. 1 коку риса весит около 150 кг. В системе налогообложения эпохи Эдо коку также выступал как мера урожайности податного поля. 619 500 коку риса ≈ 92 925 000 кг ≈ 92 925 т

дородными почвами. К тому же провинция расположена на берегу залива Исэ, что сказалось на развитии рыболовства и торговли. Также провинция была известна своим производством фарфора, монополией на продажу которого владел дом Токугава. В конце эпохи Эдо был создан своеобразный путеводитель по провинции – «Альбом достопримечательностей провинции Овари» («Овари мэйсе дзуэ») [6; 7].

Ко времени создания «Овари мэйсе дзуэ» уже были изданы несколько подобных путеводителей-альбомов, так что жанр переживал свой расцвет. Первое издание в жанре *мэйсе дзуэ* – «Мияко мэйсе дзуэ» было посвящено столице¹ и опубликовано в 1780 г. Затем начался настоящий «бум»: были выпущены подобные путеводители по разным провинциям, городам и даже странам, например Китаю. «Овари мэйсе дзуэ» создавался на протяжении трех лет (1838–1841), и первые семь свитков были изданы в 1844 г. Затем из-за финансовых проблем выпуск был приостановлен. Оставшиеся шесть свитков были доизданы лишь в 1880 г. Авторы текста – ученый из провинции Овари Окада Кэй (1780–1860) и страж моста Бивасима-хаси Ногуты Митинао (1785–1865), целью которых было составить наиболее полный на их взгляд список достопримечательностей провинции с богатой историей. Проиллюстрировал Одагири Сюнко: (1810–1888).

Эта книга была так называемой «массовой литературой», что косвенно понятно по языку. Большая часть «Овари мэйсе дзуэ» написана на новояпонском языке². Определенного объективного алгоритма для отбора достопримечательностей не было. Скорее всего, выбор был субъективным, и в том числе основывался на перечислении географических объектов, уже упомянутых в известных авторам трудах. Список всех трудов, которыми руководствовались составители указан в конце последнего свитка. Там

¹ Мияко переводится с японского как «столица» и означает город Киото.

² В специальной литературе идет дискуссия, как называть японский язык периода Токугава в профессиональной среде. Японские исследователи фиксируют небольшие изменения в языке и выделяют несколько подвидов. Отечественная школа фокусируется на крупных вехах, из-за чего считается более схематичной. В нашем исследовании мы будем использовать терминологию, устоявшуюся в отечественной профильной литературе (Более подробно см.: [8]).

перечислено 836 различных источников, начиная с хроник Кодзики и Нихон секи и заканчивая указами правительства бакуфу.

«Овари мэйсе дзуэ» состоит из 13 свитков, которые разделены на два тома (по времени выпуска). Провинция Овари включала восемь уездов. Каждому уезду посвящено разное количество свитков. Например, уезду Айти посвящено пять свитков, тогда как уезды Кайто: и Кайсай делят один на двоих. Вероятно, такое распределение тесно связано с естественной неравномерностью расположения достопримечательностей. В уезде Айти достопримечательностей больше, чем в любом другом из семи уездов. Как можно увидеть из данных табл. 1, наибольшее число объектов и иллюстраций сосредоточено именно там (528 объекта, 169 иллюстраций). На это есть две причины. Во-первых, Нагоя, главный город провинции и центр княжества Овари, располагался в этом уезде. Следовательно, именно там была сосредоточена политическая, экономическая и культурная жизнь всей провинции. Во-вторых, именно в Айти находилось одно из крупнейших японских святилищ Ацута-тайся. Третий свиток полностью посвящен только ему.

Описания в этих 13 свитках сопровождают 413 иллюстраций. Соотнесение уездов, топонимов, иллюстраций со свитками представлены в таблице ниже.

Таблица 1

Распределение уездов, топонимов, иллюстраций по свиткам

№ свитка	Уезд	Количество упоминаемых объектов	Количество иллюстраций
1.1	Айти	130	37
1.2	Айти	132	42
1.3	Айти	22	20
1.4	Айти	77	25
1.5	Айти	167	45
1.6	Тита	141	41
1.7	Кайто:, Кайсай	118	38
2.1	Накаси́ма	65	22
2.2	Накаси́ма	96	22
2.3	Касугаи	137	28
2.4	Касугаи	79	32
2.5	Хагури	65	24
2.6	Нива	125	37

Отличительные черты географического описания провинции Овари в «Овари мэйсе дзуэ»

Всего: 13		1354	413
-----------	--	------	-----

Каждый свиток имеет следующую структуру: оглавление, где приведен список достопримечательностей; основная часть, которая делится на иллюстрацию и повествовательную часть в виде комментария.

Жанр *мэйсе дзуэ* активно изучают исследователи как в Японии, так и за ее пределами. Это в первую очередь работы западных исследователей Роберта Гори [9; 10], Вероник Беранже [11], Лауры Нэнзи [12; 13], японских ученых Хорикоси Тэцуми, Като: Сатоми, Като: Кадзуо, Иманиси Таками, Сайто Томоми [14], русской исследовательницы Анны Хализовой [15]. В исследованиях существуют два магистральных подхода, которые можно назвать «исторический» и «искусствоведческий». Второй ориентируется на художественную ценность входящих в *мэйсе дзуэ* иллюстраций.

Иллюстрации, играющие огромную роль для восприятия информации, сами по себе являются произведением искусства и объектом изучения искусствоведения. Особенности композиции, линии рисунка, другими, словами «форма» произведения рассматривается в работах по истории искусств. «Овари мэйсе дзуэ» в искусствоведческой литературе рассматривался лишь с подобной точки зрения.

При «историческом» подходе большее внимание обращается на «содержание», т.е. на ту объективную информацию, которую можно получить в результате изучения документа. Например, при таком подходе раскрываются вопросы истории повседневности, особенности местных религиозных воззрений.

В «Овари мэйсе дзуэ» упоминается 1354 географических объекта, а также 64 товара, 32 праздника и ритуала, 116 личностей. Художником специально нарисовано 413 иллюстраций, каждая из которых может рассматриваться как произведение изобразительного искусства, но в то же время является богатейшим источником информации для путешествующих о том месте, которое на ней изображено. Большую часть из упомянутых объектов составляют рукотворные (79,5%), что говорит об активной хозяйственной деятельности человека.

Свое начало обычай путешествия в японской культуре берет от паломничества к сакральным объектам. Количество культовых объектов в «Овари мэйсе дзуэ» составляет половину от всех упо-

мянутых. Третий свиток первой части источника полностью посвящен значимому святилищу Ацута и его окрестностям, где хранится одна из императорских реликвий – меч Кусанаги-но цуруги. Там же присутствуют упоминания как о важных государственных ритуалах, с которыми связана молитва о хорошем урожае, безопасности провинции и страны; так и о «местных». Многие ритуалы, своим исполнением отличаются от подобных из других провинций. Например, танец *То: ка* (踏歌). В период Эдо, в основном, в танцах То: ка участвовали женщины, тогда как в святилище Ацута еще и мужчины. «Местные» обряды зачастую связаны с производимыми на территории провинции товарами. *Дансэнданраку-но мацури* (大山車樂祭) – праздник, посвященный поплавам, которые производили неподалеку от святилища Ацута и которые являлись товаром-визитной карточкой провинции. К празднеству подготавливали высокую четырехъярусную платформу, украшенную изображением рыбы, и процессия с ней проходила вокруг святилища. Перед платформой устраивали ритуальные танцы.

В Овари мэйсе дзуэ говорится и о «военных» ритуалах: храмовая стрельба из лука *матои*, битва камнями *индзиути*. Матой (的射) – обряд стрельбы по целям из лука. Проходит весной. Подготавливали прямоугольную площадку, где на одной из ее двух меньших сторон ставили одну большую мишень. Стрелок стоял посередине. На другой стороне сидели священнослужители. Связан с молитвой о благополучии в наступившем году. Индзиути (印地打ち) – метание камней. Изначально специальная воинская техника. Амино Ёсихико называл ее западной военной техникой против восточной стрельбы из лука [16]. Бросание камней проводилось после *матои* в тот же день.

Провинция Овари занимает видное место в военной истории Японии. Согласно тому образу, который стараются создать составители памятника, первый император Дзимму высадился здесь во время своего Восточного похода, а его потомок Ямато Такэру проходил здесь со своим войском, когда направлялся на юг в столицу. Интересно, что сведения о походе Дзимму не отображены в первой официальной хронике Японского государства – *Нихон секи*, которой авторы пользовались при составлении «Овари мэйсе дзуэ». Основатель первого сёгуната Минамото Ёритомо родился здесь, а его младший брат, герой многих литературных произведе-

ний Ёсичунэ, прошел обряд совершеннолетия. В эпоху Сэнгоку здесь принялись за дело объединения Японии Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Упоминается множество других полководцев этой воинственной эпохи (например, Като Киёмаса и Имагава Ёсимото).

Почти в каждом из уездов говорится о замках и фортификационных сооружениях. Большинство сооружений было уничтожено после 1615 года, когда вышел закон Иккокуити-дзерэй (一国一城令, «Одна провинция – один замок»), предписывающий, что на территории владения должен находиться лишь один замок, поэтому многие из них упоминаются с префиксом «古» – «старый». Некоторые из них названы по имени исторического деятеля или рода: замок Сакума Наримаса (уезд Айти), замок Ямагути Мориюки (уезд Айти), замок рода Нарита (уезд Айти), замок Ода Тосихиро (уезд Накасима), замок рода Такигава (уезд Накасима), замок рода Оти (уезд Касугаи), замок Сасса Наримаса (уезд Касугаи), замок Исомура Сакон (уезд Касугаи), замок Ода Исэноками (уезд Нива); но также встречается другой принцип, когда называли по близлежащим географическим объектам (замок Симада и река Симадагава в уезде Айти).

Стоит также отметить, что в «Овари мэйсе дзуэ» указываются места сражений, и любой желающий мог посетить их. Упоминаются следующие сражения (в порядке появления на страницах книги):

1. Сражение при Нагакутэ (1584) – сражение между силами Тоётоми Хидэёси (на тот момент Хасиба Хидэёси; Тоётоми он станет именоваться лишь в 1586 г.), с одной стороны, и Токугава Иэясу, Ода Нобукацу – с другой. Итог: тактическая победа досталась Иэясу, но стратегическая победа осталась за Хидэёси. Старое место битвы, было проиллюстрировано в «Овари мэйсе дзуэ».

2. Сражение при Окэхадзама (1560) – сражение между Ода Нобунага, с одной стороны, и Имагава Ёсимото и Токугава Иэясу (тогда носивший имя Мацудайра Мотоясу) – Итог: победа войск Ода Нобунага. Сражение, как и место битвы было проиллюстрировано в «Овари мэйсе дзуэ». Стоит отметить, что иллюстрация, посвященная самой битве, представляет собой четыре разворота, на которых отображены такие сюжеты военной кампании, как пир

перед боем в лагере Имагава Ёсимото, внезапное нападение сил Овари в плохую погоду.

3. Сражение при Каядзу (1552) – сражение между разными ветвями рода Ода: Ода Нобунага против ветви Ода из Киёсу. Итог: победа Ода Нобунага.

4. Сражение при Курода (1389) – одно из сражений, произошедших во время восстания Токи Ясуюки против сегуна Асикага Ёсимицу (Токи Ясуюки-но ран).

5. Сражение при Укино (1558) – сражение происходило между представителями рода Ода: Ода Нобунага и Ода Нобуката. Итог: победа Ода Нобунага.

Как нетрудно заметить, большинство сражений связано с эпохой Сэнгоку и с личностями объединителей Японии. Выбивается лишь сражение при Курода, произошедшее в период Намбокутё. К тому же про это сражение дан лишь краткий комментарий, где указаны только участники. Видимо, авторы сочли его менее важным, чем другие.

Кроме того, в «Овари мэйсе дзуэ» рассказывается о поэтах Акадзомэ Эмон (около 956–1041), Хаяси То: ё: (?–1712), Басё (1644–1694), последний особенно известен тем, что много путешествовал по различным провинциям страны, совершал паломничества по тропам других известных поэтов), а также о Като Сюн-кэй – «отце-основателе» производства фарфора, последний стал визитной карточкой провинции Овари.

В период Эдо возникает новый тип массового путешествия – коммерческие поездки с целью приобрести определенный товар, которым славится та или иная местность. С другой стороны, у городского населения появилась возможность приобретать сувениры во время поездок. Начинает складываться новое понятие, отражаемое в *мэйсе дзуэ* – «мэйсан» (名産). Дословно можно перевести как «известный продукт». Если приводить аналогию, то он похож на современный «мэйбуцу» (продукт, которым славится местность). По сути, «мэйсан» – это товар, который является специфичным для данной местности и становится своеобразной визитной карточкой. Причем он может существовать в разных формах.

В «Овари мэйсе дзуэ» упомянуто 64 товара. Более половины (33 товара) – продовольственные. Восемь товаров связаны с фар-

фором и керамикой, четыре – с ткачеством, тогда как остальные (19 товаров) объединить в группы не представляется возможным. Упоминаются пинцет, ночники, талисманы при храмах, мечи, боевые лошади, бамбуковые корзины, жемчуг, ткани сибори.

Рассмотрим продовольственные товары. В силу географического положения в провинция Овари хорошо развито земледелие: на плодородных почвах выращивается не только рис, но и фрукты, овощи; в лесах собирают грибы и ростки бамбука; на побережье вылавливают рыбу. Упоминаются три сорта риса (продолговатый рис, рис рокугацу, рис то: та), два представителя бахчевых культур (кабачок дзе: дзе: ури и дыня хасиури), два сорта дайкона. Большое разнообразие присутствует и на рынке морепродуктов. Кроме осьминогов ловят и продают ставриду, креветок хосиэби, карпа нигои, водоросли.

Также в источнике написано о продуктах питания, изготовленных на территории провинции: сладости фудзиданго, которые, как и моти, используют при совершении религиозных обрядов; соленья Такуан-дзукэ и другие маринованные овощи; печенье хакусэцу окоси и печенье из пшеничной клейковины; соленые внутренности трепанга; коньяку; два вида сакэ.

Другая важная группа товаров связана с фарфором. На территории провинции Овари, кроме известной керамики Сэто, производилась также керамика Сасасима, керамика Синано, керамика Токонамэ, керамика Родзу и Сомэцуки, керамика Инуяма.

Товары можно было купить как на рынках, так и в лавках. Причем существовали специализированные лавки. На территории храма Нанацу существовала специализированная чайная лавка. Были магазины с собственным названием. Например, лавка по продаже кимоно называлась Ито: в честь хозяина магазина. Однако большинство лавок, указанных в источнике, безымянны. Написан только товар, который там продается: лавка по продаже угрей (уезд Кайто:), лавка по продаже масла (уезд Кайто:). Стоит отметить, что рынкам и лавкам уделено внимание не только в тексте комментария, но и на иллюстрациях.

Подобное обилие товаров объясняется и хорошим географическим положением (побережье, плодородные почвы), и активной хозяйственной деятельностью населения, которую также можно проследить в «Овари мэйсе дзуэ». Например, отдельные иллюст-

рации посвящены ирригационным сооружениям, необходимым для поливного рисоводства, таким как каменный водосток. Проявляются и «рекреационные объекты»: на одной из иллюстраций показан пляж, где, путешествующие мужчины и женщины совершают водные процедуры, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

«Овари мэйсе дзуэ» позволяет рассмотреть географию провинции с различных точек зрения, раскрывая не только такие аспекты, как рельеф и административно-территориальное деление, но и хозяйственная деятельность; исторический образ провинции; религиозные представления провинции, где расположено одно из значимых японских святилищ – святилище Ацута-тайся. Авторы «Овари мэйсе дзуэ» Окада Кэй и Ногуты Митинао, используя 836 письменных памятников и местные исторические байки, создавали образ провинции Овари таким, каким хотели его видеть жители самой провинции: место, тесно связанное с домом Минамото, откуда происходили первые сёгуны, и объединителями Японии в период Сэнгоку и Адзуты-Момояма. Данные сведения безусловно интересны для дальнейшего изучения и углубления исследований одного из образца жанра *мэйсе дзуэ* – «Овари мэйсе дзуэ».

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2015. – 411 с.
2. Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. – Санкт-Петербург: Филол. ф-тет СПбГУ, 2002. – 287 с.
3. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. – Москва: ИВ РАН, 1999. – 319 с.
4. Камада Мититака. Великое паломничество в Исэ: путешествия простого люда Эдо и вера = О-Исэ-маири Эдо семин-но таби то синсин. – Токио: Иванами, 2013. – 198 с. – Яп. яз.
5. Нихон секи – Анналы Японии / пер. и комм. Ермаковой Л.М., Мешерякова А.Н. – Санкт-Петербург: Гиперион, 1997. – Т. 1. – 496 с.; т. 2. – 432 с.
6. Окада Кэй, Ногуты Митинао, Одагири Сюнко. Альбом достопримечательностей провинции Овари. Первая часть = Овари мэйсе дзуэ дзэмпэн. – 1844 – URL: <https://websv.aichi-pref-library.jp/wahon/detail/94.html> (дата обращения: 10.07.2024). – Яп. яз.
7. Окада Кэй, Ногуты Митинао, Одагири Сюнко. Альбом достопримечательностей провинции Овари. Вторая часть = Овари мэйсе дзуэ ко: хэн (). – 1880 – URL: <https://websv.aichi-pref-library.jp/wahon/detail/103.html> (дата обращения: 10.07.2024). – Яп. яз.

8. Сыромятников Н.А. Развитие новояпонского языка. – Москва: Издательство ЛКИ, 2019. – 304 с.
9. Гори Р. О фокусе в мэйсе дзуэ = Мэйсё дзуэ-но ситэн ни цуитэ // Записи заседания международной конференции по японской литературе = Кокусай нихон бунгаку кэнкю: сю: кай кайги року. – 2010. – Т. 33. – Р. 217–228.
10. Goree R.D. *Fantasies of the Real: Meisho zue in Early Modern Japan*. PhD Dissertation. – New Haven: Yale University, 2010. – 378 p.
11. Béranger V. Les recueils illustrés de lieux célèbres (meisho zue), objets de collection // *Ebisu – Études Japonaises*. – 2002. – N 29. – P. 81–113.
12. Nenzi L. *Cultured Travelers and Consumer Tourists in Edo-Period Sagami* // *Monumenta Nipponica*. – 2004. – Vol. 59, N 3. – P. 285–319.
13. Nenzi L. *Excursions in Identity/Travel and the Intersection of Place, Gender, and Status in Edo Japan*. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2008. – 274 p.
14. Хорикоси Тэцуми, Като: Сатоми, Като: Кадзуо, Иманиси Таками. Зарождение универсального ландшафта в период Эдо на материалах Овари мэйсе дзуэ = Овари мэйсе дзуэ ни мирарэру Эдо дзидай-но юниба: сару рандосукэ: пу-но хо: га // Сборник материалов симпозиума, посвященного человеку и его жизненной среде = Нингэн-сэйкацу канкекэй симподзиуму хо: кокусю:. – 2020. – Т. 44. – С. 129–132. – Яп. яз.
15. Хализова А. Списки достопримечательностей Киото как исторический источник (списки мэйсе дзуэ). – Saarbuchen: Lambert Academic Publishing, 2011. – 132 с.
16. Аmino Ёсихико. История Японии, рассказанная Востоком и Западом = Хигаси то ниси-но катару нихон-но рэкиси. – Токио: Коданся гакудзюубунко, 2001. – 340 с. – Яп. яз.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2024 – № 4

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 29.10.2024

Формат 60×84/16	Цена свободная
Печать офсетная	Уч.-изд. л. 8,4
Усл. печ. л. 10,0	Заказ №
Тираж 300 экз.	
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6